

ПРАВΟΣЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 2 (05),
МАЙ 2017

ЖУРНАЛ ТАТАРСТАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И ТАТАРСТАНСКОГО ФЕОФАНА
○ **НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ** В ГОСТИНОМ ДВОРЕ ВОЗВРАЩЕН ЦЕРКВИ ○ **ПРОТОИЕРЕЙ**
НИКОЛАЙ АГАФОНОВ: ПИСАТЕЛЬ И СВЯЩЕННИК: ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ПРАВИЛО?

**Открыт специальный расчетный счет
для сбора средств на воссоздание
собора Казанской иконы Божией Матери**

Реквизиты:

НО Республиканский фонд возрождения
памятников истории и культуры Республики Татарстан

ИНН/КПП 1655069125 /165501001

ПАО «АК БАРС» Банк

р/с 40603810600028000245

к/с 30101810000000000805

БИК 049205805

Назначение платежа:

Добровольный благотворительный взнос на воссоздание
собора Казанской иконы Божией Матери

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Казанский и Татарстанский
Феофан, председатель
Епископ Альметьевский
и **Бугульминский Мефодий**
Епископ Чистопольский
и **Ниннекамский Пармен**
А. М. Елдашев, доцент Казанской право-
славной духовной семинарии
А. В. Журавский, заместитель министра
культуры Российской Федерации
В. П. Козлов, руководитель Националь-
ного архива Республики Татарстан
С. В. Кузнецов, генеральный директор
рекламного агентства «Лориен»
Протоиерей Владимир Самоilenко,
секретарь Казанской епархии
В. Ю. Сорокин, директор холдинга
«Связьинвестнефтехим»
Т. И. Сушенцова, председатель Обще-
ства православных литераторов Казани
Д. И. Хафизов, помощник мэра Казани
по вопросам религии и культуры
Протоиерей Алексей Чубаков,
благочинный первого округа Казани

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — игумен
Евфимий (Моисеев), первый проректор
Казанской православной духовной
семинарии, председатель информационно-
издательского отдела Казанской епархии
Заместитель главного редактора —
Алексей Сагань
**Редактор раздела «Хроника митро-
полии»** — диакон Дмитрий Аликин
**Редактор раздела «Молодежное слу-
жение»** — Артем Гаранин
**Редактор раздела «Социальное
служение»** — иеромонах Роман (Модин)
Редактор раздела «История Церкви» —
протоиерей Алексей Колчегин
**Редактор раздела «Церковь и обще-
ство»** — иерей Александр Ермолин
**Редактор раздела «История Казанской
духовной академии»** — Н. А. Асеева
**Редактор раздела «Православное бого-
словие»** — иерей Сергей Фуфаев
Редактор раздела «Библистика» —
протоиерей Александр Павлов
**Редактор раздела «Религиозная
философия»** — протоиерей Сергей Шкуро
Ответственный секретарь —
Екатерина Земцева
Выпускающий редактор —
диакон Кирилл Дмитриев
Корректор — Людмила Петухова
Оригинал-макет — Сергей Пивоваров
В номере использованы фото
пресс-служб Казанской, Чистопольской
и Альметьевской епархий
Фото на обложке: 1-я стр. — диакон
Дмитрий Аликин; 4-я стр. — Храм
свт. Николая в Гостином дворе.
Литография. А. Дюран. 1845 г.
Адрес редакции: 420036, Республика
Татарстан, Казань, ул. Челюскина, 31а,
тел. (843) 204-17-34

**Верстка, обработка изображений
и доредакционная подготовка** —
Издательство Сергея Бузунина

Отпечатано в типографии
ООО «АБАК-Услуги», 420140, Республика
Татарстан, г. Казань, пр. Победы, 78

Подписано в печать 02.05.2017 г.
Дата выхода в свет 10.05.2017 г.
Тираж 2000 экз. **Заказ** № 001481. Цена свободная.

Журнал возобновлен в мае 2016 года
Журнал «Православный собеседник» зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуни-
каций по Республике Татарстан (Татарстан). Свидетельство
о регистрации ПИ № ПУ16-01518 от 1 ноября 2016 г.
Учредитель Религиозная организация — духовная
образовательная организация высшего образования
«Казанская Православная Духовная Семинария Казанской
епархии Русской Православной Церкви»
Адрес издателя (учредителя): 420036, Республика
Татарстан, г. Казань, ул. Челюскина, 31а
Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

12+

Христос воскресе!

Дорогие читатели!

Очередной номер нашего журнала
выходит в дни Светлого Христова
Воскресения. По традиции номер
открывает Пасхальное послание гла-
вы Татарстанской митрополии — мит-
рополита Казанского и Татарстанско-
го Феофана.

В свете пасхальных торжеств да-
же мечта о возрождении Казанской
духовной академии не кажется уже
столь трудноосуществимой, тем более
что в эти дни у нас есть особенный
повод вспомнить одного из великих
тружеников академии, который был
не только ее историком и бытописа-
телем, но и, что немаловажно, состав-
лял славу Казанской академии далеко
за пределами самой Казани — честь,
которой удостоились немногие даже
выдающиеся ученые. Это заслужен-
ный ординарный профессор Петр Ва-
сильевич Знаменский, столетие со дня
кончины которого мы будем вспоми-
нать 15 (2) мая. В память о маститом
ученом мы публикуем его развернутое
жизнеописание, принадлежащее перу
его ученика и сподвижника профессо-
ра И. М. Покровского.

Серию богословских публикаций
продолжает статья заведующего ка-
федрой богословия и религиозной фи-
лософии иерея Сергея Шкуро, посвя-
щенная влиянию богословской систе-

мы Ареопагитиков на религиозно-
философские построения А. Ф. Лосева.

В связи с передачей Казанской епар-
хии храма свт. Николая Гостинодвор-
ского, которая состоялась в феврале
сего года, мы публикуем очерк исто-
рии этого храма вместе с уникальны-
ми, ранее не публиковавшимися его
изображениями из фондов Националь-
ного музея Республики Татарстан.

Литературная часть номера пред-
ставлена сразу тремя материалами:
это интервью с известным писателем
протоиереем Николаем Агафоновым,
очерк профессора МГУ В. А. Воропа-
ева о последней встрече Н. В. Гоголя
и его духовника — протоиерея Мат-
фея Константиновского, а также не-
большая подборка стихотворений ка-
занского филолога и поэта начала
XX века Н. М. Петровского.

Читатели, следящие за нашими пуб-
ликациями, смогут прочитать продол-
жение воспоминаний протоиерея Пор-
фирия Руфимского об истории Казан-
ской семинарии и практического ру-
ководства архитектора-реставратора
А. С. Тутунова о принципах реставра-
ции храмов. ✚

*Игумен Евфимий,
главный редактор журнала
«Православный собеседник»*

4

18

9

15

19

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! 4
 Пасхальное послание митрополита Казанского и Татарстанского Феофана архипастырям, пастырям, монашествующим и мирянам Татарстанской митрополии Русской Православной Церкви

ОФИЦИАЛЬНО

УКАЗ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА О НАГРАЖДЕНИИ КЛИРИКОВ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ 6

УКАЗЫ МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКОГО И ТАТАРСТАНСКОГО ФЕОФАНА 7

ХРОНИКА МИТРОПОЛИИ

ПРЕМЬЕРА ФИЛЬМА ОБ АРХИЕПИСКОПЕ СЕРГИИ (КОРОЛЕВЕ) 8

ГИМНАЗИСТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАЗАНСКОГО СОБОРА 8

В ЧИСТОПОЛЕ ПРОШЛА НЕДЕЛЯ ПРАВОСЛАВНОГО КИНО 9

НИКОЛО-ГОСТИНОДВОРСКИЙ ХРАМ ВОЗВРАЩЕН ЦЕРКВИ 9

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ УДОСТОВЕРЕНА БЛАГОДАРНОСТИ СВЯЩЕННОГО СИНОДА 10

РЕСТАВРАЦИЯ ХРАМА-ПАМЯТНИКА НА КАЗАНКЕ 10

ПАЛОМНИЧЕСТВО В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ 11

КЛИРИК КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ УДОСТОВЕРЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАГРАДЫ 14

В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ ПРОШЕЛ КОНКУРС ЧТЕЦОВ ПСАЛТИРИ 14

ПОДГОТОВКА К III ФОРУМУ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 15

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В БЛАГОВЕЩЕНСКОМ СОБОРЕ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ 16

ПАСХАЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В РАИФСКОМ МОНАСТЫРЕ 18

ПАСХАЛЬНАЯ ВЕЧЕРНЯ В БЛАГОВЕЩЕНСКОМ СОБОРЕ 19

ВИЗИТ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕРА РФ А. Г. ХЛОПОНИНА В КАЗАНЬ 20

МИТРОПОЛИТ ФЕОФАН ВСТРЕТИЛСЯ С ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ И СТУДЕНТАМИ КОУ 20

ЕПИСКОП МЕФОДИЙ ОСВЯТИЛ ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР БУГУЛЬМЫ 24

В АЛЬМЕТЬЕВСКЕ ЗАЛОЖИЛИ КАПСУЛУ НА МЕСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ 24

В АЛЬМЕТЬЕВСКОЙ ЕПАРХИИ ОТМЕТИЛИ ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ КНИГИ 25

26

ПРОФЕССОР П. В. ЗНАМЕНСКИЙ — ИСТОРИК-ХУДОЖНИК И ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

«Я ВСЬ ПРИНАДЛЕЖУ АКАДЕМИИ...» 26
К 100-летию со дня кончины заслуженного
ординарного профессора Казанской духовной
академии П. В. Знаменского (1836–1917)

**К КОНЧИНЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ОРДИ-
НАРНОГО ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПЕТРА
ВАСИЛЬЕВИЧА ЗНАМЕНСКОГО 28**

БОГОСЛОВИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

**ЗАГАДКА
СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ 58**
Corpus Ageoapatiticum как богословская
система, с точки зрения А. Ф. Лосева

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

**КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ
И ЕЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ 64**
Воспоминания протоиерея Порфирия
Румфимского

82

ПРАКТИКУМ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ... 74
Продолжение публикации материалов,
легших в основу лекций опытного архитек-
тора А. С. Тутунова о реставрации памятников
церковного зодчества. Лекции состоялись
25 ноября в стенах КазПДС

ИСТОРИЯ

«НЕ ЛОМАЙТЕ, ОНА ЕЩЕ ПРИГОДИТСЯ» 82
6 февраля 2017 года Николо-
Гостинодворская церковь передана
Казанской епархии

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДВАЛ

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ 88
К 160-летию со дня кончины протоиерея
Матфея Константиновского (1791–1857)
и 165-летию со дня кончины Н. В. Гоголя
(1809–1852)

58

**ПИСАТЕЛЬ И СВЯЩЕННИК:
ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ПРАВИЛО? 96**
В марте в Казанской епархии прошли мероприятия,
посвященные Дню православной книги. Одним из цен-
тральных событий этого праздника стали встречи
прихожан казанских храмов и учащихся Казанской
православной духовной семинарии с известным писа-
телем протоиереем Николаем Агафоновым

«В СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ 1918 Г.» 102
О поэтическом творчестве Н. М. Петровского,
профессора славянской филологии
Императорского Казанского университета

Христос воскресе!

*Пасхальное послание митрополита Казанского и Татарстанского
Феофана архипастырям, пастырям, монашествующим и мирянам
Татарстанской митрополии Русской Православной Церкви.*

*Возлюбленные во Господе
преосвященные архипастыри!
Досточтимые пастыри!
Честные иноки и инокини!
Дорогие братья и сестры!*

С любовью о Христе Воскресшем от всей души и от всего сердца поздравляю вас с величайшим праздником — Светлым Христовым Воскресением и приветствую вас вечно живыми апостольскими словами — «Христос воскрес!».

По неисповедимой милости Бога и Отца имею великую радость вновь свидетельствовать перед вами о Воскресении Сына Божия и призвать всех вас к духовному торжеству словами пасхального песнопения: «Приидите, нового винограда рождения, Божественного веселия в нарочитом дни воскресения Царствия Христова приобщимся, поюще Его, яко Бога во веки». Закончились дни Великого поста и Страстной седмицы, дни покаянной скорби и слез, сегодня всех нас объяла неизреченная радость. Воскрес Христос, и свет во тьме светит, и тьма не объяла его... (Ин. 1:5).

Через Воскресение Спасителя мы все становимся члена-

ми Единого Тела Христова, дабы в единстве и радости всегда пребывать с Воскресшим Господом. Во Христе мы соделались новой тварью (2 Кор. 5:17), а через веру в Него — чадами Божиими по благодати (Рим. 8:16). Своим Воскресением Христос ведет нас к конечной цели земного бытия — воскресению из мертвых, как прекрасно говорит об этом святитель Иоанн Златоуст: «Пусть никто не страшится смерти, ибо нас всех освободила Спасова смерть...»

Каждый раз, собираясь в пасхальную ночь под сводами святых храмов, чтобы услышать радостное «Христос Воскресе!», мы заново переживаем великое таинство воскресения, свершившееся у Живоносного Гроба Господня. Об этом великом таинстве мы призваны свидетельствовать всем своим близким. Принесем же свет воскресения туда, где еще не знают Бога, согреем теплотой своих сердец тех, кто одинок, болен или страждет, поможем тем, кто нуждается. Сделаем все возможное, чтобы сердце каждого наполнилось радостью Воскресения Христова!

Более двух тысяч лет Пасха Христова объединяет сердца людей верой в победу добра над злом, света над тьмой, жиз-

ни над смертью. Понимание этого единства сугубо важно для нас, живущих на древней земле Татарстана. Пасха нашей Святой Православной Церкви объединяет здесь представителей множества народов. И все вместе мы живем рядом с последователями иных конфессий. Отрадно видеть, как укрепляется в нашей республике единство и взаимопонимание, мир и добрососедство. Но нам всем надо помнить, что благополучие бывает только там, где есть взаимное уважение и согласие.

В наступившем году мы вспоминаем столетие революционных событий 1917 года, положивших начало, пожалуй, самому трагическому периоду истории нашего Отечества. Февральская революция, Октябрьский переворот, братоубийственная война, террор и массовые репрессии — все это стало огромным испытанием для нашего народа. В жизни Русской Православной Церкви началась эпоха гонений, которые по своему масштабу несопоставимы даже с гонениями Древней Церкви. Сотни тысяч священнослужителей, монашествующих и мирян, сохранив верность Христу, стали исповедниками и мучениками за веру.

Ныне перед каждым из нас стоит задача осмысления этих событий, извлечения из них важных для себя уроков. Да, сегодня по милости Божией возрождается истинная роль Православия в жизни нашего общества. Священноначалие, клир и весь народ Божий усердно трудятся ради сохранения и возрождения духовного и культурного наследия, общественной нравственности, мира и согласия между людьми разных национальностей, вероисповеданий, политических взглядов. К сожалению, враждебные Православию силы постоянно испытывают на прочность нашу Церковь, поэтому сегодня долг каждого православного христианина — хранить церковное единство и твердо стоять в святой православной вере.

В текущем году мы будем также отмечать 100-летие Поместного Собора 1917–1918 годов, который имеет особое значение в русской церковной истории. 28 октября 1917 года Собор принял судьбоносное решение о восстановлении Патриаршества в нашей Церкви. Помимо этого, на Соборе рассматривался широкий круг вопросов, не утративших своей актуальности и в настоящее время.

Сразу две памятные даты ждут нас в нынешнем году и в области духовного образования нашего края. Это 175-летие со дня воссоздания Казанской духовной академии и 20-летие возрождения Казанской духовной семинарии. Казанская духовная академия была одним из крупнейших центров церковно-научной жизни дореволюционной России. Наследницей Академии является наша духовная семинария, возрожденная в 1997 году. Как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях Святейший Патриарх

Кирилл, развитие богословского образования является приоритетной задачей, от решения которой во многом зависит будущее нашей Церкви.

По милости Божией, попечением благодетелей, трудами и помощью православных христиан, а также наших мусульманских братьев возрождается общенациональная святыня — соборный храм на месте явления чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Надеемся, что в этом году молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы основные работы по воз-

ведению храма будут завершены и мы сможем перейти к его внутренней отделке.

Большим событием в церковной жизни Татарстана стало также возвращение Казанской епархии храма святителя Николая в Гостином Дворе, в котором служил священником будущий патриарх-исповедник, священномученик Ермоген. Восстановление этого храма в былой красоте и величии должно стать для всех нас той задачей, которую мы, дорогие мои, не сомневаюсь, будем также решать всем миром, ибо ничто так духовно не скрепляет и не объединяет народ наш, как совместное восстановление поруганных и оскверненных святынь.

В эти святые праздничные дни сердечно благодарю всех, кто принимает живое участие в жизни нашей митрополии: архипастырей, несущих священительское служение в нашей республике, пастырей, которые с любовью и усердием совершают труды духовного окормления верующих, и наш народ православный, не утративший, несмотря на десятилетия безбожия, любви к Богу и Его Святой Церкви.

Благодарю всех за молитвенную поддержку, которую я, как архипастырь, ощущаю постоянно. Выражаю искреннюю признательность тем, кто имеет попечение о созидании и благоустройстве храмов Божиих, кто участвует в развитии духовного образования, в делах благотворительности, в социальной и миссионерской работе, кто трудится на иных поприщах церковного служения. Мы не должны забывать, что любое движение души человеческой навстречу Богу способно внести вклад в святое дело духовного просвещения наших соотечественников.

В сей нареченный и святой день хочу пожелать всем вам, возлюбленные собратья-архипастыри, досточтимые пресвитеры и диаконы, честные иноки и инокини, дорогие братья и сестры, радости о живоносном и спасительном Воскресении нашего Господа! Имейте любовь между собою, будьте преданы Христу, храните верность нашей Матери-Церкви!

И да пребудет Воскресший тридневно Господь наш Иисус Христос со всеми вами! ✝

Воистину воскрес Христос!

*Митрополит Казанский
и Татарстанский Феофан.
Пасха Христова. 2017 год*

Указ Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о награждении клириков Казанской епархии

26 МАРТА 2017 ГОДА

Определением моим от 17 марта 2017 г. № У-01/32 к празднику Святой пасхи 2017 года удостоить священнослужителей Казанской епархии богослужебно-иерархических наград, в соответствии с прилагаемым списком.

УДОСТОИТЬ ПРАВА СЛУЖЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ С ОТВЕРСТЫМИ ЦАРСКИМИ ВРАТАМИ ДО ХЕРУВИМСКОЙ ПЕСНИ

Протоиерея **Николая Ивановича Тимофеева**, клирика Никольского кафедрального собора г. Казани.

Протоиерея **Николая Александровича Ушакова**, клирика Никольского кафедрального собора г. Казани.

УДОСТОИТЬ САНА АРХИМАНДРИТА

Игумена **Игнатия (Григорьева)**, настоятеля Архиерейского подворья сщмч. Кирилла, митрополита Казанского, г. Казани.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ МИТРЫ

Протоиерея **Олега Борисовича Богданова**, настоятеля храма бесср. Космы и Дамиана г. Набережные Челны Республики Татарстан.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ КРЕСТА С УКРАШЕНИЯМИ

Протоиерея **Алексия Аркадьевича Загуменова**, настоятеля Богоявленского храма г. Менделеевска Республики Татарстан.

Протоиерея **Сергия Михайловича Козлова**, клирика храма прп. Серафима Саровского г. Набережные Челны Республики Татарстан.

Протоиерея **Валентина Борисовича Кострина**, настоятеля храма Святой Троицы г. Тетюши Республики Татарстан.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ ПАЛИЦЫ

Протоиерея **Сергия Михайловича Архипова**, настоятеля храма пророка Илии с. Песчаные Ковали Лаишевского района Республики Татарстан.

Протоиерея **Леонида Николаевича Прокопьева**, настоятеля храма бесср. Космы и Дамиана с. Нурья Кукморского района Республики Татарстан.

Иеромонаха **Иннокентия (Ручкина)**, клирика Вознесенского собора г. Набережные Челны Республики Татарстан.

Протоиерея **Феодора Юрьевича Сапарова**, настоятеля храма Казанских святых с. Столбище Лаишевского района Республики Татарстан.

ВОЗВЕСТИ В САН ПРОТОИЕРЕЯ

Иерея **Олега Александровича Волкова**, настоятеля храма Архангела Михаила с. Старое Чекурское Дрожжановского района Республики Татарстан.

Иерея **Павла Геннадьевича Кириллова**, настоятеля храма свт. Николая Мирликийского с. Пановка Пестречинского района Республики Татарстан.

Иерея **Сергия Евгеньевича Нечипоренко**, настоятеля храма ап. Иоанна Богослова с. Масловка Рыбно-Слободского района Республики Татарстан.

Иерея **Александра Владимировича Полонянкина**, клирика храма прп. Ксении Римлянины г. Мамадыша Республики Татарстан.

Иерея **Василия Леонидовича Тимашева**, настоятеля храма апп. Петра и Павла с. Соколки Мамадышского района Республики Татарстан.

Иерея **Павла Анатольевича Черкашина**, клирика храма бесср. Космы и Дамиана г. Набережные Челны Республики Татарстан. ✚

Указы митрополита Казанского и Татарстанского Феофана

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ НАПЕРСНОГО КРЕСТА

Иеромонаха Гавриила (Федотова), насельника Казанского Богородицкого мужского монастыря.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ КАМИЛАВКИ

Иерея Глеба Александровича Кривошеина, штатного священника храма свв. блгвв. кнн. Феодора, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, г. Казани.

Иерея Романа (Руслана) Азатовича Мулекова, штатного священника храма свв. блгвв. кнн. Феодора, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, г. Казани.

Иерея Михаила Владимировича Климова, настоятеля храма Живоначальной Троицы с. Урманчеево Мамадышского района.

Иерея Павла Борисовича Пурлова, настоятеля храма прп. Сергия Радонежского с. Старое Дрожжаное Дрожжановского района.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ НАБЕДРЕННИКА

Иерея Сергия Александровича Подопрелова, штатного священника Духосошестввенского храма г. Казани.

Иерея Алексея Анатольевича Порфирьева, настоятеля храма Пророка Ильи с. Красновидово Тетюшского района.

Иерея Андрея Валерьевича Дортмана, настоятеля молельной комнаты в честь иконы Божией Матери «Державная» при СДК д. Орел Лаишевского района.

УДОСТОИТЬ ПРАВА НОШЕНИЯ ДВОЙНОГО ОРАРЯ

Диакона Александра Валерьевича Ефремова, диакона Свято-Введенского Кизического мужского монастыря г. Казани.

Диакона Дмитрия Васильевича Степанова, штатного диакона Никольского кафедрального собора г. Казани.

Диакона Сергия Николаевича Трифонова, штатного диакона Никольского кафедрального собора г. Казани.

№ 2. 20 ЯНВАРЯ 2017 ГОДА ДИАКОНУ СЕРГИЮ ВИКТОРОВИЧУ ВОХМЯНИНУ

Определением моим от 20 января 2017 года Вы назначаетесь заместителем председателя Отдела по взаимодействию с казачеством Казанской епархии с сохранением ранее возложенных на Вас послушаний.

№ 3. 25 ЯНВАРЯ 2017 ГОДА ИГУМЕНУ СИМЕОНУ (КУЛАГИНУ АРТЕМУ ВЛАДИМИРОВИЧУ)

Определением моим от 25 января 2017 года Вы, согласно постановлению Священного Синода от 27 декабря 2016 года (журнал № 132), назначаетесь на должность наместника Религиозной организации «Свияжский Богородице-Успенский мужской монастырь Казанской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

№ 4. 6 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА ИЕРЕЮ СЕРГИЮ ИВАНОВИЧУ БУХЕНКО

Определением моим от 6 февраля 2017 года Вы назначаетесь штатным священником прихода иконы Божией Матери «Взыскание погибших» г. Казани с сохранением ранее возложенных на Вас послушаний.

№ 5. 15 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА ИЕРЕЮ АРТЕМИЮ ЮРЬЕВИЧУ ГЛУЩЕНКО

Определением моим от 15 февраля 2017 года Вы освобождаетесь от должности штатного клирика Петропавловского собора г. Казани и назначаетесь штатным клириком Архиерейского подворья священномученика Кирилла, митрополита Казанского, г. Казани.

№ 8. 6 МАРТА 2017 ГОДА ИЕРЕЮ АЛЕКСИЮ АНДРЕЕВИЧУ ШИЛОВУ

Определением моим от 6 марта 2017 года Вы освобождаетесь от должности штатного священника Архиерейского подворья в честь Крещения Господня г. Казани и назначаетесь настоятелем и председателем приходского совета Местной православной религиозной организации «Приход церкви Святого Николая

Чудотворца села Пановка Высокогорского района Республики Татарстан Казанской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

№ 9. 6 МАРТА 2017 ГОДА ИЕРОДИАКОНУ МЕФОДИЮ (КОПЬЕВУ КИРИЛЛУ ВАЛЕРЬЕВИЧУ) КЛИРИКУ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Настоящим Вы, согласно поданному прошению, почисляетесь за штат Казанской епархии с правом перехода в другую епархию, но без права служения вне вверенной мне епархии до направления мною документа о временном командировании или отпускной грамоты в иную епархию. В случае неустойчивости на служение в течение трех месяцев Вы запрещаетесь в служении с правом подачи прошения о восстановлении в клире вверенной мне епархии или о продлении срока пребывания за штатом с правом перехода в другую епархию.

№ 15. 4 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА ИЕРЕЮ АЛЕКСИЮ ВИКТОРОВИЧУ КОЛЯСЕВУ

Определением моим от 4 апреля 2017 года Вы принимаетесь в штат клира Казанской епархии.

№ 16. 4 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА ИЕРЕЮ АЛЕКСИЮ ВИКТОРОВИЧУ КОЛЯСЕВУ

Определением моим от 4 апреля 2017 года Вы назначаетесь настоятелем Покровского храма села Кильдюшево Тетюшского района Республики Татарстан, настоятелем Никольского прихода с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан и штатным священником Троицкого храма г. Тетюши.

№ 19. 5 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА ДИАКОНУ АЛЕКСИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШАМАНИНУ

Определением моим от 5 апреля 2017 года Вы освобождаетесь от должности штатного диакона Свято-Вознесенского архиерейского подворья г. Набережные Челны и назначаетесь штатным диаконом прихода Святой Троицы г. Елабуги. 🌸

Премьера фильма об архиепископе Сергии (Королеве)

5 февраля в актовом зале Казанской православной духовной семинарии состоялся премьерный показ документального фильма «Архиепископ Сергий (Королев). Жизнь Неба на земле», посвященного 65-летию со дня кончины выдающегося архипастыря Русской Православной Церкви.

Фильм о владыке был снят сотрудником информационного отдела Казанской епархии Ранисом Гильмутдиновым и студентом IV курса КазПДС Алексеем Павловым.

«Я благодарен Господу за то, что Он помог нам сделать фильм, помог найти нужных людей. И, конечно, хочу сказать спасибо Ранису за отличную съемку и монтаж, а также верующим, больше года поддерживавшим нас словом, делом и молитвой. Мы снимали этот фильм не ради собственной славы, а ради прославления Бога. Люди, посмотрев его, познакомятся с христианской жизнью великого человека, которую можно назвать жизнью Неба на земле и которая является для нас ценнейшим примером», — сказал перед премьерой Алексей Павлов.

На мероприятии присутствовали преподаватели и студенты духовной семинарии, а также прихожане казанских храмов.

«Фильм мне очень понравился. С каким трепетом вспоминают владыку Сергия те, кому довелось его увидеть. Общаться с ним, служить с ним — это большая радость. Спасибо авторам фильма и всем, кто с такой любовью о нем рассказал», — поделилась своими впечатлениями прихожанка семинарского храма Наталья Титова.

Документальный фильм рассказывает о сложной судьбе архиепископа Казанского и Чистополь-

ского Сергия (Королева), большую часть своей жизни посвятившего служению за пределами России: в Праге (Чехословакия), в Берлине (Германия), а также в Вене (Австрия). В 1950 году он возглавил Казанскую епархию. В Казани его запомнили как ревностного архипастыря. О. Сергий трепетно относился к богослужению, ввел в казанских городских церквях ежедневные службы, которые посещал и часто служил сам. «Этим он достиг того, что верующих стало больше ходить в церковь, и поднял свой авторитет» — так рапортовали чекисты.

Жил он скромно, на помощь нуждающимся порой отдавал весь свой архиерейский доход. До последних своих дней, даже будучи смертельно больным, принимал многочисленных посетителей. Огромный духовный и пастырский опыт владыки нашел выражение в его мудрых словах: «Царство Божие начинается здесь, на земле. В сердце и в отношениях людей друг к другу, в преображении себя и окружающего мира».

Гимназисты на строительстве Казанского собора

7 февраля воспитанники и преподаватели православной гимназии имени Гурия Казанского во главе с ее директором протоиереем Алексием Чубаковым посетили Казанско-Богородицкий мужской монастырь. По прибытии в монастырь учащиеся пропели тропарь перед чудотворным Казанским образом Божией Матери. Затем побывали на смотровой площадке строящегося собора в честь Пресвятой Богородицы. Ребята приехали на место обретения Казанской иконы Божией Матери, чтобы передать воссоздаваемому храму свой маленький «кирпичик» — 115 тысяч рублей — средства, вырученные от благотворительного концерта, прошедшего 29 января в Доме дружбы народов Татарстана. Свое пожертвование гимназисты в завершение экскурсии опустили в кружку для пожертвований.

В Чистополе прошла Неделя православного кино

С 20 по 26 февраля в Чистополе проходил кинофестиваль «Неделя православного кино», принять участие в котором могли все желающие. Мероприятие проводилось в городе впервые, однако в первый же день собралось большое количество гостей.

Неделя православного кино, по словам одного из организаторов кинофестиваля диакона Василия Имукова, — это не просто кино о православии, это история и судьбы в лицах персонажей; приятный досуг в дружественной обстановке; возможность провести время с близкими людьми; необыкновенная атмосфера кинематографа в суеде дней. Православное кино — лучик радостных эмоций и хорошего настроения.

Неделю православного кино открыл фильм «Архиепископ Сергей (Королев). Жизнь Неба на земле», премьера которого прошла в Казани несколько ранее — в начале февраля.

Перед показом всех собравшихся приветствовали епископ Чистопольский и Нижнекамский Пармен и заместитель главы города Чистополя Михаил Ксенофонтов. Выступили также и гости из Казани — авторы фильма Алексей Павлов и Ранис Гильмутдинов.

После просмотра фильма правящий архиерей поблагодарил всех участников первого дня кинофестиваля: «Между нами всегда должен быть диалог, который выражается в словесном прославлении Бога и святых Его. Сегодняшний вечер был настоящей духовной трапезой. Очень радостно, что в преддверии поста мы с вами не празднично проводим время, а ищем Бога в этом дивном выражении, которое в XXI веке может быть нам предоставлено».

Гостей фестиваля ожидала насыщенная программа: все желающие могли посетить выставку картин учащихся детской художественной школы, сфотографироваться в фотозоне, а также оценить мастерство участниц кулинарного конкурса, проходившего во время кинофестиваля.

Николо-Гостинодворский храм возвращен Церкви

6 февраля Министерство земельных и имущественных отношений Республики Татарстан передало в собственность Казанской епархии здание Николо-Гостинодворской церкви (ул. Кремлевская, 2/6) для использования в соответствии с уставной деятельностью.

Возвращение церковного имущества состоялось во исполнение Поручения Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова от 30 января сего года в связи с обращением митрополита Казанского и Татарстанского Феофана.

Решение главы республики было принято в соответствии с Федеральным законом «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», республиканскими законами «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан», «О передаче полномочий по безвозмездной передаче государственного имущества религиозного назначения Республики Татарстан религиозным организациям и принятию имущества в государственную собственность Республики Татарстан» и др.

До 2017 года в здании храма размещался Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу. Недавно государственному учреждению было передано новое здание, в которое оно переедет в ближайшее время.

Гостинодворская церковь упоминается в письменных источниках уже с XVI века. Исторически храм входит в комплекс зданий Гостиного Двора (1800–1815 гг.).

Особое значение храм приобрел после того, как его настоятель священник Ермолай, будущий патриарх Московский и всея Руси Ермоген, перенес сюда с места обретения новоявленную Казанскую икону Божией Матери. Главной святыней Николо-Гостинодворской церкви, привлекавшей множество богомольцев, была икона святителя Николая, обретенная в 1777 году в развалинах одной из сожженных пугачевцами церквей.

За четыре с лишним века своей истории храм несколько раз перестраивался, сильно обветшал, в советский период полностью утратил оригинальный интерьер. Для возрождения церковной жизни храму потребуется серьезная реставрация.

Казанская духовная семинария удостоена благодарности Священного Синода

9 марта на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, состоявшемся в зале заседаний Священного Синода Патриаршей и Синодальной резиденции в Даниловом монастыре в Москве под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, был заслушан рапорт председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви архиепископа Вереяского Евгения о рейтинге высших духовных учебных заведений Русской Православной Церкви по состоянию на декабрь 2016 года (журнал № 13).

Учебный комитет проводит регулярное плановое инспектирование высших духовных учебных заведений (академий и семинарий), расположенных на территории Российской Федерации. По итогам инспекционных проверок был произведен анализ полученных результатов и составлен рейтинг, в рамках которого учебные заведения поделены на четыре группы:

В первую группу включены духовные учебные заведения, которые, по мнению инспекционных комиссий, достигли уровня магистратуры или потенциально способны к ее открытию.

Во вторую группу вошли духовные семинарии, стабильно функционирующие на ступени бакалавриата или специалитета, имеющие незначительные недостатки.

Третья группа объединяет духовные семинарии, стабильно функционирующие на ступени бакалавриата или специалитета, имеющие недостатки в обеспечении учебного и/или воспитательно-образовательного процесса.

Четвертая группа состоит из семинарий, не отвечающих большинству критериев современного высшего духовного учебного заведения.

Священный Синод постановил выразить благодарность ректорам и администрации следующих духовных учебных заведений, относящихся к первой рейтинговой группе: Санкт-Петербургской и Московской духовных академий, Саратовской, Коломенской, Пензенской, Оренбургской, Смоленской, Казанской, Сретенской и Кузбасской духовных семинарий.

Реставрация храма-памятника на Казанке

В казанском храме-памятнике в честь Нерукотворного Образа Спасителя, расположенном на Казанке, продолжаются реставрационные работы.

Ремонтом храмового здания занимается ОАО «Татарское специальное научно-реставрационное управление» — компания, являющаяся автором проектов реставрации и воссоздания памятников в Казани, Болгаре и Свияжске.

С конца февраля текущего года проводится укрепление берегов, которое планируется в скором времени завершить.

О ходе работ рассказал прораб Владимир Биринев: «Мы укрепляем третью часть берегов с юго-восточной стороны. Сначала мы очистили

ото льда рабочую область, а сейчас снимаем часть грунта. Затем положим металлический каркас, который будет засыпан щебнем. Эта конструкция предохранит берег от размывания».

Лестницы со всех четырех сторон храма, пришедшие в негодность от соприкосновения с водой, было решено разобрать и построить новые. По словам одного из сотрудников научно-реставрационной организации, в ближайшей перспективе предстоит работа по укреплению фундамента.

В свою очередь реставраторы, опираясь на старые чертежи и документы, восстанавливают кирпичные стены нижней части фасада храма и облицовывают их бутовым камнем. На сегодняшний день здание подключено к системам электроснабжения и отопления. Завершена роспись купольной части.

Церковь в честь Нерукотворного Образа Спасителя является памятником федерального значения и восстанавливается при содействии правительства Республики Татарстан. Контроль за реставрационными работами осуществляют республиканские власти и Татарстанская митрополия.

Паломничество в Святую Землю

С 13 по 21 марта нынешнего года, в дни Великого поста, по благословению митрополита Казанского и Татарстанского Феофана группа из 55 человек, в состав которой вошли священнослужители

и православные верующие Татарстана, совершили паломническую поездку на Святую Землю. Принимающей стороной выступила Русская Духовная Миссия в Иерусалиме.

Вечером 13 марта, перед дорогой, в Духосошестввенском храме Казани был совершен молебен о путешествующих, после которого благочинный I Казанского округа протоиерей Алексей Чубаков, возглавивший делегацию, обратился к паломникам с напутственным словом: «Дорогие отцы, братья и сестры! Сейчас мы с вами совершили молебное пение, испросили благословение Божие на паломническую поездку в святой град Иерусалим. Дай Бог каждому из нас коснуться стопами Святой Земли и «прочитать» Евангелие своими ногами. После пребывания на Святой Земле совсем иначе читаешь Евангелие и воспринимаешь сказанное в Священном Писании. Дай Бог всем нам, вернувшись из паломнической поездки, измениться к лучшему».

Первым местом посещения паломников стал город Яффа. Именно отсюда исторически начинали паломничество по местам земной жизни Спасителя русские путешественники. Утром 15 марта паломники молились за Литургией Преждеосвященных Даров в храме Рождества Христова в Вифлееме и причастились Святых Христовых Таин.

В этот же день паломники посетили Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, где поклонились святыням Троицкого собора.

На встрече с секретарем Миссии игуменом Никоном (Головко) протоиерей Алексей Чубаков передал приветствие в адрес начальника и членов Миссии от главы Татарстанской митрополии. На молитвенную память он преподнес отцу Никону Казанскую икону Божией Матери.

ПАЛОМНИКИ ИЗ ТАТАРСТАНА
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Клирик Казанской епархии удостоен государственной награды

18 марта в Пушечном дворе Казанского Кремля председатель Государственного Совета Республики Татарстан Фарид Мухаметшин вручил государственные награды лучшим представителям творческой и научно-технической интеллигенции Татарстана, работникам различных отраслей экономики и социальной сферы.

В начале торжественной церемонии Фарид Мухаметшин обратился с приветственным словом к собравшимся, отметив, что в республике стало доброй традицией отмечать заслуги лучших представителей трудовых коллективов в Кремле.

Государственные награды в этот день были вручены 49 татарстанцам. В числе награжденных был духовник Кряшенского благочиния протоиерей Павел Павлов. Отец Павел награжден медалью «За доблестный труд».

В Набережных Челнах прошел конкурс чтецов Псалтири

19 марта в храме святых бессребреников Космы и Дамиана города Набережные Челны прошел конкурс чтецов на церковнославянском языке. Это мероприятие, посвященное Дню православной книги, проводится ежегодно. В нынешнем году участие в нем принимали как младшие ученики воскресной школы, так и опытные чтецы из школы «Псалтирь».

Участники разделились на четыре возрастные группы: младшие ученики воскресной школы и старшие, ребята из молодежной группы «Ихтис», участники паломнического общества «Ветка Палестины» и прихожане старшего возраста.

В состав жюри вошли преподаватель школы «Псалтирь» Сергей Пичугин, псаломщик храма Светлана Черкашина и инокиня Анна.

Жюри оценивало правильность произношения, интонацию, скорость чтения, громкость и дикцию.

Каждый участник должен был прочесть отрывок из какого-либо псалма, а также ответить на несколько вопросов. Младшие участники называли полное название букв, которые им показывала комиссия. Оказалось, что это совсем не просто. Ребята отлично знают, как каждая буква читается, но вот как она называется, запомнили не все. Сложности вызывали буквы «омега», «юс малый» и «живете».

Старшие конкурсанты отвечали на более сложные вопросы. Им, например, нужно было перечислить номера псалмов, содержащие пророчества о Мессии, или назвать самого первого автора псалмов.

Жюри определило победителей в каждый возрастной группе. Все получили в подарок книгу «Житие святых Кирилла и Мефодия», а также фирменный блокнот с фотографией Космодамианской церкви.

Подготовка к III Форуму православной общественности Республики Татарстан

30 марта в здании Аппарата Президента Республики Татарстан состоялось первое заседание организационного комитета III Форума православной общественности Татарстана.

Цель проведения данного форума — поддержка традиционных духовных ценностей, сохранение и развитие православной культуры в Поволжье.

На совещании под председательством заместителя руководителя Государственного Совета Республики Татарстан Ю.З. Камалтынова присутствовали: епископ Альметьевский и Бугульминский Мефодий; заместитель руководителя Аппарата Президента Республики Татарстан — руководитель Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики А.М. Терентьев; генеральный директор ОАО «Связьинвестнефтехим» В.Ю. Сорокин;

секретарь Казанского епархиального управления протоиерей Владимир Самойленко; благочинный I Казанского округа протоиерей Алексей Чубаков; секретарь Альметьевского епархиального управления протоиерей Иоанн Антипов.

В ходе встречи был утвержден план деятельности организационного комитета, среди задач которого — подготовка фильма и подарочных изданий, посвященных жизни Православной Церкви в Татарстане, организация тематических выставок и пр. Участники заседания обсудили проект программы и список приглашенных на форум. Было принято решение о проведении ежемесячных заседаний, посвященных подготовке данного важного мероприятия.

Первый форум православной общественности Татарстана состоялся в мае 2014 года, второй — в ноябре 2015 года. В нем приняли участие священнослужители и миряне Татарстанской митрополии, духовные лидеры мусульманской, католической, иудейской и иных религиозных общин республики, а также меценаты, благотворители, представители государственных структур, культурного и научного сообщества.

Престольный праздник в Благовещенском соборе Казанского Кремля

7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан совершил вечерню и Божественную литургию святителя Иоанна Златоуста в Благовещенском соборе Казанского Кремля.

В канун праздника глава Татарстанской митрополии совершил великое повечерие с литией и утреню в Казанско-Богородицком мужском монастыре.

За Литургией митрополиту сослужили секретарь Казанского епархиального управления протоиерей Владимир Самойленко, первый проректор Казанской православной духовной семи-

нарии игумен Евфимий (Моисеев), настоятель Иоанно-Предтеченского мужского монастыря архимандрит Нектарий (Демин), настоятель Свято-Введенского Кизического мужского монастыря игумен Пимен (Ивентьев), наместник Казанско-Богородицкого мужского монастыря игумен Марк (Виленский), благочинный I Казанского округа протоиерей Алексей Чубаков, настоятели приходов столицы Татарстана.

Богослужбные песнопения исполнил архиерейский мужской хор под управлением Дениса Рогова.

Среди молившихся за Литургией были воспитанники Казанской семинарии.

На малом входе по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла правящий архиерей возвел игумена Игнатия

(Григорьева), настоятеля храма священномученика Кирилла, митрополита Казанского, в сан архимандрита.

После чтения Евангелия митрополит Феофан обратился к молившимся: «Сегодня мы стоим в древнем величественном храме, через порог которого переступали сотни тысяч верующих людей, где совершали Божественную службу великие святители и угодники земли Казанской. И наши мысли должны быть о том, чтобы стать достойными сынами и дочерьми Матери Божией. Нужно понять в дни волнений сегодняшних, когда о чем только мы ни слышим — о войнах, падениях самолетов, взрывах, бесчестии и безнравственности, — что есть одно только спасение, одна надежда — жить так, как завещал родившийся от Девы Марии Господь наш Иисус

Христос. Тогда мы обрящем мир, тишину и спокойствие в душах наших».

По запричастном стихе проповедь произнес настоятель Никольского кафедрального собора города Казани протоиерей Иоанн Барсуков.

В конце Литургии священнослужители перед праздничной иконой на установленном в середине храма аналое пропели славение Божией Матери.

Владыка Феофан поздравил клириков и мирян с престольным праздником главного храма Казанской епархии, пожелав всем сил и преданности воле Божией в последние дни Великого поста, чтобы с радостью встретить Светлое Христово Воскресение.

По традиции в праздник Благовещения со ступеней собора в небо Казани выпустили белых голубей.

Пасхальное богослужение в Раифском монастыре

В ночь с 15 на 16 апреля, в праздник Светлого Христова Воскресения, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан совершил Пасхальную заутреню и Божественную литургию святителя Иоанна Златоуста в Троицком соборе Раифского Богородицкого мужского монастыря.

Перед началом богослужения глава Татарстанской митрополии разъяснил значение праздника Пасхи: «Пасха Христова является праздником победы жизни над смертью. Христос был распят людьми, Он искупил на кресте грехи всего человечества, и Он воскрес.

Я хотел бы поздравить всех верующих с этим светлым праздником. Мы живем в замечательной Республике Татарстан. Самое большое достоинство, которое у нас с вами есть, — это мир и согласие. Я всегда это подчеркивал и в Пасхальную ночь обращаюсь ко всем: други мои, берегите этот мир.

В эту ночь я обращаюсь не только к православной пастве, но и к собратьям-мусульманам. У нас один большой замечательный дом — Россия, у нас замечательный дом — Татарстан. Мы живем здесь в мире и согласии, за что благодарим Бога. От этого мы с вами все выигрываем.

Что принес Христос через Свой крестный путь, через смерть, а затем Воскресение? Избавление от самого главного порока — ненависти. Ненависть вождей иудейских, книжников, фарисеев привела Христа на крест. Они увидели в Нем соперника и решили распять. Кого распяли? Праведного Сына Божия. Ненависть не может быть благом никогда и нигде.

Православным желаю в эту Пасхальную неделю оглянуться вокруг: если увидите нуждающегося, поделитесь со своего стола, помогите бедным, утешьте плачущих, обласкайте брошенных детишек. Будьте любвеобильны, внимательны и доброжелательны друг к другу.

Христос воскрес! Воистину воскрес!»

За богослужением владыке-священноархимандриту сослужила братия монастыря в священном сане во главе с исполняющим обязанности наместника иеромонахом Илией (Казанцевым). Песнопения исполнил архиерейский мужской хор под управлением Дениса Рогова.

За праздничной Литургией в Раифском монастыре молились тысячи верующих. Помощь в проведении торжеств оказали члены молодежного общества «Казанские православные добровольцы».

Перед началом утрени священнослужители совершили чин полунощницы перед Святой Плащаницей. Затем святыня была внесена в алтарь и положена на престол.

В полночь при пении стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе...» в Раифской обители состоялся крестный ход. После возгласа правящего архиерея «Христос воскрес!» и пения хором тропаря Пасхи над монастырем раздался праздничный салют.

По запричастном стихе было оглашено Пасхальное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

В конце Литургии глава Татарстанской митрополии прочитал молитву на освящение артоса.

В заключение торжественного богослужения митрополит поблагодарил верующих за совместную молитву и поздравил с праздником Светлого Христова Воскресения. «Несите благодать, полученную в эту святую ночь, в свои дома. Мы постепенно начинаем оживать и понимать, что должны блюсти свои традиции и свою веру», — сказал владыка Феофан.

Преподавая архиерейское благословение, владыка-митрополит раздал участникам богослужения декоративные пасхальные яйца, а самым молодым из них — сладкие подарки.

Пасхальная вечерня в Благовещенском соборе

16 апреля, в день праздника Светлого Христова Воскресения, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан совершил Пасхальную великую вечерню в Благовещенском соборе Казанского Кремля.

Владыке сослужило духовенство Казанской епархии: настоятели и наместники монастырей, благочинные церковных округов, настоятели храмов Казани и иных городов и поселений Республики Татарстан.

Песнопения исполнил архиерейский мужской хор под управлением Дениса Рогова.

Среди многочисленных верующих присутствовали сотрудники Казанского епархиального управления, учащиеся Казанской православной духовной семинарии, члены казанского Свято-Никольского сестричества милосердия, учащиеся детских воскресных школ, молодежь.

Перед началом богослужения в храм был доставлен Благодатный огонь, сошедший накануне в Иерусалиме в Храме Гроба Господня. Архиерей осенил святыней присутствующих в храме. Затем от Огня были возжжены все свечи и лампы.

На малом входе владыка удостоил ряд священнослужителей патриарших и архиерейских наград.

После молитвы «Свете тихий» духовенство и хор пропели великий прокимен «Кто Бог велий, яко Бог наш...». По исполнении прокимна митрополит Феофан прочитал Евангельское зачало.

После отпуста пасхальной вечерни от лица духовенства главу Татарстанской митрополии с празд-

ником Воскресения Христова поздравил протоиерей Олег Богданов. Настоятель храма святых бесребреников Космы и Дамиана города Набережные Челны выразил признательность владыке за усилия, направленные на развитие церковно-государственных и межрелигиозных отношений, а также увеличение церковного присутствия в общественной жизни.

«Ваше Высокопреосвященство, дорогой владыка! В Воскресении Господнем, увенчавшем Крестный подвиг Искупителя рода человеческого, берет свое начало вся новозаветная Церковь с ее спасительными Таинствами и проповедью Слова Божиего. Ликуя о Восставшем от гроба Спасителе мира, желаем Вашему Высокопреосвященству, чтобы радость этого праздника всегда служила источником благодатного вдохновения в Ваших дальнейших архиерейских трудах на ниве Христовой на многая лета», — отметил священник.

Владыку-ректора поздравили учащиеся КазПДС во главе с первым проректором игуменом Евфимием (Моисеевым). Также с праздником Пасхи митрополита Феофана приветствовали руководитель епархиального отдела по работе с медицинскими учреждениями иеромонах Роман (Модин), сестры милосердия, руководитель епархиального отдела по работе с молодежью Артем Гаранин, активисты молодежных организаций Казани, учащиеся детской воскресной школы при храме святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии города Казани.

В ответном слове архиерей поблагодарил духовенство за труды на благо Церкви Христовой и вновь поздравил всех с праздником Пасхи.

Визит вице-премьера РФ А. Г. Хлопонина в Казань

7 апреля заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. Г. Хлопонин, находящийся в Республике Татарстан с официальным визитом, посетил Казанско-Богородицкий мужской монастырь и Благовещенский собор Казанского Кремля.

Сопровождали вице-премьера РФ Президент Татарстана Р. Н. Минниханов, исполняющий обязанности Премьер-министра Республики Татарстан Алексей Песошин, мэр города Казани И. Р. Метшин, другие официальные лица.

В Богородицкой обители гостей приветствовал митрополит Казанский и Татарстанский Феофан. В период исполнения владыкой Феофаном архипастырских послушаний на Ставропольской и Владикавказской кафедре регулярными были рабочие контакты архипастыря с А. Г. Хлопониным, в 2010–2014 годы — полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе.

Участники встречи посетили место строительства собора Казанской иконы Божией Матери на месте явления Ее чудотворного образа, где 21 июля 2016 года чин закладки собора совершил в рамках Первосвятительского визита в Татарстан Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Глава Татарстанской митрополии рассказал Александру Геннадиевичу о ходе воссоздания собора, которое ведется по указу Президента Республики

Татарстан, выразив признательность лидеру республики за помощь в деле возрождения святыни.

В Крестовоздвиженском храме Богородицкого монастыря А. Г. Хлопонин поклонился чудотворному списку Казанской иконы Божией Матери.

Общение продолжилось в Благовещенском соборе Казанского Кремля, где утром состоялись торжества в честь престольного праздника. Архипастырь рассказал вице-премьеру Российской Федерации об истории древнего собора и его святынях.

В завершение правящий архиерей Казанской епархии вручил высокому гостю памятные подарки.

Митрополит Феофан встретился с преподавателями и студентами КФУ

20 апреля в Императорском зале Казанского (Приволжского) федерального университета состоялась встреча митрополита Казанского и Татарстанского Феофана с преподавателями, аспирантами и студентами гуманитарных институтов КФУ.

Тема встречи — «Традиционные ценности — духовные скрепы единства российского общества».

Среди присутствовавших в зале были ректор университета И. Р. Гафуров, первый проректор Казанской духовной семинарии игумен Евфимий (Моисеев), секретарь Казанского епархиального управления протоиерей Владимир Самойленко.

Встреча главы Татарстанской митрополии с учащимися одного из старейших вузов России состоялась по инициативе И. Р. Гафурова.

Открывая мероприятие, к собравшимся обратился ректор университета: «Я рад приветствовать всех в этом прекрасном зале, который с недавнего времени называется Императорским. Здесь мы собрались на встречу с человеком удивительной биографии: сегодня Казанский университет в очередной раз принимает митрополита Казанского и Татарстанского Феофана...»

Здесь собрались представители шести институтов, и даже этот огромный зал не смог вместить всех, кто хотел поучаствовать. Потому верю: беседа будет интересной. Глубоко символично, что нынешняя встреча прилась на праздничную Пасхальную неделю, которую отмечают все православные верующие нашей страны...

Должен отметить, что наши встречи стали достаточно регулярными, а сотрудничество с Казанской духовной семинарией, которую Вы возглавляете, ширится и крепнет, как это было в историческую эпоху».

Ректор вуза также отметил, что обсуждение лекции владыки Феофана, с которой митрополит выступил в декабре 2015 года перед студентами

и педагогическим коллективом вуза, длилось еще продолжительное время после ее завершения.

В июле прошлого года состоялась международная конференция, посвященная Казанской иконе Божией Матери, организованная совместными усилиями Татарстанской митрополии и КФУ. «Развитие наших с вами контактов — это комплекс мер по восстановлению классической университетской традиции взаимодействия светского и духовного образования, диалога научной и религиозной мысли, распространения и защиты высоких идеалов добра, нравственности, красоты», — подчеркнул И. Р. Гафуров.

«Я пристально наблюдаю за деятельностью Казанского федерального университета, который является одним из лучших университетов страны», — сказал митрополит, начиная встречу. Далее в своем выступлении владыка отметил, что в вузе бережно хранятся традиции высшей школы: «Без преемственности и традиций любое дело не может быть успешным. И мы видим тому доказательство в нашей повседневной жизни. Если традиция в гуманитарной, культурной и духовной областях нарушается, то нередко это приводит к величайшим катастрофам, вплоть до исчезновения целых империй, государств и даже цивилизаций. История это неоднократно доказывала».

В ходе своего разговора с учащимися митрополит Феофан поделился мыслями о месте духовных ценностей в жизни человека, их роли в сохранении традиций, культуры, народов и государств в целом. Особое внимание владыка уделил религиозному осмыслению цели человеческой жизни. Отвечая на вопросы из зала, глава митрополии рассказал, чем в его понимании являются сила духа, любовь, честь и духовность.

Говоря о планах по взаимодействию со светскими образовательными и научными учреждениями, митрополит Феофан выразил надежду, что они будут выстраиваться исключительно в положительном ключе. По словам архипастыря, совместные проекты должны реализовываться без деления на противоположные лагеря. «Нельзя никого противопоставлять. Мы в одной стране, и в этом единстве — наша сила», — подчеркнул владыка.

В завершение встречи митрополит Феофан поблагодарил молодых людей за интерес к беседе и пожелал, чтобы общение продолжилось и в дальнейшем.

Ректору КФУ владыка преподнес экземпляры журнала Татарстанской митрополии «Православный собеседник». Выпуски журнала также получили все желающие. ✚

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КАЗАНСКОГО
СОБОРА КАЗАНСКО-БОГОРОДИЦКОГО
МОНАСТЫРЯ.
21 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА.
ФОТО ДИАКОНА ДМИТРИЯ АЛИКИНА

Епископ Мефодий освя- тил православный моло- дежный центр Бугульмы

15 февраля, в праздник Сретения Господня, во Всемирный день православной молодежи, епископ Альметьевский и Бугульминский Мефодий посетил православный молодежный центр «Небо» в Бугульме. Во встрече с правящим архиереем приняли участие руководитель отдела по работе с молодежью Альметьевской епархии иерей Михаил Чигиринов, руководитель отдела по работе с молодежью Бугульминского благочиния иерей Александр Бердников и активисты православной молодежи города. Во время визита епископ Мефодий совершил чин освящения помещения молодежного центра и пообщался с молодыми людьми. В ходе беседы владыка дал архипастырское наставление участникам молодежного центра, благословил их на дела милосердия, подчеркнув, что христиане должны поддерживать теплоту веры и не бояться исповедовать ее. В молодежном центре проводятся катехизаторские курсы, занятия по игре на гитаре и живописи, проходит общение с православным психологом, а также планируются социальные мероприятия и другие интересные молодежные проекты.

В Альметьевске зало- жили капсулу на месте строительства право- славной гимназии

9 марта в Альметьевске на территории храма Рождества Христова состоялась церемония закладки капсулы с памятной грамотой в основание православной гимназии.

В торжественном мероприятии приняли участие епископ Альметьевский и Бугульминский Мефодий и глава Альметьевского района Айрат Хайруллин. На церемонии присутствовало духовенство Альметьевской епархии.

«Сегодня мы сделали очень важное дело — дали начало строительству духовной школы, где вместе со светскими дисциплинами будут преподавать и духовные», — сказал епископ Мефодий по окончании молебна.

Правящий архиерей от лица верующих епархии озвучил приветственный адрес Президенту Республики Татарстан Рустаму Минниханову и главе Альметьевского района Айрату Хайруллину, поблагодарив их за помощь в строительстве православной гимназии.

«В Татарстане ислам и православие мирно сосуществуют на протяжении многих столетий. И мы очень рады, что в Альметьевске в этом году появится православная гимназия. В нашем районе духовному развитию уделяется большое внимание: строятся мечети, восстанавливаются храмы в городе и селах», — отметил глава района. Айрат Ринатович также заверил, что руководство приложит максимум усилий для того, чтобы духовное развитие района находило поддержку со стороны государства, общественности и трудовых коллективов.

В Альметьевской епархии отметили День православной книги

19 марта в Центральной библиотеке Альметьевска по благословению правящего архиерея прошел ставший уже традиционным День православной книги. В епархиальном мероприятии приняли участие духовенство Альметьевской епархии, право-

славная молодежь, преподаватели и воспитанники воскресных школ Альметьевска, Бугульмы и Лениногорска.

Гостей и участников праздника приветствовали секретарь Альметьевской епархии протоиерей Иоанн Антипов и директор центральной библиотеки Наталья Дугаева. Участники Дня православной книги выступили с докладами, посвященными первой печатной книге. На празднике прозвучали стихи и рассказы на духовную тематику. Преподаватель воскресной школы собора Казанской иконы Божией Матери города Бугульмы Наталья Мельникова рассказала о новинках православной литературы.

Ведущие праздника провели для молодежи интеллектуальную игру-викторину на знание православной литературы: ребята свободно отвечали на вопросы. По окончании праздника организаторы подарили детям книги на православную тематику. 🌱

«Я весь принадлежу Академии...»

К 100-летию со дня кончины заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского (1836–1917).

**ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗНАМЕНСКИЙ.** 1910-Е ГОДЫ.
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРОЕПОЛЬСКОЙ

15 (2) мая 2017 года исполняется ровно сто лет со дня кончины заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии, доктора церковной истории Петра Васильевича Знаменского. Это был не только выдающийся ученый — почетный член всех духовных академий России, Императорской Академии наук и множества научных сообществ, доктор гражданской истории *honoris causa* Московского университета, дважды лауреат Макариевской премии, — он был, что называется, *плоть от плоти* Казанской духовной академии, ему было суждено принять нить преемственности от основателей академии и передать ее не только своим современникам, но и нам — тем, кто трудится на ниве духовного образования в XXI веке.

Знаменский приехал в Казань в 1856 году, чтобы поступить в академию, которая тогда находилась еще на этапе своего становления, и ушел из этого мира на рубеже страшных революционных событий, которых Господь по Своему милосердию не дал ему пережить. Петр Васильевич оставил для родной *alma mater* все свое имущество, включая дом с садом и обширную библиотеку, не зная о том, что академия так и не сможет воспользоваться этим щедрым даянием.

Более чем полувековая деятельность П. В. Знаменского в академии была весьма обширной и многогранной: он возглавлял исследовательскую работу по изучению рукописей Соловецкого монастыря, был редактором академического журнала «Православный собеседник», а также епархиального издания «Известия по Казанской епархии». Но главным его делом было, конечно же, преподавание и изучение истории Русской Церкви. На основании читаемых им в академии лекций он издал свое знаменитое «Руководство к русской церковной истории», многократно переиздававшееся и принесшее автору всероссийскую известность, заслуженный авторитет и уважение как в научных, так и в студенческих кругах.

Знаменский стал также первым историком и бытописателем родной ему академии, он издал фундаментальный труд «История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования

(1842–1870 гг.), в котором рассказал не только о научных достижениях духовной школы, но и о бытовой стороне ее жизни. Такая «история с человеческим лицом» была новым словом в отечественной историографии.

Вот что в этой связи писал знаменитый публицист В. В. Розанов: «<П. В. Знаменский> в начале девяностых годов минувшего века издал «Историю Казанской духовной академии». Как известно, «истории» наших учебных заведений большею частью состоят из истории разных канцелярских дел при этих учебных заведениях или об этих учебных заведениях и из хроники разных подпольных и надпольных интриг и борьбы честолюбий из-за получения в них такого-то места, оклада жалованья или казенной квартиры. Все это составляет "исторические деяния" университета, корпуса или академии — в своем роде *acta sanctorum* ("деяния святых", так в католической традиции именуются жития святых — иг. Е.) русской науки и просвещения. Профессор Знаменский с тою талантливостью, которою часто отличаются у нас люди духовного образования, взял темою не эту канцелярскую и бюрократическую сторону истории Казанской духовной академии, а личную и бытовую. И вместо пересказа содержания разных циркулирующих бумаг дал изумительные по яркости и типичности изображения ректоров, профессоров и, сколько он мог собрать и проследить по част-

ной переписке и воспоминаниям, изображения чем-либо выдающихся питомцев Академии. Мертвецы восстали из гробов.

Не могу передать лучше своего впечатления от этой книги, как сказав, что раз во время заседания педагогического совета гимназии, взял ее из рук одного товарища,

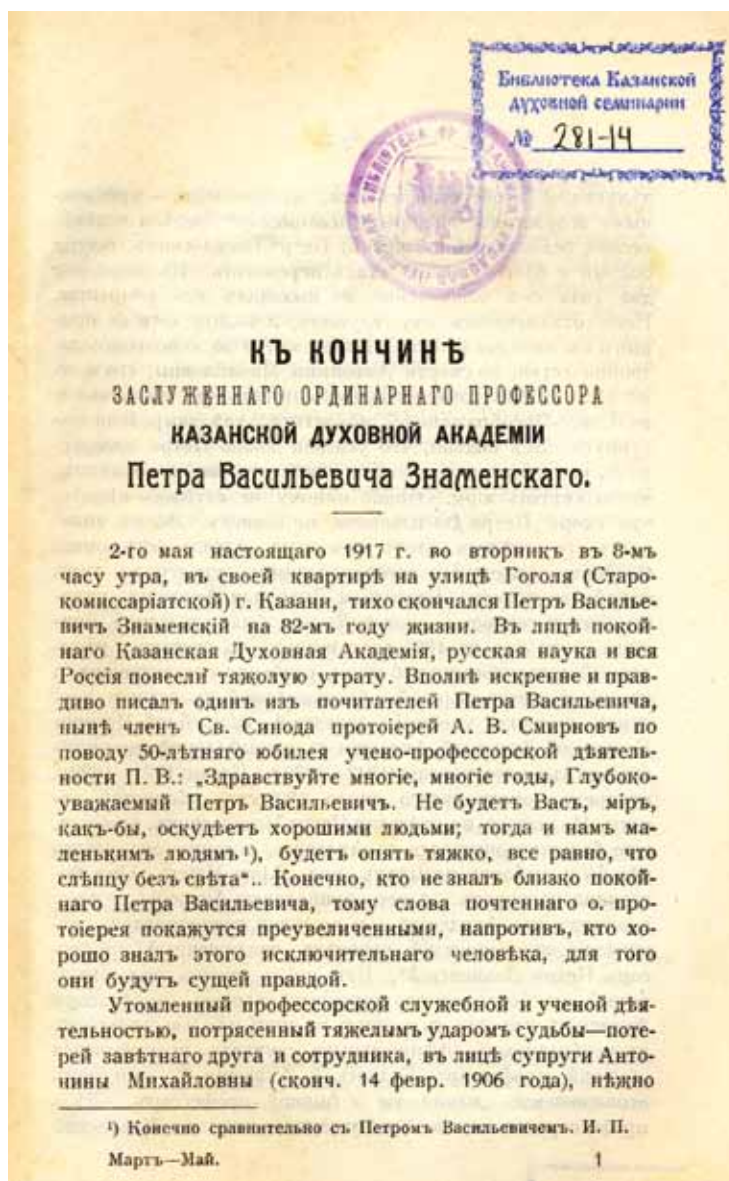
являл собою столько выдающихся качеств, что Московский университет по собственной инициативе даровал автору степень почетного доктора истории. Отличие редкое, исключительное».

Не приходится сомневаться, что труды профессора П. В. Знаменского, которые запечатлели для истории облик Казанской академии в первые три десятилетия ее существования, станут бесценным материалом для возрождения академии в XXI столетии. Как, по общему выражению Розанова, благодаря трудам Знаменского «мертвецы восстали из гробов», так, верим, и сама Академия — трудами наследников ее духовной традиции и преемников П. В. Знаменского — во благовремени вновь будет приведена из небытия в бытие.

П. В. Знаменский был похоронен в Спасо-Преображенском монастыре Казанского Кремля рядом с могилой жены, их захоронения, к сожалению, не сохранились.

В память о знаменитом профессоре Казанской духовной академии мы публикуем его жизнеописание, которое написано в жанре некролога его ближайшим учеником и другом профессором КазДА И. М. По-

кровским и впервые было опубликовано ровно сто лет назад в «Православном собеседнике» за 1917 год. Однако за прошедшие сто лет никто не написал о профессоре Знаменском с большей любовью, теплотой и знанием дела. ✚

который был сам питомец этой Академии, я до того увлекся ее чтением, что ничего не слышал из происходившего на совете и не принял никакого участия в его прениях. Труд этот, столь специальный по предмету, столь мало общерусский,

**ПРАВОСЛАВНЫЙ
СОБЕСЕДНИК.**
1917 г., март-май

К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского

Профессор Казанской духовной академии И. М. Покровский
(печатается по: «Православный собеседник», 1917, март — май, с. 1–46)

2 мая настоящего 1917 г., во вторник, в 8-м часу утра в своей квартире на улице Гоголя (Старокомиссариатской) города Казани тихо скончался Петр Васильевич Знаменский на 82-м году жизни. В лице покойного Казанская духовная академия, русская наука и вся Россия понесли тяжелую утрату. Вполне искренне и правдиво писал один из почитателей Петра Васильевича, ныне член Святейшего Синода протоиерей А. В. Смирнов [1] по поводу 50-летнего юбилея учено-профессорской деятельности Петра Васильевича: «Здравствуйте многие, многие годы, глубокоуважаемый Петр Васильевич. Не будет Вас, мир как бы оскудеет хорошими людьми; тогда и нам, маленьким людям¹, будет опять тяжело, все равно что слепцу без света...» Конечно, кто не знал близко покойного Петра Васильевича, тому слова почтенного отца

протоиерея покажутся преувеличенными, напротив, кто хорошо знал этого исключительного человека, для того они будут сущей правдой.

Утомленный профессорской служебной и ученой деятельностью, потрясенный тяжелым ударом судьбы — потерей заветного друга и сотрудника в лице супруги Антонины Михайловны (сконч. 14 февр. 1906 года), нежно лелеявшей и оберегавшей его, — и, наконец, преклонным возрастом, на пороге псаломского предела человеческой безболезненной жизни, Петр Васильевич, всегда бодрый и благодушный, стал перемогать [2]. В последние два года он совершенно не выходил из квартиры. Ноги отказывались ему служить, а ездить он не привык с молодых лет. Впрочем, и до невольного затворничества по смерти Антонины Михайловны его можно было видеть только на двух путях — в Академию и в Спасо-Преображенский монастырь [3], где погребена его супруга. Все виде-

ли, что угасала жизнь Петра Васильевича, как догоравшая свеча, поставленная на свещнице, чтобы светить миру. Однако никому не хотелось верить, что скоро Петра Васильевича не станет. Всем знавшим его хотелось, чтобы он жил, и жил без конца. Особенно тяжелую и невознаградимую утрату в лице покойного понесла Казанская духовная академия, украшением и гордостью которой он был до самой кончины, хотя еще в 1897 году вышел в отставку, утомленный непосильными работами, особенно составлением и изданием замечательной и беспримерной в истории русских высших учебных заведений юбилейной «Истории Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период существования (1842–1870 гг.)» (Казань, 1891–1892 г., в трех томах, всего около 1 500 стр. убористой печати). По выходе в отставку Петр Васильевич, кажется, еще больше привязался к Академии, которую он всегда нежно и любовно на-

¹ Конечно сравнительно с Петром Васильевичем. И. П.

зывает моя Alma Mater. Он постоянно повторял: «Я весь принадлежу Академии...», я все получил от Академии...» — и нередко подписывался: «Неизменно академический человек, заслуженный профессор Петр Знаменский». Из всех своих титулов и званий он больше всего дорожил званием «профессор Академии» и всегда с горечью в душе и болью на сердце в необходимых официальных случаях подписывался «бывший профессор Казанской академии...», причем оговаривался: «Какой же я бывший профессор... Ведь профессорское звание, заслуженное мной в Казанской академии, всегда останется при мне, и с ним я уйду в могилу, превратившись тогда в раба Божия Петра», как он обыкновенно именовал себя, делая пожертвования в храмы или благотворительные учреждения. Оставляя профессорскую службу в Академии, Петр Васильевич твердо верил и сознавал, что с выходом из Академии он «не лишился связи с Академией» и что он останется «человеком академической веры и членом одной и той же поместной церкви Арского поля»², как он называл академическую общину. Таким образом, в лице Петра Васильевича Казанская академия лишилась не «отставного» своего профессора, а своего старейшего, заслуженного и действительно профессора и самого близкого, живого члена академической общины.

² Казанская академия находится на восточной окраине Казани, известной со старым именем Арского поля, а ныне Академической слободы. Ныне этого поля не осталось. Оно застроено и в названии обобщено именем Академии.

Сегодня это один из центральных районов Казани. Из дореволюционных академических построек сохранилось историческое здание Академии с двумя флигелями и дом профессора И. М. Покровского (о доме подробнее см. «Православный собеседник» № 1, 2017). — *Прим. редактора.*

Петр Васильевич Знаменский родился 27 марта 1836 года в Нижнем Новгороде в семье дьякона; первоначальное образование получил в Нижегородском духовном училище, затем в семинарии, в 1856 году поступил на казенный счет в Казанскую духовную академию, каковую окончил в 1860 году вторым магистром в составе VIII выпуска. С 23 сентября 1860 года по 22 августа 1861 года он состоял преподавателем философии и логики в Самарской семинарии; 22 августа 1861 года по выбору архим. Иоанна [4] недавно семинарский преподаватель получил академическую кафедру математики в звании бакалавра; с 19 сентября он вступил в новую должность. Математики тогда доживали в Академии свои последние годы. До конца учебного года Петр Васильевич преподавал математику низшему отделению; в следующем, 1862 году он временно преподавал алгебру до половины ноября, но с мая уже превратился по воле того же ректора архим. Иоанна (Соколова) в историка.

Академическая кафедра русской истории досталась Петру Васильевичу случайно. По увольнении из Академии известного А. П. Щапова [5], преемником ему по кафедре русской истории в Академическом правлении назначен был товарищ Петра Васильевича А. С. Никольский, преподаватель Казанской духовной семинарии, третий магистр курса. Но А. С. «Никольский» тогда успел выйти из духовно-училищной службы и поступить на открывшиеся при Казанском университете педагогические курсы³. Пришлось искать нового заместителя Щапова. Архим. Иоанн, внимательно следивший

³ А. С. Никольский сконч. в 1914 году, в отставке; последней его службой было директорство народных училищ в Казанской губернии, затем директорство в Казанском учительском институте.

за назначением новых преподавателей Академии, весьма удачно выбрал на кафедру русской истории молодого бакалавра математики П. В. Знаменского, которого о. ректор хорошо знал еще студентом и которого не хотел выпускать из Академии в случае прикрытия кафедры математики. Лучшего выбора не могло быть. 12 мая 1862 года Петр Васильевич был переведен на кафедру русской истории и вместе с тем продолжал преподавать алгебру. Таким образом, Петр Васильевич меньше чем в два года по окончании академического курса перешел на третью специальность, побывавши сначала философом, потом математиком и сделавшись, наконец, историком. На этой специальности он обосновался и стяжал бессмертную славу как русский церковный историк. По действующему тогда уставу ему одному пришлось преподавать русскую гра-

П. В. ЗНАМЕНСКИЙ.
1860-е годы.
Из личного архива
О. В. ТРЕПОЛЬСКОЙ.
Публикуется впервые

**ЛИЧНЫЕ КНИГИ
И ПИСЬМЕННЫЙ ПРИБОР
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.**
НА КОЛОКОЛЬЧИКЕ
ПИСЬМЕННОГО ПРИБОРА
ВЫГРАВИРОВАНА
ПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ:
«П. В. ЗНАМЕНСКОМУ
Ц. ИСТОРИЧ. ОТД. 1884 г.».
(П. В. ЗНАМЕНСКИЙ БЫЛ
В ДОЛЖНОСТИ ПОМОЩНИКА
РЕКТОРА ПО ЦЕРКОВНО-
ИСТОРИЧЕСКОМУ
ОТДЕЛЕНИЮ)

жданскую и церковную историю. По введению в действие устава 1869 года в Казанской академии, с 15 августа 1870 года Петр Васильевич оставил за собой преподавание только русской церковной истории, после долгого колебания относительно того, какой предмет оставить за собой. Русская гражданская история тогда представлялась интереснее, и он уже освоился с нею, к тому же она была более разработана, чем русская церковная история. Но последняя была ближе его сердцу как питомцу духовной школы, вышедшему из духовной среды, лично пережившему многое из того, чем жила Русская Церковь в лице духовенства и мирян. Впрочем, Петр Ва-

сильевич успел много сделать и по истории Русской Церкви и не сразу прервал преподавание русской гражданской истории: в 1870–1871 учебном году он продолжал преподавать ее по поручению Совета Академии и в то же время в 1870 году в первый раз издал свой замечательный труд «Руководство к русской церковной истории». Учебный комитет при Святейшем Синоде удостоил Петра Васильевича за этот труд половиной (!) премии митрополита Макария [6], назвав «Руководство» «замечательным явлением в области нашей церковно-исторической литературы...». По 1888 год оно выдержало еще четыре издания (1876, 1880, 1886 и 1888 гг.),

сделавшись лучшим учебником для духовных семинарий, хотя самим автором оно предназначалось для подготовки к экзаменам студентов академии. В 1891 году оно было переделано Петром Васильевичем применительно к семинарской программе и сделалось учебным руководством по истории Русской Церкви в духовных семинариях. Издание его автор уступил Учебному комитету при Святейшем Синоде. В 1904 году «Руководство» было вторично переиздано.

Нужно удивляться, каким образом молодой профессор, преподававший две академические науки, подавленный массой официальных поручений, не жалевший труда для аудитории, успе-

вал все делать. В 1871–1872 годах подготовлено к печати и напечатано его капитальнейшее и замечательнейшее исследование — докторская диссертация «Приходское духовенство со времени реформы Петра» (Казань, 1873 г., 850 стр.). До этого Петром Васильевичем напечатан не один десяток серьезных научных статей, из которых многие до сего времени не утратили своего значения, таковы, например, «Очерки по истории славянской мифологии» (1865–1866 гг.) [7], «Приходское духовенство на Руси (до Петра I)» (1866–1867 гг.) [8] и многие другие.

Петр Васильевич оставил учено-литературную работу только тогда, когда перо перестало держаться в его ослабевшей руке, исписавшей тысячи листов писчей бумаги. Последним литературно-художественным произведением Петра Васильевича является, к сожалению, не законченная его автобиография, доведенная только до философского класса его обучения в Нижегородской семинарии. Рука отказалась держать перо... Как жаль, что мы теперь лишены возможности иметь полную автобиографию великого литературного художника. Петр Васильевич не имел привычки излагать свои мысли под диктовку — он не мог делать этого. Он даже никогда не отдавал в переписку свои литературные творения, переписывая все собственноручно, своим бисерным, но четким, оригинальным почерком.

В настоящей заметке мы не задаемся целью всесторонне изобразить облик незабвенного Петра Васильевича как профессора, ученого и как человека. Для этого нужно время и подготовка. Да одному человеку невозможно объять всей замечательной и исключительной личностью Петра Васильевича. К тому же Академия в лице Совета постановила увековечить память своего знаменитого профессора и историка

изданием учено-литературного сборника, в который, между прочим, войдет полный биографический очерк Петра Васильевича с оценкой его профессорской и учено-литературной деятельности [9].

Над свежей его могилой мы считаем своим нравственным долгом только кратко очертить образ незабвенного Петра Васильевича как профессора, ученого и как исключительного человека, прибавив и то, как *Alma Mater* — Академия проводила своего дорогого сына на место вечного упокоения.

Преподавание математики в профессорской деятельности Петра Васильевича было каким-то случайным эпизодом. Что и как преподавал он по этой неакадемической науке, он сам ничего не сообщает в «Истории Академии», начиная изображать свою преподавательскую деятельность со времени вступления в должность бакалавра по русской истории. К чтению лекций по истории он приступил «с большим смущением как к делу в высшей степени ответственному пред слушателями, в числе которых был целый X курс студентов, еще слушавший блестящие лекции Щапова и бывший свидетелем всех университетских в честь него оваций» (История Академии II, стр. 137) [10]. Как ученик Афанасия Прокопьевича Щапова, Петр Васильевич на первых порах довольно близко держался щаповских приемов преподавания и его программы, составляя лекции в форме руководительных синтетических очерков разных сторон русской исторической жизни, но вместе с тем он старался сглаживать крайне народническое и одностороннее направление щаповской программы. Скоро молодой преподаватель-историк повел преподавание по собственной программе и лично выработанному методу, сделавшись истинным украшением ка-

федры русской, особенно церковной, истории в Казанской академии. Скажем словами⁴ одного из старейших сослуживцев Петра Васильевича, земляка, знавшего его по Академии еще в 60-х годах, Я. А. Богородского [11], выразившего мысли и чувства всей академической семьи при оставлении Петром Васильевичем Академии. Петр Васильевич своей личностью возвысил блеск академической кафедры. Целое поколение сидело пред этой кафедрой и с захватывающим, никогда не ослабевавшим интересом слушало его спокойное, но выразительное (говорящее) чтение, развертывавшее пред слушателями картины протекшей жизни и уяснявшее сокровенные законы движения этой жизни. Студенты всегда считали лекции Петра Васильевича как бы праздником: в них чувствовалось что-то освежающее, поднимающее дух, возбуждающее мыслительную деятельность и удовлетворяющее эстетическим запросам души. Понятно, что опускать такие лекции у студентов считалось признаком крайнего нерадения. Аудитория Петра Васильевича всегда была полна, когда он читал обязательный курс истории Русской Церкви. Со своей стороны, сам лектор не жалел труда для аудитории; он никогда не шел на лекцию без предварительной подготовки накануне, несмотря на то, что совершенно специализировался в своем предмете. Петр Васильевич тщательно обрабатывал свои лекции, почему они очаровывали слушателей гармоническим соединением обильного фактического материала с художественной обработкой его. В своих лекциях он старался воскресить русскую историческую, в частности церковную, жизнь и представить ее в живых и праведных картинах.

⁴ Из правдивого и искреннего адреса, поднесенного Петру Васильевичу при оставлении им Академии, по выходе в отставку.

Исторические лица в мастерских характеристиках лектора-художника представлялись слушателям не в форме сухих мумий, ничего не говорящих уму и сердцу, напротив, они одухотворялись, оживлялись мыслью и чувством и говорили сами о себе, о своих деяниях и скрытых причинах своих поступков, которые (причины) понимал лектор благодаря своему необыкновенно развитому историческому чутью. Петр Васильевич умел понимать не только деятельность исторических лиц, но вместе с тем постигал психологию и их поступков. Историческое и художественное чутье часто помогало ему дорисовывать неясные картины русского прошлого. Само собой понятно, что напряженное внимание аудитории при слушании таких лекций нисколько не ослабевало, и память слушателей не обременялась. В аудитории Петра Васильевича неизменно царил вдохновенное спокойствие, и бодрое, даже веселое настроение слушателей, при наличии которых

легко усваивался предлагаемый исторический материал, очищенный, обработанный, систематизированный, всегда находящийся во внутренней органической связи с предлагаемыми историческими образами или уясняемой исторической идеей. Даже самые сухие материи Петр Васильевич передавал живо и увлекательно. В немногих положениях и выводах своего глубокого ума и несколькими меткими штрихами своего художественного слова Петр Васильевич умел осветить целые исторические эпохи.

Серьезное отношение к лекциям и всегдашняя тщательная подготовка к ним у Петра Васильевича сказывались, между прочим, в том, что он никогда не читал лекций без тетради. Но чаще тетрадь у него только лежала пред глазами совсем не раскрытой или раскрытой не на том месте, где следовало читать. Петр Васильевич читал приготовленную лекцию наизусть, хотя слушателям казалось, что он читал ее по тетрадке. В аудитории он держался необыкновенно

скромно и даже как будто робко. В течение 36 лет он всякий раз входил на лекторскую кафедру с каким-то душевным волнением, считая профессорскую кафедру местом священным и боясь уронить ее в глазах слушателей-студентов, которых обыкновенно называл «нелицеприятными» и «чуткими» критиками профессорских чтений.

То, что сказано о лекциях Петра Васильевича, вполне применимо и к его учено-литературным трудам, доставившим ему всероссийскую известность. Ученые труды Петра Васильевича «оставили неизгладимый след на умственной жизни Казанской академии. Если не первые по времени, — говорит проф. Я. А. Богородский, — то наиболее других они содействовали повороту от первоначального формально-диалектического направления умственной деятельности к научно-историческому, сделавшемуся отличительным для Казанской духовной академии». В своих церковно-исторических ученых работах Петр Васильевич шел самостоятельно и, если так можно выразиться, параллельно с покойным знаменитым русским гражданским историком Василием Осиповичем Ключевским [12]. Лично они почти не знали друг друга⁵, но в науке были друзьями и всегда письменно приветствовали один другого, обмениваясь своими новыми учено-художественными творениями. Последним приветствием Василия Осиповича была его телеграмма по случаю исполнившегося 50-летия учено-литературной деятельности Петра Васильевича, в которой писалось: «Сердечный привет достоцитому Петру Васильевичу с глубоким уважением и поже-

КНИГА П. В. ЗНАМЕНСКОГО
«ИСТОРИЯ КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ...»,
ПОДАРЕННАЯ АВТОРУ
СТУДЕНТАМИ XXXIII КУРСА
В 1892 ГОДУ В СДЕЛАННОМ
СПЕЦИАЛЬНО К ЭТОМУ
СЛУЧАЮ ОРИГИНАЛЬНОМ
ПЕРЕПЛЕТЕ

⁵ В первый и, кажется, последний раз они встретили друг друга в 1870 году в Киеве на Всероссийском археологическом съезде. По крайней мере, нам Петр Васильевич никогда не говорил о его других встречах с Василием Осиповичем.

ланием еще много лет обогащать своим трудом русскую историческую науку. Ключевский». Но ни тому, ни другому из ученых друзей не суждено было исполнить в прежней мере святое пожелание.

Как самостоятельный и талантливый исследователь, Петр Васильевич «открыл и осветил многие углы в протекшей русской жизни, остававшиеся до него темными; он установил новые точки зрения на отдельные эпохи и на общий ход русской церковно-исторической жизни, удовлетворяющие чувству объективной правды, согретый теплыми лучами православия и просвещенной любви к Отечеству».

В своих ученых трудах Петр Васильевич между прочим разъяснил вопрос о научном методе в разработке истории религиозных верований русского народа, его церковного быта, в истории русского приходского духовенства, которое он воскресил и печальное бытие которого явил миру в своей замечательной докторской диссертации. История русского духовно-низшего, среднего и высшего просвещения не только учено, но еще художественно выяснена в его капитальнейших трудах «Духовные школы <в России до реформы 1808 года>», «История Казанской духовной академии» и в кратком замечательном очерке «Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I». А сколько глубоких и руководящих мыслей внесено им по тому же вопросу о русском духовном просвещении в серьезных и внимательных рецензиях на сочинения по вопросам о духовной школе, составленных по поручению академического совета, Учебного комитета при Св. Синоде и Академии наук. При всех недочетах в русском церковном школьном образовании Петр Васильевич вы-

соко ставил духовную школу и признавал неоспоримую заслугу ее перед русским человеком и для государства, не говоря о Церкви и духовенстве и православно-богословской науке. Его предсмертным завещанием, в личных беседах по поводу современных событий, было горячее желание сохранить самостоятельную духовную школу

в виде духовных училищ, семинарий и особенно академий, которые всегда стояли на высоте своего призвания по разработке церковно-богословских и исторических вопросов, на пользу Православной Церкви. Не имея ничего против изменения программ и постановки самого богословского образования в православном духе, он желал видеть самостоятельную духовную школу *всесловной* и находящейся в ведении церковной власти. Церковная власть, со своей стороны, должна приложить все старание к тому, чтобы духовная школа в ее ведении служила широко богословскому образованию и воспитанию в христианском

духе, а не узкоклирическим целям, иначе она потеряет под собой почву для дальнейшего существования.

В своих ученых трудах Петр Васильевич старался поставить в причинную и логическую связь явления русской церковно-исторической жизни с общим ходом русской государственной, общественной и народной жизни. Достаточно для этого указать на его чтения из истории Русской Церкви за царствование Екатерины II и Александра I. На таком характере ученых работ Петра Васильевича, несомненно, сказалось десятилетнее преподавание им в Академии совместно русской гражданской и церковной истории. Историю Русской Церкви он понимал как важнейшую часть русской истории вообще — государственной, общественной и религиозно-культурной — и чужд был мысли полного разрыва между Церковью и государством на Руси с их интересами, некогда не только близко соприкасавшимися, но и совпадавшими. Русское государство выросло и окрепло под сильным влиянием и при содействии Церкви, которая давно могла быть самостоятельной, но это было бы не в интересах русской государственной и общественной жизни. Вот почему Петр Васильевич как ученый-исследователь все явления русской религиозной и церковной жизни рассматривал в связи с общими условиями жизни и роста русского народа, следя постоянно за тысячелетним развитием христианского учения и усвоением его массой русского народа, не исключая мелких народностей, вошедших в состав Русского государства и Русской Церкви. Он всячески старается проникнуть в психические, бытовые и общественные основы всех насельников Русского государства. В изучении истории России вообще Петр Васи-

ПОРТРЕТ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
1870-е годы.
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРЕПОЛЬСКОЙ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ
АДРЕС ОТ БРАТСТВА
СВЯТИТЕЛЯ ГУРИЯ В ЧЕСТЬ
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО. 1910 г.

льевич основывал свои выводы на предварительном рассмотрении культурно-экономического и общественного развития всех слоев русского народа, а не одного крестьянства, как это делал учитель Петра Васильевича Афанасий Прокопьевич Щапов и историки-народники 60-х годов.

В своих ученых изысканиях Петр Васильевич один из первых в 60-х гг. прошлого века обратил внимание на значение экономических факторов в истории русского народа, но по складу своего глубоко философского ума и благодаря широте образования он не вдавался в крайности исторического экономизма в жизни русского народа, обращая внимание и на другие высшие явления в духовной жизни народных масс — именно на развитие религиозно-нравствен-

ное и культурно-общественное не только коренного русского населения России, но и мелких народностей, которые у нас принято называть инородцами.

Миссионерско-культурный инородческий вопрос, в его самом широком смысле, всегда интересовал Петра Васильевича, почему он много раз литературно отзывался на миссионерское дело в Казани, особенно в последние годы своей службы и литературной деятельности, когда не стало приснопамятного апостола и просветителя русских восточных инородцев — Николая Ивановича Ильминского (сконч. 26 дек. 1891 г.) [13]. Из трудов Петра Васильевича по миссионерскому вопросу можно назвать «На память о Николае Ивановиче Ильминском» (Казань, 1892 г.). Это лучшее слово из всего сказанного поныне о Николае Ивановиче, до самой кончины бывшем другом Петра Васильевича, с которым Николай Иванович всегда делился своими думами, намерениями, радостями и горем по вопросам миссии. В 1894 году Петром Васильевичем напечатана статья «О татарских переводах христианских книг» (Рус. арх., 1894 г.); в 1896 году он принимал самое деятельное участие в издании писем Н. И. Ильминского к крещеным татарам; в том же году напечатал идейный некролог о Василии Тимофеевиче Тимофеева [14], происходившего из природных татар-крестьян, состоявшего заведующим крещено-татарской школой в Казани, основанной Николаем Ивановичем и любимой Петром Васильевичем. Помянутый теплым словом Петра Васильевича о Василии Тимофеевиче был ближайшим сотрудником Н. И. Ильминского. Петр Васильевич лучше всех понимал смысл и значение системы Николая Ивановича по просвещению русских восточных инородцев и следовал его идеалам в своих статьях о просвеще-

нии инородческих масс. Он всегда близко стоял к казанскому братству св. Гурия и миссионерским курсам в Казани, выражая свои отношения к Курсам, кроме материальной помощи, постоянным обогащением библиотеки Курсов своими книгами соответственно задачам и целям миссионерского образования.

Не останавливаясь на других предметах учено-литературной деятельности Петра Васильевича, скажем кратко, что, кажется, не осталось ни одного вопроса в русской церковной истории, которого бы не коснулось его перо. Петр Васильевич неустанно следил за развитием и ходом русской исторической науки, почему всегда стоял на высоте требований от историков. Правда, он не был завзятым архивистом по нынешним требованиям разработки русской истории, но как критик высоко ставил архивные изыскания и с присущим ему умением пользовался ими для своих преимущественно синтетических работ, протекавших вдали от столичных и богатейших провинциальных архивов. Впрочем, литературные и вещественные памятники русской старины всегда интересовали его. Он прекрасно знал русские летописи и все книжные сокровища богатейшей Соловецкой библиотеки, находящейся при Казанской академии, как главный редактор ее Описания. В его литературных работах встречается не одна статья, составленная по архивным первоисточникам. Можно указать статьи: «Иоанн Неронов» (1869 г.) [15], «Описание Седмиозерной пустыни» (1869 г.) [16], «Сергей Шелонин — один из малоизвестных писателей XVII века» (1882 г.) [17], «Произведения Соловецкой письменности, относящиеся к личности Филиппа Московского» (1883 г.) [18], «Шестоднев Афанасия Холмогорского» (1883 г.) [19], «Житие Варлаама Керетского» (1893 г.) [20] и пр. др.

Критерием ученых изысканий Петра Васильевича всегда была строго научная и объективная историческая правда, художественно выраженная русским языком и правильной живой русской речью. Он не любил сухой и холодной ученой трактации и учено-напыщенно-доктринерства с выдвинутым наперед авторским «я». И здесь Петр Васильевич был необыкновенно скромным. В критике чужих мнений он был чрезмерно снисходителен и деликатен; он не любил критиковать «сплеча» и «словами без дела» обижать авторов, с которыми не соглашался. Никогда в жизни он не вступал ни с кем в литературные пререкания, хотя бывало, что его ни за что ни про что обижали злостные критики. Так, например, случилось с ним по выходе в свет «Истории Академии». Нашлись потомки, обидевшиеся на Петра Васильевича за правдивое его слово об их отцах... Рецензии Петра Васильевича иногда были убийственны для авторов рецензируемых книг, но по своим выражениям и приемам они отличались необыкновенной мягкостью и даже почтиительностью к авторам. В каждой рецензируемой книге он, прежде всего, старался найти хорошее и давал отзыв с перевесом отрицательных положений лишь тогда, когда критикуемое сочинение, претендующее на ученость, слишком противоречило строго научной и объективной правде. За более чем 50 лет своей учено-профессорской и литературной деятельности он составил не одну сотню рецензий, из которых некоторые носят характер ученых трактатов, поражающих глубоким анализом разбираемых сочинений. Можно указать следующие печатные его официальные и полуофициальные рецензии: а) на сочинение свящ. В. Жмакина «Митрополит Даниил» (Церковед., 1883 г.), б) на сочинение проф. С. Т. Голубева «Петр Могила,

т. I» (Христ. чт., 1887 г.), в) на сочинение профессора А. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку» (Записки Акад. наук, 1889 г.). По поручению Учебного комитета при Святейшем Синоде и Академии наук Петр Васильевич составил не один десяток рецензий.

Нельзя не остановиться на его профессорских рецензиях студенческих курсовых работ. Никому из преподавателей не приходилось прочитывать такую массу курсовых работ и давать отзывы о них, как Петру Васильевичу. В лице Петра Васильевича студенты встречали необыкновенно тщательного и добросовестного, но вместе с тем самого благожелательного рецензента. Петру Васильевичу иногда приходилось по несколько раз перечитывать нескладно и неумело написанное неопытным ученым сочинение, чтобы найти то хорошее, закопавшееся в груде туманных и спутанных выражений и положений, за что бы похвалить автора и дать ему «ученую» степень. Не было случая, чтобы Петр Васильевич отказывал в ученой степени за сочинение, писанное ему⁶.

Отличаясь острым, метким и глубоким критическим анализом исторических первоисточников, ученых и литературных трудов, а также отдельных исторических явлений и фактов, Петр Васильевич всюду проявлял свойственную его философскому уму и необыкновенно развитую им в ученых работах другую силу исторического мышления — широкий синтез исторических явлений и рядом с ним известный уже нам художественный дар — ярко и вместе с тем правдиво живописать исторические явления и образы исторических церковных и государственных, крупных и мелких деятелей. Эти деятели не описываются в уче-

⁶ О магистерских и докторских рецензиях Петра Васильевича см. «Историческую записку...» С. А. Терновского... стр. 396–397.

ных трудах Петра Васильевича, а живут и действуют в них как живые личности. Все его капитальные труды, начиная с «Руководства к русской церковной истории», обнимающего все вопросы русской церковной жизни в самых сжатых синтетических очерках, от начала Русской Церкви почти до наших времен и кончая бессмертной «Историей Казанской духовной академии», служат наглядным доказательством указанных качеств, редко соединяемых в лице одного исторического писателя и исследователя. Кстати заметить, Петр Васильевич с молодости был художником-самоучкой, не только копиистом, но и оригинальным творцом. Его квартира, обставленная с присущим Петру Васильевичу вкусом, представляла собой художественную галерею

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ИСТОК ВОЛГИ. АКВАРЕЛЬ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

его собственных произведений. Множество картин и священных изображений собственной работы Петр Васильевич раздарил своим хорошим знакомым и в храмы. В своих копиях с картин лучших русских художников он делал по своему художественному вкусу серьезные поправки, придавая самым сюжетам и персонажам особенную выразительность, осмысленность и правдивость. Разнообразие сюжетов художественных произведений кисти Петра Васильевича поразительно. Вместе с искусством он был прекрасным техником и механиком, устраивая самостоятельно разные оптические инструменты: стереоскопы, волшебные фонари, механические панорамы и т. п. Все это он называл «проделками» на досуге. Петр Васильевич никогда не был без дела. Бывало, застанешь его за какой-либо послеобеденной работой вроде устройства граммофонной трубы из картона для мягкости звука или устройства детской па-

норама, изображающей в лицах «Сказку о рыбаке и рыбке» и т. п., и спросишь: «Что это Вы делаете, Петр Васильевич?» — всегда был ответ: «Бездельничая после обеда». После обеда он никогда не отдыхал... Распределение занятий дня у него было самое точное. На все у него были свои часы. Точно, минута в минуту, он вставал, садился пить утренний чай, работать, обедать, пить вечерний чай, ужинать и ложился спать. Он не понимал, как можно ходить и жить без часов. Часы у него были самые верные. Пока он мог ходить, то в неделю раз, а иногда два лично проверял их в университетской обсерватории. В его квартире все часы отбивали время согласно из минуты в минуты... Точность и аккуратность у Петра Васильевича проявлялись во всем положительно, не исключая ответов на самые важные письма к нему... Он ни у кого и ни в чем не был в долгу.

В течение целого столетия Петр Васильевич оставался верен приемам своих ученых исследований и как оригинальный писатель-историк неизменно занимал выдающееся место среди ученых историков. Его яркая ученая звезда на русском просвещенном небосклоне никогда не меркла, пока литературное перо держалось в его руках.

Многочисленные *учено-литературные труды* доставили Петру Васильевичу всероссийскую известность инискали ему уважение среди многих ученых, учебных и просветительных учреждений, интересующихся учеными историческими трудами. В 1892 году Московский университет удостоил его степени доктора русской истории, Казанский университет избрал его своим почетным членом; в начале следующего, 1893 года Академия наук избрала его в число своих членов-корреспондентов, множество ученых обществ во главе с Московским обществом истории и древностей российских избрали его своим почетным пожизненным и действительным членом. Составляя гордость и красу Казанской академии, Петр Васильевич состоял почетным членом всех духовных академий.

Ученая критика всегда с восторгом приветствовала появление в свет трудов Петра Васильевича. Популярнее всех книг Петра Васильевича было и остается его «Руководство к русской церковной истории», как известно, переделанное в 1896 году в учебное руководство по истории Русской Церкви применительно к семинарской программе. Посредством своего «Руководства» Петр Васильевич издавна сделался учителем всего русского юношества, насадителем в русской духовной школе здоровых неприкрашенных понятий о религиозности русского народа и православии Русской Церкви.

Петр Васильевич прослужил родной ему Академии 36 лет, служил при трех академических уставах (1814 г., 1869 г. и 1884 г.), при четырех ректорах (архим. Иоанн (Соколов), Иннокентий (Новгородцев) [21], Никанор (Бровкович) [22], прот. А. П. Владимирский [23]) и при пяти казанских архиепископах (Афанасий (Соколов) [24], Антоний (Амфитеатров) [25], Палладий (Раев) [26], Павел (Лебедев) [27] и Владимир (Петров) [28]). Два года он служил при ректоре Академии архим. Антонии (Храповицком), причем один год служил, уже выйдя в отставку. По выходе из Академии он прожил двадцать лет; за это время управляли Академией в сане епископов Антоний (Храповицкий) [29], ныне на покое архиеп. Харьковский,

Алексий (Молчанов) [30], скончавшийся экзархом Грузии, Алексий (Дородницын) [31], ныне архиеп. Владимирский, Анастасий (Александров) [32], ныне еписк. Ямбургский, викарий Петроградский, ректор столичной Академии, и нынешний ректор Академии епископ Чистопольский Анатолий <(Грисюк)> [33], которому суждено благословить в последний раз в академическом храме незабвенного Петра Васильевича и проводить на место вечного упокоения. Казанской епархией, а вместе <и> Академией за это время, после архиепископа Владимира, последовательно управляли ныне скончавшиеся архиепископы: Арсений (Брянцев) [34], Димитрий (Ковальницкий) [35], Димитрий (Самбкин) [36], Никанор (Каменский) [37] и ныне здравствующий архиепископ Иа-

ков (Пятницкий) [38], которому суждено встать во главе сонма духовенства при отпевании Петра Васильевича.

Таким образом, покойный маститый ученый и профессор Петр Васильевич знал девять ректоров Казанской академии⁷ и десять казанских архиепископов. Для самой Академии он был живым носителем и выразителем шестидесятилетней истории, верным хранителем преданий родной Академии, в которой он сам

⁷ Такое сравнительно небольшое количество ректоров Академии за более полувековой период жизни Академии на глазах Петра Васильевича объясняется тем, что единственный до сего времени бывший ее ректор в сане протоиерея, а не архимандрита или епископа, прот. А. П. Владимирский, первый магистр первого курса Академии, стоял во главе Академии без года четверть века — с 1870 по 1895 г.

**ПРОФЕССОРСКИЙ ЗАЛ
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ. 1900-е годы.
В ЦЕНТРЕ, ПОД ПОРТРЕТАМИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ЧЕТЫ,
ПОРТРЕТ П. В. ЗНАМЕНСКОГО**

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ. 1903 г.
ФОТО ИЗ ФОНДА
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

долгое время стоял при кормлении правления Академии в должности помощника ректора по церковно-историческому отделению и члена правления, получив еще в 1879 г. степень доктора богословия и ранее того, в декабре в 1868 г., звание ординарного профессора. В течение 36-летней профессорской службы он проходил другие академические должности, преимущественно бесплатные, не связанные с учено-просветительными задачами Академии, начиная с библиотекаря Академии (1865–1870 гг.). Только инспекторская должность и соединенные с нею обязанности чужды были характеру Петра Васильевича. За них он ни-

когда не брался, хотя при избирательном порядке в должность инспектора, на то имел полное право по службе и старшинству. Вообще Петр Васильевич старался избегать таких должностей, которые, хотя и оплачивались, но мешали его профессорской и ученой деятельности.

Как сослуживец, он был человеком прекрасной души и добрым товарищем. И тут скажем словами Я. А. Богородского: «Хотя Петр Васильевич не жил по традициям провинциального общества, не гостился, но всем был близок душой. Каждая встреча с ним оставляла по себе прекрасное впечатление. Этому содействовали уравновешенность на-

туры Петра Васильевича, простота и естественность в обращении, изящество и какой-то природный аристократизм в манерах. Безукоризненность последних была такова, что даже зоркая, сметливая молодежь ничего не могла подметить, чтобы благодушно представить Петра Васильевича в лицах. Многостороннее образование, ясное понимание вещей и тонкий, ни для кого не обидный юмор делали его беседу в обществе поучительной и оживленной; благородство души Петра Васильевича, любовь к правде, отзывчивость ко всему доброму и прекрасному поселяли к нему доверие и вызывали на пол-

ную откровенность. Доброта души и любовь к Академии у него всегда выражались в щедрых пожертвованиях, в ученой и материальной помощи студентам и для успехов научной деятельности Академии. Петр Васильевич никогда не оставлял без утешения и материальной помощи своих сослуживцев и всех лиц, принадлежащих к Академии, — от профессора до маленького служителя, когда они приходили к нему в трудные минуты душевного горя и материальной нужды».

Выше было сказано, что за 36 лет своей усердной профессорской службы и непрерывной ученой деятельности Петр Васильевич утомился. Близо стоявшие к нему лица воочию видели, что Петр Васильевич с каждым годом не только <не> облегчался, но еще больше подавлялся работами не по своей доброй воле, но, главным образом, от неравномерности распределения академических работ. Здесь на первом месте нужно поставить чтение студенческих семестровых и курсовых сочинений, составление отзывов об ученых трудах на степени магистра и доктора, исполнение всяких поручений от академического начальства и Совета в виде составления публичных речей, адресов, приветствий, некрологов и т. п. Все это распределялось между преподавателями далеко неравномерно, вследствие обычного на Руси недостатка общественной солидарности, частью и от свойства преподаваемого Петром Васильевичем предмета. На долю Петра Васильевича всегда выпадала самая большая часть работ. Между тем число студентов в Академии увеличивалось, следовательно, и работы еще прибавлялось... Петр Васильевич окончательно задумал оставить официальную службу в Академии и не скрывал своего намерения от сослуживцев, едва не убедивших его не покидать Академии. Но честность

и прямота намерения у Петра Васильевича взяли верх. «Меня спас от этого соблазна, — говорил он сослуживцам, огорченным его выходом из Академии, — некоторый навык — плод многолетних занятий историей — смотреть на текущие обстоятельства и даже на самого себя с возможно объективной точки зрения, со стороны и даже сверху. Посмотрел я так на себя повнимательнее и увидел, что я сила уже утомившаяся, отработавшая свой термин, что не успеваю идти вровень, нога в ногу, ни с современным развитием моей науки, ни с работой других членов академической корпорации...», а потому и вышел из Академии. Конечно, в словах Петра Васильевича звучала присущая ему скромность, но, с другой стороны, он всегда высоко ставил положение профессора в аудитории и на кафедре. Кажется, Петра Васильевича очень смущало то обстоятельство, что голос его, никогда не бывший сильным, стал слаб для аудитории и студенты, чтобы не проронить дорогих слов любимого профессора, в последние годы его службы стали придвигать парты чуть не вплотную к его кафедре. Но была еще причина его торопливого ухода из штатных профессоров Академии, о которой он говорил только самым близким к нему людям. Нужно было освободить штатную ординатуру для давно ждавшего ее доктора богословия Михаила Ивановича Богословского [39], человека семейного и нуждающегося. Наши духовные академии в отношении штатных ординатур в недавнем прошлом были поставлены в тяжелое положение. Лица с докторскими степенями за неимением штатных ординатур и экстраординатур оставались доцентами, ожидая или смерти профессора, или какой-либо служебной катастрофы своего ближнего из штатных профессоров. Петр Васильевич первый имел духовное му-

**АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА
И ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗНАМЕНСКИЕ.**
1880-е годы.
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
И. В. ПОРФИРЬЕВОЙ

жество, почувствовав некоторое утомление, освободить свою ординатуру для Михаила Ивановича. Этот добрый и всегда детски наивный старец (вечная ему память!) даже приходил благодарить Петра Васильевича за то, что он освободил для него ординатуру.

Петр Васильевич с присущим ему благодушием принял эту благодарность и даже выражал удовольствие, что своим выходом из состава штатных профессоров сделал добро другому, отчасти и себе, так как академические порядки значительно изменились в последний год его штатной службы... У него достало сил прослужить сверх штата только еще один, 1896/97 учебный год, когда он совершенно оставил профессорскую службу в Академии, но не оставил самой

Академии. «Теперь заочно, — говорил Петр Васильевич, — я, кажется, еще больше люблю Академию, чем любил ее воочию. У меня от нее сохраняется в памяти только одно хорошее...» Пишущему эти строки незабвенный Петр Васильевич, задумав совсем выйти из Академии, говорил, что неудобно в одном деле хозяйничать двоим. Когда же его преемник на слова своего учителя и руководителя отвечал, что «хозяином» в деле будет он — Петр Васильевич, а молодой преемник будет только работником, и усердно просил его остаться хозяйничать по-прежнему, то услышал решительный ответ: «Нет, так нельзя. Быть хозяином я не имею прав». Не о праве здесь может быть речь, а о пользе дела, говорилось на это Петру Васильевичу, но он оставался непреклонен, уверяя, что в душе и потом он никогда не оставит Академии и своего преемника...

Корпорация Академии, прощаясь с Петром Васильевичем после его 36-летней академической профессорской службы, надеялась, что Петр Васильевич не порвет с нею житейских и ученых отношений. Сам он тогда же пожелал остаться членом поместной церкви Арского поля как человек все еще «академической веры». Он сдержал свое слово, и Академия всегда считала его своим самым близким ей человеком, живым выразителем ее истории почти с первых годов существования, хранителем старых академических преданий и мудрым наставником. Освободившись от официальной профессуры, Петр Васильевич сделался неофициальным, «свободным» профессором с измененным составом аудитории. Этот состав стал отличаться удивительным разнообразием. Его уединенную аудиторию в скромной квар-

тире поодиночке и сообща стали посещать лица разных положений, званий, профессий и возрастов. Среди посетителей Петра Васильевича мы не раз встречали иерархов, ученых, профессоров, администраторов, пастырей, учителей, учеников — старцев, мужей, юношей, русских и инородцев. В квартиру «свободного профессора» смелее пошли все, не боясь помешать его официальным и срочным работам, как раньше.

Всегда добрый, внимательный и услужливый, Петр Васильевич никогда не отказывал в нужном и возможном совете. Всем доступный, он по-прежнему не жалел дорогих сокровищ своего ума, знания, опыта, делясь ими со всеми. Можно смело сказать, что никто из добровольных посетителей Петра Васильевича не уходил от него неудовлетворенным и без новых знаний. Оставив академическую кафедру истории Русской Церкви, Петр

Васильевич сам, без всякой официальной нужды, продолжал обогащаться знаниями, стремясь еще более расширить свой ученый кругозор. Положение и обстановка «отставного профессора» не ослабили научных интересов его. Даже удар судьбы — потеря супруги — не помешал этому. Петр Васильевич по-христиански, философски терпеливо переносил постигшее его горе, оставшись совершенно одиноким; он не пал духом, интересуясь успехами академической науки. Ученая и популярная книга по всевозможным отраслям знания оставалась его неизменным другом в тихой квартире. За три дня до своей мирной кончины он «от скуки» и «от нечего делать» в постели читал книжку «Русского архива». Находясь в курсе современной академической, отчасти и университетской науки, он продолжал оставаться не только профессором-историком, но делался еще ученым-энциклопедистом. Одинаково полезно и приятно было всем беседовать с Петром Васильевичем, сохранившим до конца своих дней светлый ум. Разные новости в академической науке и литературе, преломляясь в призме широко просвещенного и глубоко философского и практического ума и художественной чуткости при свежести мысли, в комментариях Петра Ва-

сильевича являлись в лучшем понимании и освещении. Все, что выходило из-под его пера, носит прежний характер могучего и неослабевающего таланта. Как на пример такой литературной работы можно указать на его трактат «Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни» (Прав. соб., 1902 г. и отдельно) [40]. Его автобиография, хотя не законченная, представляет собой не случайные записки,

КНИГА П. В. ЗНАМЕНСКОГО
«ПРИХОДСКОЕ
ДУХОВЕНСТВО НА РУСИ»
С АВТОГРАФОМ АВТОРА

но высокохудожественное литературное произведение. Естественно, что Академия по-прежнему гордилась Петром Васильевичем и ценила его как своего профессора, преклоняясь пред его авторитетом. В академической корпорации часто приходилось слышать вопрос: «А как на этот счет думает Петр Васильевич?» Его слово было решающим. К нему как носителю старых академических традиций и выразителю более полувековой истории Казанской академии обращались за нужными историческими справками о делах давно минувших дней академической жизни. Петр Васильевич никогда не отказывал в этом своей Almae Matris. Можно сказать, в лице его объединялась старая и новая Академия. Со своей стороны, Петр Васильевич не переставал радоваться радостями и печалиться печалью нынешней Академии. Академическую семью, значительно изменившуюся в своем составе, он по-прежнему <считал> для себя родной и близкой. Стар и юн из этой семьи одинаково любезно был принят Петром Васильевичем. Для всех он и теперь являлся образцом корректности, деликатности и высококачественного отношения к своим обязанностям, как человека и гражданина. До самого последнего времени, чувствуя слабость в ногах, он не позволял себе присесть, когда стоял его собеседник. Только на последнем году своей жизни он стал очень тяготиться сторонними посетителями, не имея возможности по болезни всего организма, особенно ног, уделять им внимания более 10 минут. Его усталое тело постоянно требовало изменения позы и даже положения. К тому же у больного стал развиваться нефрит. Но были у него такие посетители, которых он принимал почти во всякое время и не стеснялся их присутствием. Мы не будем говорить о семье пишущего эти строки, которую он счи-

тал за родную семью... Одним из постоянных его посетителей был профессор К. В. Харлампович [41], делившийся с Петром Васильевичем разными новостями из ученого, литературного, общественного и других миров. Любил он принимать у себя также бывшего секретаря Академии, ныне инспектора народных училищ Волынской губернии А. А. Нечаева [42], человека прекрасной души и горячо любившего Академию, готового сделать для нее все возможное. Эта черта в Александре Андреевиче особенно нравилась Петру Васильевичу, весьма и весьма жалевшему, когда А. А. Нечаеву, по разным обстоятельствам, с тяжелым чувством пришлось оставить службу в Академии в качестве секретаря и не удалось войти в состав академической корпорации. Близко принят был Петром Васильевичем молодой академический доцент А. Г. Лушников [43], с которым у маститого профессора завязались особенно близкие отношения, когда талантливый бедняк Алексей Георгиевич был еще студентом. Принять ненадолго Петр Васильевич рад был всех, когда чувствовал себя не совсем больным...

Академическое студенчество по-прежнему оставалось близким доброму и отзывчивому сердцу Петра Васильевича. Он просто и ласково встречал и принимал студентов не только Академии, но и Университета, нередко являвшихся к нему за ученым советом и за помощью при тяжелых материальных обстоятельствах. Испытав на себе крайнюю бедность в дни студенчества, Петр Васильевич не забывал бедных студентов. Составив из собственных средств две стипендии для беднейших студентов, он продолжал до самой кончины делать щедрые вклады в общество недостаточных студентов, а частной своевременной и секретной денежной помощью иногда избавлял лучших студентов от пе-

чальной необходимости по семейным обстоятельствам среди курса оставлять Академию...

Академическая библиотека в течение более полувека принимала от Петра Васильевича весьма ценные книжные дары, заключающиеся иногда в редких изданиях. Все самое ценное из своей библиотеки он при жизни передал в академическую библиотеку. Эти дары можно считать тысячами экземпляров.

Можно было бы много сказать о щедрости и благотворительности Петра Васильевича в других случаях. Петр Васильевич до самой своей кончины неизменно оставался не только профессором, ученым, но еще человеком благородным и благодарным сыном воспитавшей его Академии. С наступлением нынешней весны он вместе с профессором Покровским выработывал план выезда из квартиры, чтобы посмотреть Казань,

**АВТОПОРТРЕТ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.**
1870-е годы. ИЗ ЧАСТНОЙ
КОЛЛЕКЦИИ

что с ней произошло за полтора года его невольного затворничества; особенно ему хотелось побывать в Академии и академическом храме, который он любил. Но этим планам не суждено было осуществиться.

Кончина Петра Васильевича — невоснаградимая утрата для Академии. Покойный отдал Академии все свои умственные и нравственные силы; он на всю жизнь оставался академическим человеком. Он сам открыто говорил: «Я всецело принадлежу Академии, от которой получил все и которой отдам все». Это были не одни слова. У Петра Васильевича слово никогда не расходилось с делом. Отдав Академии все свои умственные таланты, он еще при жизни большую часть своих денежных средств употребил на образование стипендии для беднейших студентов, а по смерти отдал своей *Almae Matris* самое дорогое для него — свои сочинения и всю недвижимость — с идеальным назначением доходов с него. Петр Васильевич знал нужды воспитавшей его матери-Академии и всячески старался ослабить их. Как известно, у Казанской академии в материальном отношении три самых больших места: это библиотека Академии, редакция академического журнала «Православный собеседник» и «дело вспомоществования бедным студентам Академии». Нежно и бескорыстно любивший Академию Петр Васильевич в своем завещании, составленном еще в 1907 году, сделал на случай смерти следующее распоряжение о своем имуществе: «Недвижимое имущество мое, заключающееся в дворовом месте с деревянным домом и двумя флигелями и другими постройками, состоящее в 3 ч. г. Казани по Старо-Комиссар. ул., завещаю в собственность Казанской духовной академии с тем, чтобы доходы с этого имущества или,

если это имущество будет продано, то с капитала, вырученного от этой продажи, употреблены были в равных долях: а) на усиление фонда академической редакции, библиотеку и другие учебные и учебные надобности Академии и б) на пособие бедным студентам Академии в стипендиальной и другой какой форме, как найдет лучшим по требова-

тельную библиотеку в течение 55 лет, можно составить огромную ценную и разнообразную библиотеку. Рукописные сокровища Петра Васильевича — его лекции, ненапечатанные статьи, переписка с разными лицами, автобиографические записки и прочее — передано в распоряжение профессора И. М. Покровского [44] — это равносильно передаче их Академии.

Петр Васильевич как автор учебника по истории Русской Церкви, плодовитый писатель, сочинения которого расходились весьма быстро, имел возможность быть капиталистом, но скончался, не имея никаких личных денежных средств, кроме небольшой суммы, приговоренной истинным христианином-профессором только «на погребение, поминовение и на памятник». И умирая, он не хотел быть в тягость кому-либо. Он всю жизнь прожил для других — безразлично чужих или родственников. Всем молодым силам, желавшим получить образование — среднее или высшее, — он давал средства к безбедному существованию во время обучения.

ниям обстоятельств академическая администрация. Ей же, Академии, представляю все права собственности на мои печатные сочинения... Из движимого имущества мою библиотеку, не имеющую особенно ценности, так как лучшие и более ценные книги я роздал лично еще при жизни, завещаю раздать по учебным заведениям». В числе этих заведений на первом месте стоит та же Академия, которой Петр Васильевич при жизни щедро отдал все самое ценное из своих книжных сокровищниц. Без преувеличения можно сказать, что из книг, пожертвованных Петром Васильевичем в акаде-

Болезнь Петра Васильевича стала принимать угрожающий характер после нынешней Пасхи. Развертывавшиеся современные события исстрадавшейся России сказывались на нем, он с каждым днем все более и более слабел и с трудом переходил с места на место, придерживаясь за окружающие его предметы, но лежать в постели не хотел; значение медицинской помощи в своем возрасте и при своей болезни не признавал. Однако ни ему, ни окружавшим его близким людям не казалось, что близка развязка. Совсем плохо почувствовал себя Петр Васильевич в ночь на 28 апреля. С ним случился легкий удар, когда он ложился в постель. По-

ЖУРНАЛ «ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК» ЗА 1917 ГОД, В КОТОРОМ БЫЛ НАПЕЧАТАН НЕКРОЛОГ П. В. ЗНАМЕНСКОМУ

слали за профессором И. М. Покровским; последний застал Петра Васильевича в 12-м часу ночи лежащим в постели, но в полном сознании, и ничто не предвещало близкого конца... На следующий день ему стало лучше... Петр Васильевич встал, пил чай, кушал, читал и беседовал... 29 апреля он пожелал видеть всю семью профессора Покровского, шутил с его детьми и даже был благодушен, хотя чувствовал слабость. Когда дети уходили от больного и пожелали ему скорого выздоровления, то Петр Васильевич твердым голосом ответил: «Рад стараться». 30 апреля положение его не улучшалось и не ухудшалось. На предложение профессора Покровского пригласить доктора больной отвечал: «Бесполезно. Умирать я не собираюсь». И действительно, можно было ему поверить. 1 мая он встал, кушал чай... Сы-

ну профессора Покровского, посланному справиться о здоровье Петра Васильевича, ответили, что ему лучше. «И слава Богу!» — облегченно сказал справлявшийся и занялся срочными академическими делами — чтением курсовых студенческих сочинений... Вечером Петра Васильевича навещил К. В. Харлампович, но застал его в постели. Окружающие Петра Васильевича лица, несмотря на наказ профессора Покровского известить его немедленно, во всякое время дня и ночи, если больному будет хуже, не видели нужды делать это ночью, когда Петр Васильевич спокойно уснул... Утром 2 мая, в 8-м часу утра, пришел к нему посланец, но с печальной вестью: «Петр Васильевич скончался». Профессор Покровский быстро собрался и нашел Петра Васильевича еще не охладевшим трупом; он совершенно спокойно лежал

в постели и как будто спал... Даже близкие к Петру Васильевичу лица, ухаживавшие за ним и не оставлявшие его более как на пять-десять минут, не видели, как скончался он. Кончина была совершенно спокойная и мирная, каковую просят себе все верующие христиане. А Петр Васильевич был человек глубоко и искренне верующий. В последние годы, не имея возможности посещать храм, он исправно на дому Великим постом исповедовался и причащался Святых Таин с христианским приготовлением, избрав своим духовником студента Академии о. К. Соловьева [45]. Настольными книгами в его спальне всегда были Святое Евангелие в русском переводе, Псалтирь и молитвослов. И самая мирная кончина Петра Васильевича произошла в единении его с Богом, а не с людьми.

ДОМ П. В. ЗНАМЕНСКОГО
НА СТАРОКОМИССАРИАТСКОЙ
УЛИЦЕ (НЫНЕ УЛИЦА
МАЯКОВСКОГО). 1870 г.
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРЕПОЛЬСКОЙ

Весть о кончине Петра Васильевича быстро распространилась по Казани. В том же 8-м часу утра Академия знала о кончине своего заслуженнейшего профессора, в 11 часов утра собравшийся на очередное заседание Совет Академии узнал о ней и пропел в Академии первую «Вечную память» своему патриарху-профессору.

Около 10 часов утра была отслужена первая панихида отцом инспектором Академии архим. Гурием [46] над покойным Петром Васильевичем. Почти тогда же узнал о кончине его собравшийся и заседавший в Епархиальном женском училище Епархиальный съезд духовенства и пропел «Вечную память» известному всему Казанскому краю академическому профессору-печальнику за приходское духовенство...

В час дня была совершена панихида преосвященнейшим ректором Академии епископом Анатолием, в сослужении многочисленного академического и казанского городского духовенства, в присутствии академической корпорации. Затем следовал ряд панихид от разных учреждений г. Казани, к которым особенно близко стоял покойный Петр Васильевич. Накануне погребения совершен был в квартире при гробе Петра Васильевича парастас с сонмом академического духовенства и Варваринского прихода, к которому Петр Васильевич принадлежал как домовладелец.

Петр Васильевич при жизни не раз наказывал, чтобы погребение его было совершено возможно скромнее, даже «по-сельски», чтобы не утомлять присутствующих, и прошло бы без всяких речей и без возложения венков... Но самые близкие к Петру Васильевичу лица нарушили устное завещание покойного, сказав ему краткое «последнее прости», а студенты от своего горячего и любящего сердца возложили

на гроб Петра Васильевича венок с надписью: «Дорогому профессору — другу учащихся — от любящих студентов Академии». Отпевание совершено в академическом храме 4 мая.

В 8 с половиной часов утра 4 мая, после краткой литии, тело Петра Васильевича вынесено было из его квартиры в академический храм, где было встречено преосвященнейшим ректором епископом Анатолием. Пред выносом Петра Васильевича из квартиры профессор И. М. Покровский сказал ему следующее свое последнее «прости»:

«Дорогой и незабвенный Петр Васильевич!

Ты мне, как самому близкому человеку, не раз говорил, чтобы никаких речей не было при твоём гробе, они ничего не прибавят к тому, что не раз было сказано тебе Академией и другими лицами в день твоего двадцатипятилетия академической службы, при выходе из Академии и по случаю 50-летия твоей учено-профессорской деятельности. «Меня на словах три раза уже хоронили», — говорил ты... Но прости меня, дорогой и незабвенный Петр Васильевич, если я в настоящую, необыкновенно тяжелую для меня минуту не исполню твоего завещания и скажу тебе в последний раз несколько слов. Это будет не речь при твоём гробе, а мое последнее «прости» и коснется не ученой твоей деятельности, а твоего чудного образа как доброго хозяина, оставляющего свой дом, и как моего наставника по кафедре и в жизни.

У тебя было только два места, где ты чувствовал себя свободно и спокойно: это Академия и твой дом с уютным кабинетом, созданный твоими трудами с самыми небольшими средствами, добытыми академической службой... Ты часто говорил: «Я принадлежу Академии...», «я человек академический», «мне все дала Академия»... О своих трудах и хлопотах ты всегда умалчивал.

Но ведь то место, где построен твой дом, из которого тебя сейчас выносят в место вечного упокоения, когда вступала на него твоя нога, представляла собой овраги, которые поросли крапивой и диким бурьяном. Ты все это начал культивировать на досуге от учебных занятий, создал тихий прекрасный уютный уголок, из которого ты в последний десяток лет твоей одинокой жизни никуда не выбывал, разве только в Академию и Спасский монастырь и то весьма ненадолго. Здесь ты, подвижник науки, не знал другой работы, как ученый труд, литература и художество. Чудный твой садик, первоначально очищенный и насаженный твоими собственными руками и руками незабвенной твоей сподвижницы Антонины Михайловны, был местом твоего умственного и физического отдохновения. Ты не знал, что такое выезд на дачу... До самой своей смерти, а в последний год твоей жизни только чрез окно, ты любовался им и жалел, что не мог выйти в садик и подышать в нем свежим воздухом... Ты любил свой дом и сад и дорожил им как своим творением, созданным параллельно с учеными творениями твоего глубокого ума и эстетического чувства... Ныне ты покидаешь все это, но с прекрасным завещанием.

Ты, добрый и ласковый хозяин, владея домами, не считал их статьей своего дохода. Свой домик ты устроил для удобства профессорской службы и ученой деятельности в тихой половине усадьбы, а два домика-флигеля всегда были у тебя полублагодетельными учреждениями. Ты не искал квартирантов, которые платили бы тебе дорожку, а искал таких жильцов, которые жили честным благородным трудом, были бы нуждающимися людьми и спокойными соседями, не тревожащими и без того слабых нервов постоянно занятого ученого профессора.

Не думаю обижать твоих квартирантов, со слезами окружающих тебя, если скажу, что в последнее время ты брал с них только половинную плату стоимости квартир... Большую часть твоей усадьбы с давних пор называют профессорским уголком. Твой дом и один из флигелей — в буквальном смысле профессорские квартиры. Тут издавна жили и живут академические и университетские профессора († В. А. Снегирев [47], † А. К. Волков [48], † А. И. Смирнов [49] — все философы, ныне профессор о. Н. В. Петров [50]), ты умел благотворить всем всеми доступными тебе способами.

В твоём доме и садике я в течение почти 25 лет встречал неизменную ласку и находил душевный покой, сначала

один, затем с семьёй... С радостью и горем я шёл к тебе сюда и уходил с мирной душой... Буду откровенен... Я затрудняюсь сказать, к кому я питал больше сыновних чувств — к тебе, дорогой Петр Васильевич, или к моему, ныне также покойному, родному отцу. Между ним и тобой было общее. Вы были сверстники; его семинарские товарищи обучались с тобой в Казанской академии. Когда скончался мой отец, то оставшаяся вдовой мать и сироты-сестры завидовали мне, говоря: «У тебя остался другой отец — Петр Васильевич». Пред тобой они также благоговели и вспоминали тебя с каким-то особым чувством не только уважения, но и любви, хотя видели тебя только один раз... Действительно, ты

был для меня не только наставником и руководителем, ты был для меня отцом, любовно называя меня «приёмным сыном», официально «самым близким тебе человеком». Спасибо тебе за это, дорогой Петр Васильевич. Твоя любовь ко мне, незаслуженная мной, перешла и на мою семью, которая вся окружает тебя в настоящую минуту и глубоко чувствует — от велика до мала, — кого она лишается в твоём лице. Ты, как родной и любящий отец, всего за три дня до смерти пожелал видеть её около себя и как бы проститься с ней... Даже малые мои дети, возвратившись домой, чувствовали, что дорогой Петр Васильевич пригласил их, чтобы навсегда проститься с ними. А нам — большим — это последнее свиде-

**ДОМОВЫЙ ХРАМ
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ ВО ИМЯ
АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.**
1902 г. ФОТО ИЗ ФОНДА
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

**СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ. КАЗАНЬ.
ФОТО НАЧАЛА XX ВЕКА**

ние семьи с дорогим нам человеком было еще грустнее.

Прости меня, дорогой Петр Васильевич, если я огорчал тебя и, может быть, невольно оказывался невнимательным к тем наставлениям, которые слышал от тебя в твоём доме, ставшем моей новой аудиторией, в которой я продолжал учиться от тебя до самой твоей кончины. Я всегда чувствовал себя мальчиком пред тобой во всех отношениях... Прости меня, если я, как твой преемник, оказался недостойным тебя в Академии, которой ты отдал все свои недюжинные умственные таланты, свои физические силы, наконец, самое дорогое свое детище — ученые труды и чудный дом с усадьбой. Ведь люди с таким умом, таким

чутким сердцем и редким стремлением ко всему доброму, какими отличался ты, рождаются веками. Я смело говорю, не оскорбляя твоей всегдашней скромности, что ты прожил жизнь не для себя, а для других. Все доброе находило отклик в твоей душе.

Ты любил свою *Alma Mater* — Академию с ее профессорами и студентами. Даже самый последний служитель в ней не чужд был твоих забот в тяжелые минуты душевной скорби и материальной нужды. Ты был слишком скромным и не делал добра напоказ. Мне известно, как ты, узнавши, что один из академических ординарных профессоров, скончался, оставив совершенно необеспеченную семью и 12 рублей денег на «все»,

сразу послал семье покойного сто рублей с просьбой не говорить от кого... Таких случаев мне, как самому близкому к тебе человеку, известно много. Ты благотворил всем и всюду. Мне неизвестно ни одного благотворительного и просветительного учреждения по духовному ведомству и не по духовному только, на нужды которых ты не отозвался бы в числе первых. Ты мог быть богачом, но умираешь бедняком. В последнее время, получая только профессорскую пенсию, ты начинал даже нуждаться при самом скромном образе жизни. Не желая быть бременем для других, ты, как добрый христианин, оставил себе небольшую сумму только на погребение, поминание и памятник. Все свое

состояние ты при жизни раздал нуждающимся — безразлично родным и чужим, особенно на учащихся и в благотворительные учреждения. Ты щедрой рукой давал средства родным, молодым людям и девицам, желавшим получить среднее и высшее образование...

Иди же, добрый хозяин и мой дорогой наставник, к Хозяину Небесного Вертограда, который, зная твою христианскую жизнь, воздаст тебе по вере и делам твоим».

Погребальная литургия совершена была преосвященнейшим Анатолием в сослужении академического духовенства. На отпевание прибыли высокопреосвященнейший Иаков, архиепископ Казанский, и второй Казанский викарный епископ Чебоксарский Борис [51]. Отпевание носило величественный характер. Мститый иерарх Русской Церкви со своими викариями возглавлял многочисленный сонм казанского духовенства, в числе которого находились заслуженнейший митрофорный протоиерей Е. А. Малов [52], старейший сослуживец Петра Васильевича (из IX курса Академии 1862 г.), три архимандрита, множество протоиереев и иереев, бывших сослуживцев (протоиерей Н. П. Виноградов [53]), учеников и почитателей Петра Васильевича. При многочисленности присутствующих на погребении и торжественности самого отпевания все время чувствовалось какое-то величавое спокойствие, гармонирующее с личностью покойника. Прекрасно пел хор, организовавшийся из студентов Академии, еще не выбывших из Казани. Пред отпеванием преосвященнейший ректор Академии сказал теплое слово над покойником:

«Сейчас мы начинаем отпевание не кого другого, как нашего глубокочтимого и дорогого Петра Васильевича. Как созревшая

пшеница, вовремя сжатая (Иов. 5:26), или как спелый колос, вошел он в гроб свой, и мы должны отдать ему последний долг. Правда, при жизни своей, удаляясь вообще от всего, что бы могло его сделать центром внимания, он просил как можно проще проводить его в «путь вся земли» и не удлинять надгробного пения над ним всякими речами и восхвалениями. Но хотя такова была скромность нашего дорогого усопшего, Академия не может не поведать всем, какого именно своего деятеля она потеряла в лице Петра Васильевича.

Наша Казанская духовная академия лишилась в Петре Васильевиче одного из самых талантливых своих сыновей, студента столь далеких от нас пятидесятих годов прошлого столетия, соединявшего в своем лице Академию самых первых лет ее существования с тою же Академией всех последующих десятилетий, бывшего как бы живой историей за все время существования нашей высшей богословской школы. Но этот даровитый студент, став ее профессором, развил такую плодотворную учено-литературную деятельность, что своим именем он прославил воспитавшую его Академию. Имя Петра Васильевича Знаменского стало украшать списки почетных членов всех академий, двух университетов, и к его ученым услугам стала прибегать Академия наук. Историк-художник, поставивший предметом своих научных трудов преимущественно бытовую, столь мало до него разрабатывавшуюся сторону русской церковной истории, он своими исследованиями внес ценный вклад в сокровищницу русской церковно-исторической науки. Но не только работникам науки, но и ученикам нашей средней духовной школы имя Петра Васильевича было известно и соединялось с лучшими чувствами благодарности и уважения, ибо по его

учебнику они знакомились с минувшими судьбами родной Русской Церкви.

Но это был не только большой ученый, но и вместе с тем истинный профессор, который хотел жить и работать для своих слушателей и который представлял тип человека высокой духовной культуры, широкого просвещенного взгляда на все явления действительности. Нельзя без умиления слушать рассказы о том, как он, обремененный большими годами и немощами своего престарелого возраста, отказывал себе в том, в чем менее нуждающиеся себе не отказывают, единственно по тому соображению, что если все хотя бы ценою усиленной платы не будут добиваться улучшения суровых условий переживаемого бедственного времени, то тяжесть этих условий быстро увеличится к несчастью многих больных и детей.

МОГИЛА П. В. ЗНАМЕНСКОГО
(27.03.1836–02.05.1917)
И ЕГО СУПРУГИ АНТОНИНЫ
МИХАЙЛОВНЫ ЗНАМЕНСКОЙ
(1844–14.02.1906) НА КЛАДБИЩЕ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ.
ПАМЯТНИК УСТАНОВЛЕН
В 1918 Г. ЕГО ДРУГОМ И УЧЕНИКОМ И. М. ПОКРОВСКИМ
(ФОТО И. М. ПОКРОВСКОГО). ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРЕПОЛЬСКОЙ

Но чем особенно дорог и близок был Петр Васильевич родной ему Академии, так это своею беззаветною, нежною любовью к ней. Это был глубоко академический человек, горячий и испытанный академический патриот. Мы все любим воспитавшую нас Академию, и чем больше мы удаляемся на своем жизненном пути от Академии, тем нежнее наше чувство в отношении к ней. В косых лучах заходящего солнца нашей жизни величественнее и ярче рисуется образ оставленной в начале нашей жизненной дороги высшей школы. Молодые годы, совпадающие с раскрытием идеальных стремлений и высших запросов, те годы, которые мы в общении с профессорами и товарищами-студентами проводим в Академии, навсегда остаются памятными для нас и служат источником освежения и ободрения в трудных обстоятельствах жизни. Но наша любовь к Академии большею частью выражается в словах и в воспоминаниях.

Петр Васильевич любил Академию подлинною любовью, не на словах только, но и на деле. Он посвятил ей свою замечательную историческую работу. Его трехтомная «История Казанской духовной академии» — труд исключительный среди подобных по замечательной художественности воспроизведения и изложения и по той симпатии, какую проникнута каждая строка этого труда. Ни одна из академий, хотя все они старше нашей, не имеет подобной «Истории». И долго-долго эта «История» будет служить для всех приходящих сюда, в эту высшую богословскую школу, единственной рассадник высшего богословского просвещения и миссионерской науки на всем востоке России и для всей Сибири, настольной книгой для изучения прошлого Казанской ака-

демии и для воспитания любви и уважения к ней. Но исполнив с неподражаемым мастерством задачу историографа своей родной Академии, Петр Васильевич свой труд обратил не только в назидание всем желающим знать славное прошлое этой Академии, но и в прямую пользу для столь любимых им студентов ее. Он пожертвовал свой прекрасный труд в пользу Общества вспомоществования недостаточным студентам, и, сколько материальной нужды академиче-

ской молодежи он этим утолил, можно себе только представить. Но и, помимо этого пожертвования, он и непосредственно много передал своих крупных взносов в кассу Общества. Это был подлинно друг студенчества, покровитель учащейся в Академии молодежи. Но и вообще это был чрезвычайно близкий и чуткий в отношении Академии ее член. Он весьма живо и сердечно интересовался всем, что происходило в Академии и что ее каса-

лось. Будучи прикован старческой слабостью к своему жилищу, он старался узнавать о жизни Академии от приходивших к нему лиц, и еще незадолго до своей кончины он выражал свое задушевное желание — добраться так или иначе до Академии и пройтись по ее зданиям, окинув прощальным любящим взором ее комнаты и коридоры. Так он любил Академию даже по ее внешности. Истинная любовь не прекращается и по смерти, или, вернее, смерть запечатлевает ее жизненное проявление и обнаруживает всю ее глубину. Из посмертного завещания Петра Васильевича мы видим, что он с любовью к Академии отходил из сей жизни в жизнь иную. Все, что у него было материально ценного, он завещал не кому-либо, не своим родным или присным, а именно Академии. Да, велика и сильна была любовь почившего к Академии. Надо сказать, что и ответная любовь Академии к Петру Васильевичу также была немалою. Хотя мы редко, а в последние годы и совсем не видели Петра Васильевича в своей среде, но он продолжал оставаться нравственным центром и общепризнанным патриархом нашей академической семьи. Его мнениями по текущим вопросам продолжали интересоваться и их очень ценили. Знаменательные дни в его жизни отмечались молитвою и приветствиями. К нему обращались за советами. Вообще, его именем духовно утешались и ободрялись.

Вот почему велика наша скорбь об уходе от нас нашего дорогого и незабвенного Петра Васильевича. Мы лишились его на рубеже нового периода истории нашей уже три четверти века существующей Академии, когда общие преобразования захватывают и ее жизнь. Но любовь Академии к Петру Василье-

ПОРТРЕТ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
1890-е годы.
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРОЕПОЛЬСКОЙ

вичу не прекратилась и не может прекратиться. Мы верим, что пока будут раздаваться молитвы в этих святых стенах, будет с благодарностью молитвенно вспоминаться и имя столь любившего Академию Петра Васильевича. Особенно обновляться будет его память в нарочитые дни поминовения, когда Академия земная будет вспоминать Академию небесную, своих отошедших ко Господу деятелей и тружеников. А теперь мы, братья, начнем свои постоянные заупокойные молитвы о нем, совершим над нашим дорогим усопшим исходные надгробные песни и проводим его к месту вечного упокоения, усердно моля Господа, да учинит Он дух новопреставленного раба Своего Петра «идеже праведные упокоятся». Аминь».

По шестой песни погребального канона сказано было несколько следующих прощальных слов близким Петру Васильевичу молодым доцентом А. Г. Лушниковым:

«Дорогой Петр Васильевич!

Когда несколько дней тому назад до меня дошла печальная весть о том, что твоя двухлетняя болезнь сильно обострилась и угрожает самой твоей жизни, я решил было немедленно идти к тебе. Такое решение я принял было не потому, что думал видеть тебя в последний раз, но потому, что думал лично удостовериться в серьезности твоего положения, а вернее сказать, хотел убедиться в том, что еще не конец твоей жизни. Ведь на протяжении последних двух лет у тебя иногда бывали сильные приступы твоей болезни, но они потом проходили, и ты возвращался в свое прежнее, относительно здоровое состояние. И отчасти по причине вот этих мыслей и соображений,

я своего намерения — идти к тебе немедленно по получении тревожных сведений о тебе не исполнил, не исполнил я его еще и, главным образом, потому, что знал, что в периоды обострения твоей болезни ты предпочитаешь быть один и даже несколько тяготишься в это время своими посетителями, насколько это, конечно, было возможно твоей благородной и чуткой душе. И вот, когда разнеслась затем другая, более печальная весть о том, что тебя не стало, к моей

печали, общей у меня под впечатлением факта твоей кончины со всеми, кто тебя знал и был с тобою в тех или иных отношениях, присоединилась еще новая печаль о том, что я не воспользовался последними днями твоей жизни для того, чтобы тебя видеть и выслушать от тебя, хотя слабого физически, но сильного духовно, несколько если уже не бодрых, то бодрящих, мудрых слов о жизни. Твоя, дорогой Петр Васильевич, личность была ведь

так ценна для всех знавших тебя и так глубоко содержательна, что каждый лишний день твоей жизни и каждая минута общения с тобою не могли не сопровождаться заметными результатами для тех, кто имел счастье быть в общении с тобою и тебя знать. Я это говорю не потому, что у меня есть стремление искать оправдания твоей жизни, не потому, что смысл ее для кого-либо, для меня в частности, является неясным, и те немногие слова, какие я ска-

жу тебе, являются лишь естественною потребностью для меня, как более или менее близко тебя знавшего, и естественным выражением той печали, тех мыслей и чувств, какие по поводу факта твоей кончины волнуют меня, волнуют и всю академическую семью.

Как ты хорошо знаешь, Академия, в частности академическая корпорация, живет известными общими интересами и одушевляется известными общими всем ее членам чувствами. Предметы этих интересов и чувств могут быть сведены к двум основным понятиям: академическая наука и ее наиболее видные представители. Ты, дорогой Петр Васильевич, был, по общему мнению ученого мира, одним из видных, даже одним из виднейших представителей академической науки,

и потому вполне понятно, что подобно тому как жизнь твоя воспринималась нами с чувством глубокого удовлетворения, так твоя смерть не может не вызывать у нас самого глубокого чувства печали. Но между членами академической семьи существует не одна только чисто научная связь — связь научного предания, авторитета или руководства. Между членами академической корпорации существует еще другая, более тесная ду-

**АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА
ЗНАМЕНСКАЯ (В ДЕВИЧЕСТВЕ
СОФРОНОВИЧ).**
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
О. В. ТРОПОЛЬСКОЙ.
ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

КНИГА-ПАНОРАМА «СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ».
СОЗДАНА П. В. ЗНАМЕНСКИМ
ДЛЯ ДЕТЕЙ СЕМЬИ
ПОКРОВСКОГО

ховная связь, создаваемая особым предметом и характером академической науки. Связь эта, заключающаяся в общем всем членам академической семьи идейном мировоззрении, необыкновенно углубляет и обычные, житейские, и чисто научные отношения между ними, связывая неразрываемыми нитями разные поколения деятелей академической науки. Здесь, таким образом, в нашей школе, как бы в соответствии с тем православным мировоззрением, какое живет у нас и проповедуется и которое основывается между прочим, на предании, возникает и живет еще свое, своеобразное предание, гласящее нам о славных мужах академической науки и их жизни. И подобно то-

му как предание церковное необыкновенно важно и живоительно для церковного сознания, так это наше школьное предание живоительно и существенно важно для нашей науки. Вот почему, когда уходит от нас какой-либо видный представитель академической семьи, глубокая печаль проникает <в> сердца оставшихся живых ее членов. А на твоей личности, дорогой Петр Васильевич, этот особый характер высокого служения академической науке запечатлелся еще и с особой силой. Не говоря уже о том, что ты в течение долгого времени был виднейшим представителем академической науки, не говоря о твоей необыкновенной популярности как в среде духовно-учебной, так и в среде

светского образованного общества, ты, помимо всего этого, являешься еще историком нашей духовной школы, истолкователем ее важного идейного и исторического значения. Остановившись, в частности, в твоей истории родной Академии твоим острым историческим зрением и с такой любовью на прошлых деятелях Академии и прошлой судьбе академической науки, ты не только нас, академических людей, но и представителей светского общества научил любить и ценить должным образом духовную школу, а твоя заслуга специально пред духовной школой заключается в том, что ты своей капитальной историей Академии, как и другими трудами о духовной школе, положил

самый прочный камень нашего самосознания, если так можно выразиться, самосознания академического. Таким образом, ты же и ввел нас в понимание преемственности служения академической науке, в понимание высокого значения прежних деятелей Академии, того значения, о котором я только что говорил. Но что особенно отличает тебя от многих ушедших из жизни крупных представителей нашей школы — ты в самой твоей жизни еще воплотил высокий смысл служения академической науке и понимание этого смысла. Жизнь твоя всякому, даже не желающему размышлять и думать над ней, наглядно показывает, что ты, уча нас любить преемную Академию, сам подал пример любви к Академии не только прошлой, но и современной. Мы знаем, как живо до последних дней твоих тебя интересовала жизнь Академии: ты всегда исправно читал академические журналы, интересовался всякой подробностью нашей жизни, тебе близка была по твоему сердечному расположению к Академии жизнь студентов, почти совершенно тебе в последнее время неизвестных. Многочисленные факты твоей заботливости об Академии у всех на виду, и о них довольно сейчас лишь вспомнить. Однако едва ли не самым выразительным завершением твоего отношения к Академии, полным в то же время глубокого художественного и морального значения, является твое распоряжение о передаче твоего дома Академии. Этот факт особенно наглядно показывает, как ты мыслил свое отношение к Академии; этот факт показывает, что свои отношения к Академии ты понимал как отношения отеческие и что Академия позднейшая, сравнительно молодая, для тебя была любимым детищем, которому ты передал все, что осталось у тебя наиболее ценного. Последним твоим рас-

поряжением о передаче твоего дома Академии ты наглядно признал свою органическую нравственную связь с Академией, и, кроме того, этим твоим распоряжением ты вполне завершил свой образ академического профессора, служившего всю свою жизнь высокой идее Академии — идее духовной школы. Таковы, дорогой Петр Васильевич, причины нашей глубокой скорби под впечатлением факта твоей кончины. Эта печаль наша была бы еще резче и острее, если бы ты давно уже не создал среди нас себе бессмертия, если бы не продолжал его создавать. Последнее твое распоряжение является в этом отношении как бы педагогической мерой, делающей твой уход от нас хотя отчасти не так резким, а как бы постепенным. Ты оставил нам свой чудный профессорский уголок, где ты в течение нескольких десятилетий работал над своей наукой и где, кроме того, почти все, до мельчайших подробностей, носит печать твоего личного творчества. Нам, людям, живущим среди вещественного мира, вещественные предметы не всегда нужны как имущество, они иногда нужны нам как факты, закрепляющие в этой жизни личность уходящего от нас, как живые, выразительные памятники о лицах. Пусть же и твой дом, дорогой Петр Васильевич, в котором так ярко и наглядно и теперь еще живет твоя личность, сохраняется возможно долго в неприкосновенности, как в течение долгого времени сохранялся он в неприкосновенности при твоей жизни, и пусть он живым языком говорит нам о тебе, продолжая жить среди нас. Пусть, с другой стороны, деятели современной и будущей Академии приходят туда, чтобы в обстановке созданного тобой быта приобщиться к традициям старой Академии, чтобы вдохнуть в себя живительный воздух предания, чтобы научиться учить и целесо-

образно вести свою собственную жизнь, и пусть никогда к твоему дому не зарастает тропа тружеников академической науки, как, конечно, никогда не зарастет она к тому более вечному дому, где ты найдешь себе упокоевание, среди памятников нашего церковно-исторического прошлого, знаменитый историк Русской Церкви».

Перед прощанием с Петром Васильевичем оканчивающий Академию студент Г. Ф. Сретенский [54] от лица студентов сказал:

«Дорогой профессор!

Разрешите мне сказать еще несколько прощальных слов от лица академического студенчества...

Когда мы соображали, что бы такое написать на ленте того скромного венка, который мы возложили на твой гроб, написать то, что не было бы просто красивой фразой, то мы не нашли ничего лучше, как назвать тебя «другом учащихся»...

Нам, действительно, ты был известен только с этой стороны...

Мы не знали тебя как профессора, не слышали твоих вдумчивых, интересных лекций, а они, как говорят, были именно таковыми...

МОИСЕЙ. ФРАГМЕНТ
КАРТИНЫ П. В. ЗНАМЕНСКОГО

ИСТОРИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ
КИПРИАНА И ИУСТИНИИ
В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ.
ФОТО НАЧАЛА XX ВЕКА

Немногие из нас, а в особенности те, кому приходилось специально работать в области русской церковной истории, знали тебя как ученого, исследования которого не потеряли своей ценности и до настоящего времени.

Все же мы знали тебя именно как «друга учащихся». В твоём лице мы знали человека, сердце которого бьётся в унисон с сердцами учащейся молодежи, который радуется ее радостями и скорбит ее печалью, который всегда готов оказать всяческую моральную и материальную поддержку...

В настоящую минуту прощаясь с тобой, мы говорим тебе:

«Спи с миром, дорогой профессор, покойся тихим, безмятежным сном в надежде воскресения, и как при жизни ты был «другом учащихся», таким оставайся и там, вознося за нас молитвы пред престолом Всевышнего. А мы за тебя помолимся здесь. Помни, дорогой профессор, что благородное юношеское сердце никогда не забудет всего того доброго, хорошего, что сделал ты в продолжение своей долгой, но воистину прекрасной жизни».

Отпевание Петра Васильевича кончилось около часа дня, после чего торжественная погребальная процессия, возглавленная

преосвященным ректором Анатолием с многочисленным сонмом духовенства, при благоприятной погоде, от Академии двинулась через весь город в Спасский монастырь в Кремле, где рядом с могилой супруги Петра Васильевича приготовлена была могила и ему. Но в нее не сразу опустили останки его. Пришлось до следующего дня, 5 мая, поставить их в Киприановской монастырской церкви [55], ввиду того, что его племянница, ехавшая из Нижнего Новгорода на погребение дяди, не могла прибыть в Казань к погребению, но телеграммой выразила желание проститься с ним. На следую-

ший день, 5 мая, в пятницу, гроб с останками Петра Васильевича был вынесен в монастырский собор к заупокойной литургии, совершенной настоятелем монастыря архим. Иоасафом [56]. После литургии и панихиды в храме состоялось самое предание земле Петра Васильевича. Пред опусканием его в могилу профессор К. В. Харлампович сказал теплое последнее слово Петру Васильевичу, оставлявшему сей мир скорбей и печали. Он говорил:

«Незабвенный Петр Васильевич, из всей многочисленной академической семьи, объединяющей корпорации четырех духовных академий, двух университетов и Академии наук, к составу которых ты принадлежал как их почетный член, мне последнему пришлось видеть тебя живым и беседовать с тобой. Позволь же теперь, когда твои смертные останки готовы на веки опуститься в недра земли, позволь опять мне последнему обратиться к тебе с прощальным приветом и со словом благодарности.

Двадцать с лишним лет тому назад я еще юношей появился в Казани, в городе, мне до того времени совершенно неизвестном и чужом. Я тогда очень нуждался в нравственном сочувствии и общении с людьми, которые могли бы поддержать меня на первых шагах моего жизненного и научного пути. Такую поддержку я нашел у тебя в доме. Здесь, сколько раз ни бывал я, я встречал с твоей стороны и со стороны твоей дорогой супруги Антонины Михайловны, чей прах давно уже здесь почивает, неизменно ласковый прием, ободряющие речи и увлекательные воспоминания о жизни твоей, родной тебе Казанской академии, рассказы о Н. И. Ильминском и о ходе Казанской миссии. Не раз я шел к тебе со своим горем и с тобою первым делился своими радостями. К моим несчастьям и невздам ты или относился с оптимизмом моло-

дого идеалиста и вселял в меня надежду на лучшее будущее, или смотрел на них с точки зрения вечности, и тогда они представлялись мне такими мелкими, такими ничтожными... И к успехам моим служебным и научным ты относился хотя с сорадованием, но со спокойным, как будто давая понять, что и это все — суета в конце концов...

Не без твоего влияния я заинтересовался историей местной миссии и духовного просвещения, и ты охотно читал мои статьи в рукописном еще виде и был первым их критиком и цензором, проявляя при этом и большое знакомство с делом, и полную благожелательность. Ты мягко отмечал то, с чем не согласен, и готов был «подписаться обеими руками» под тем, что соответствовало твоему взгляду на вещи. Эти честные и частые критические замечания на мои работы, хотя никогда не появлялись в печати, сближают меня с теми учеными, о трудах которых ты имел случай печатно высказываться. Как раз ты делал отзывы о сочинениях целой группы питомцев и профессоров воспитавшей меня Петербургской духовной академии (Т. В. Барсова [57], Н. Н. Глубоковского [58], о. Василия Жмакина [59], Б. В. Титлинова [60], А. Н. Котовича [61]). Отзывы эти несли обычно авторам и суд справедливый, и массу ценных замечаний и новых точек зрения, и приемов. Для меня высшей наградой было личное знакомство с тобой и возможность беседовать с тобой, когда только мне угодно было.

Прими же, дорогой Петр Васильевич, низкий поклон от Петербургской духовной академии, коей ты был почетным членом, и мою личную благодарность за все то добро, что я получил от тебя.

В заключение еще одна, последняя просьба. Из той области, куда ты ушел и где сияет вечная истина, вдохни в меня, твоего

приемного сына по науке, ту бескорыстную любовь к исторической истине, какой горел ты сам. Пусть не только в Академии Казанской, где оставленную тобой ниву разрабатывает твой родной сын по науке и преемник твоей деятельности Иван Михайлович, но и в Казанском университете, куда тебя некогда приглашали, но куда попасть помешали тебе формальные препятствия, пусть и там над кафедрой церковной истории витают твои научная пытливость, дар проникновения в ход исторических событий и художественного воспроизведения давно минувшей жизни. Благослови нас обоих, наш общий дорогой друг, отец и учитель!»

Так оставил нас незабвенный Петр Васильевич, и так Академия и все его почитатели проводили лучшего из смертных в загробный мир, где «несть болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная». ✚

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТРЕТ П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
НАДПИСЬ НА ОБОРОТЕ:
«Жертвую Вам свою икону.
П. Знаменский. 1 марта
1915 г.». ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО
АРХИВА О. В. ТРОПОЛЬСКОЙ

ЕПИСКОП ИОАНН (СОКОЛОВ)

ПРОФЕССОР КАЗАНСКОГО
 УНИВЕРСИТЕТА
 А. П. ШАПОВ

ПРОФЕССОР КаздА
 Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ

1. Протоиерей Александр Васильевич Смирнов (1857–1933), выпускник Казанской духовной академии (1884), профессор богословия в Казанском университете (1896–1912), депутат IV Государственной думы от Казанской губернии (1912–1917), духовный писатель. В составе Временного правительства был товарищем (заместителем) обер-прокурора Святейшего Синода (1917–1918). Протоиерей Александр Смирнов является автором около 30 научных работ, некоторые из них были отмечены памятными знаками и наградами. Известен своими изданиями ряда ветхозаветных апокрифов.

2. Перемотать (устар.) — преодолевать, пересиливать (неуду).

3. Спасо-Преображенский монастырь располагался в юго-западной части Казанского Кремля. Основан в 1557 году архимандритом Варсонофием (свт. Варсонофием Казанским (Тверским)). По статусу и значимости в Казанской епархии занимал второе место после Успенского Свяяжского монастыря. В архитектурный ансамбль монастыря входил Преображенский собор (1596–1601), церковь Киприана и Иустины (1596), церковь Николы Ратного (1558), колокольня (1862). Все монастырские постройки, а также кладбище были разрушены в 1927–1930 годах.

4. Епископ Иоанн (в миру Владимир Сергеевич Соколов; 1818–1869) — выпускник Московской духовной академии (1842), архимандрит (1848), доктор богословия (1853), ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1855–1857) и Казанской духовной академии (1857–1864), епископ Смоленский и Дорогобужский (1866). Известен как выдающийся канонист и проповедник.

5. Щапов Афанасий Прокопьевич (1831–1876) — российский историк и этнограф, сторонник теории регионализации (развития самоуправления на местном уровне), один из первых представителей социоэстетического подхода в изучении истории России. Выпускник Казанской духовной академии (1857), профессор кафедры русской истории Казанского университета (1860), участвовал в качестве этнографа в экспедициях в Туруханский край (1866), в Верхоненский и Балаганский округа Иркутской губернии (1874). Исследования Щапова отличаются широтой тематики: история русского раскола, духовная жизнь русского народа, происхождение и сущность государства, русская община, положение женщины в России, отношения между человеком (обществом) и природой и др.

6. Макариевская премия — российская академическая премия имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), созданная в 1867 году по его завещанию с целью «поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользовательных занятий...». Макариевские премии присуждались с 1884 по 1917 год Святейшим Синодом за выдающиеся работы русских уче-

ных в области истории и богословия. Размер полной премии был внушительным — 1 500 рублей, неполная премия составляла 1 000 рублей, половинная — 500 рублей. С 1918 по 1996 год премия не вручалась. В настоящее время — главная премия Русской Православной Церкви в области общецерковной истории, истории Русской Церкви, российской гражданской истории, а также истории Москвы.

7. Знаменский П. В. Очерки из истории славянской мифологии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1865. № 17. С. 22–36; № 18. С. 9–32; № 19. С. 24–32; № 20. С. 9–21; 1866. № 7. С. 279–286; № 8. С. 309–321; № 13. С. 511–537; № 14. С. 561–581; № 16. С. 623–644.

8. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1866. Т. 21. № 9. С. 1–35; № 10. С. 131–169; 1867. Т. 22. № 1. С. 62–90; № 2. С. 181–221; № 3. С. 307–322.

9. В связи с революционными событиями Сборник так и не был опубликован.

10. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Казань. 1892. С. 137.

11. Богородский Яков Алексеевич (1841–1920) — библист, специалист по Ветхому Завету. Выпускник Казанской духовной академии (1868), профессор кафедры библейской истории, Ветхого и Нового Заветов (1882), автор ряда журнальных статей, брошюр и научных трудов, среди которых сочинение «Еврейские цари», удостоенное в 1885 году Макариевской премии.

12. Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — российский историк, академик (1900), почетный академик Императорской академии наук (1908), автор трудов по историографии и истории крепостного права, сословий, финансов.

13. Ильминский Николай Иванович (1822–1891) — востоковед, педагог-миссионер, библист, член-корреспондент Императорской академии наук (1870). Известен как разработчик миссионерско-просветительской системы Н. И. Ильминского и алфавита Н. И. Ильминского. Выпускник Казанской духовной академии (1846), первый преподаватель противомусульманского отделения Казанской духовной академии: вел занятия по истории Мухаммеда, мухаммеданской вере, педагогике, татарскому и арабскому языкам, экстраординарный профессор (1857), переводчик Оренбургской Пограничной комиссии (1858–1861), директор Казанской иногородческой учительской семинарии (1872).

14. Тимофеев Василий Тимофеевич (1836–1895) — миссионер, педагог, ученик и сотрудник Н. И. Ильминского, просветитель кряшен, первый священник из крещеных татар (1869), практикант татарского языка при миссионерском отделении Казанской духовной академии (1863), заведующий Центральной крещено-татарской школой (с 1864). Поньне пользуется большим уважением и почитанием среди кряшен.

15. Знаменский П. В. Иоанн Неронов // Православный собеседник. 1869. Ч. 1. С. 236–282, 325–366.

16. Знаменский П. В. Описание Седмиозерной пустыни // Православный собеседник. 1869. Ч. 3. С. 212–239, 297–319.

17. Знаменский П. В. Сергей Шелонин — один из малоизвестных писателей XVII в. // Православное обозрение. 1882. Т. 1. № 2. С. 282–314; № 4. С. 666–686.

18. Знаменский П. В. Произведения Соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Православное обозрение. 1883. Т. 1. № 4. С. 768–785.

19. Знаменский П. В. Шестоднев Афанасия, архиеп. Холмогорского // Странник. 1883. № 12. С. 565–574.

20. Знаменский П. В. Повесть о прп. Варлааме Керетском // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. 73. Кн. 1. С. 48–53.

21. Архимандрит Иннокентий (Новгородцев) (1823–1868) — ректор Казанской духовной академии. Выпускник Киевской духовной академии (1851), инспектор (1854) и ректор Казанской духовной семинарии (1855–1865), ректор Казанской духовной академии (1865–1868).

22. Архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович; 1826–1890) — духовный писатель, философ, доктор богословия. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1852), ректор Рижской (1856–1857), Саратовской (1857–1865), Полоцкой (1865–1868) духовных семинарий, ректор Казанской духовной академии (1868–1871), епископ Аксайский (1871–1876), епископ Уфимский и Мензелинский (1876–1883), епископ Херсонский и Одесский (1883), с 1886 — архиепископ.

23. Протоиерей Александр Поликарпович Владимирский (1821–1906) — ректор Казанской духовной академии (1871–1895), ординарный профессор по кафедре основного богословия (1871–1884), ординарный профессор по кафедре введения в круг богословских наук (1884–1886). Выпускник Киевской духовной академии (1846), иерей (1847). Профессор кафедры православного богословия Казанского университета (1850), декан историко-филологического факультета Казанского университета (1864–1871). Преподавал в университете также логику, психологию и философию. В 1851 году назначен настоятелем университетской Крестовоздвиженской церкви. В 1867 году возведен в сан протоиерея. С 1871 года главный редактор журналов «Православный собеседник» и «Известия по Казанской епархии». Автор трудов, посвященных доказательству подлинности описываемых в Священном Писании событий, в которых опирается на западноевропейские исследования. Ему принадлежат переводы нескольких западноевропейских работ по библистике.

24. Архиепископ Казанский и Свяязский Афанасий (в миру Андрей Григорьевич Соколов; 1801–1868) — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1825), ректор Черниговской (1830–1832), Тверской (1832–1838) и Санкт-Петербургской (1828–1842) духовных семинарий. Епископ Томский и Енисейский (1841–1853), архиепископ Иркутский и Нерчинский (1853–1856), Казанский и Свяязский (1856–1866).

25. Архиепископ Казанский и Свяязский Антоний (в миру Яков Гаврилович Амфитеатов; 1815–1879), почетный член Императорской академии наук. Выпускник Киевской духовной академии, ректор Киево-Софийского духовного училища (1840–1845), ректор Киевской духовной семинарии (1845–1851), ректор Киевской духовной академии (1851–1858), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1858), епископ Смоленский (1859–1866), архиепископ Казанский и Свяязский (1866–1879).

26. Митрополит Палладий (в миру Павел Иванович Раев, 1827–1898) — выпускник Киевской духовной академии (1852), инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1862–1864), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1864–1866), епископ Ладонский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1866–1869), епископ Вологодский и Устюжский (1869–1873), епископ Тамбовский и Шацкий (1873–1876), архиепископ Рязанский и Зарайский (1876–1882), архиепископ Казанский и Свяязский (1882–1887), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (1887–1892), митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский (1892–1898), первоприсутствующий член Святейшего Синода.

27. Архиепископ Казанский и Свяязский Павел (в миру Петр Васильевич Лебедев; 1827–1892) — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1853), инспектор Санкт-Петербургской духовной академии (1859–1861), ректор Смоленской духовной семинарии (1861–1866), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1866–1868), епископ Выборгский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1868–1869), епископ Ладонский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1869–1871), архиепископ Кишиневский и Хотинский (1871–1882), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (1882–1887), архиепископ Казанский и Свяязский (1887–1892).

28. Архиепископ Казанский и Свяязский Владимир (в миру Иван Петрович Петров; 1828–1897) — духовный писатель, миссионер. Выпускник Киевской духовной академии (1853), инспектор Иркутской духовной семинарии (1857), инспектор Томской духовной семинарии (1857–1861), инспектор и экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1861–1865), начальник Алтайской Миссии (1865–1880), епископ Бийский, викарий Томской епархии (1880–1883), епископ Томский и Семипалатинский (1883–1886), епископ Ставропольский и Екатеринбургский (1886–1889), епископ Нижегородский и Арзамасский (1889–1892), архиепископ Казанский и Свяязский (1892–1897).

29. Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936) — один из наиболее ярких богословов и иерархов Русской Церкви конца XIX — начала XX века. По окончании Санкт-Петербургской духовной академии (1885) был преподавателем Холмской духовной семинарии (1886), доцентом (1887) и инспектором (1889) Санкт-Петербургской духовной академии. Ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1900). В том же году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Московской духовной академии. Ректор Казанской духовной академии (1895–1900). Епископ Чебоксарский (1897), епископ Чистопольский (1899), викарий Казанской епархии. Епископ Уфимский и Мензелинский (1900–1902), архиепископ Волынский и Житомирский (1902–1914), возведен в сан архиепископа (1906), член Святейшего Синода (1912), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1914–1917), возведен в сан митрополита (1917), митрополит Киевский и Галицкий (1918) — сохранял этот титул до самой смерти в эмиграции. В зарубежье явился одним из основателей и первым председателем Архиерейского синода Русской Православной Церкви Заграницей (1921).

30. Архиепископ Алексей (в миру Алексей Васильевич Молчанов; 1853–1914) — духовный писатель, проповедник, автор статей по богословским вопросам. Выпускник Казанской духовной семинарии (1887), ректор Казанской духовной семинарии (1899), ректор Казанской духовной академии (1900–1905), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (1900), епископ Таврический и Симферопольский (1905–1910), епископ Псковский и Порховский (1910–1912), епископ Тобольский и Сибирский (1912–1913), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (1913–1914).

31. Архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей (в миру Анемподист Яковлевич Дороницын; 1859–1919) — духовный писатель и богослов. Выпускник Московской духовной академии (1885), ректор Литовской духовной семинарии (1903–1904), епископ Сумский, викарий Харьковской епархии (1904–1905), епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии (1905), епископ Чистопольский, первый викарий Казанской епархии, ректор Казанской духовной академии (1905–1912), епископ Саратовский и Царицынский (1912–1914), архиепископ Владимирский и Суздальский (1914–1917).

32. Епископ Ямбургский Анастасий, викарий Санкт-Петербургской епархии (в миру Александр Иванович Александров; 1861–1918) — ученый-славист. Выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1883), приват-доцент кафедры сравнительного языковедения Дерптского университета (1886), приват-доцент кафедры сравнительного языковедения и санскрита

Харьковского университета (1886–1888), экстраординарный профессор кафедры сравнительного языковедения и санскрита Казанского университета (1888–1889), профессор кафедры славянской филологии Казанского университета (1889–1911), профессор Казанской духовной академии по кафедре истории славянских и Румынской церквей (1910–1911). Пострижен в монашество (1910), инспектор Казанской духовной академии (1910–1912), профессор Казанской духовной академии по кафедре церковнославянского и русского языков и палеографии (1911–1913), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (1912–1913), епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1913–1918), последний ректор Санкт-Петербургской духовной академии до ее закрытия (1913–1918), автор научных трудов по славистике, сравнительному языковедению, русской диалектологии, церковнославянскому и литовскому языкам, психологии и физиологии речи, истории Черногории. Знатоk многих славянских языков и санскрита.

33. Священномученик Анатолий, митрополит Одесский и Херсонский (в миру Андрей Григорьевич Грисюк; 1880–1938) — историк церкви. Выпускник Киевской духовной академии (1904), инспектор и профессор Московской духовной академии (1912–1913), ректор Казанской духовной академии (1913–1921), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (1913–1922), епископ (с 1923 — архиепископ) Самарский и Ставропольский (1922–1928), архиепископ (с 1932 — митрополит) Одесский и Херсонский (1928–1936). Арестован в 1937 году, скончался в 1938 году в Кытловской сельхозколонии Республики Коми. Причислен к лику новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

34. Архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений (в миру Александр Дмитриевич Брянцев; 1839–1914) — выпускник Киевской духовной академии (1868), епископ Ладонский, викарий Санкт-Петербургской митрополии (1882–1887), ректор и профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1883), епископ (с 1893 — архиепископ) Рижский и Митавский (1887–1897), архиепископ Казанский и Свяязский (1897–1903), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1903–1914).

35. Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (в миру Михаил Георгиевич Ковальницкий; 1839–1913) — профессор Киевской духовной академии, духовный писатель и церковно-общественный деятель. Выпускник Киевской духовной академии (1867), профессор кафедры древней и новой общей церковной истории (1878), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии и ректор Киевской духовной академии (1898–1902), епископ Тамбовский и Шацкий (1902), архиепископ Казанский и Свяязский (1903–1905), архиепископ Одесский и Херсонский (1905–1913).

ПРОФЕССОР КазДА
 Я. А. БОГОРОДСКИЙ

ЕПИСКОП
 АНАТОЛИЙ (ГРИСЮК),
 ПОСЛЕДНИЙ РЕКТОР КазДА

**ПРОФЕССОР КАЗДА
 М. И. БОГОСЛОВСКИЙ**

36. Архиепископ Казанский и Свяяжский Димитрий (в миру Димитрий Иванович Самбикин; 1839–1908) — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1865), ректор Тамбовской духовной семинарии (1872–1881), ректор Воронежской духовной семинарии (1881–1886), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1886), епископ Балтский, викарий Подольской епархии (1887–1890), епископ Подольский и Брацлавский (1890–1896), епископ (с 1898 — архиепископ) Тверской и Кашинский (1896–1905), архиепископ Казанский и Свяяжский (1905–1908). Опубликовал множество научных трудов, в том числе по Догматическому богословию и Священному Писанию Нового Завета. Главный труд архиепископа Димитрия (Самбикина) — «Месяцеслов русских святых, всюю Русскою Церковию или местно чтимых» (1878–1907).

37. Архиепископ Казанский и Свяяжский Никанор (в миру Никифор Тимофеевич Каменский; 1847–1910) — богослов, археолог. Выпускник Казанской духовной академии (1874), законоучитель Казанской учительской семинарии (1874–1879), протоиерей (1879), ректор Казанской духовной семинарии (1879–1891), пострижен в монашество (1889), архимандрит, епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии (1891–1893), епископ Архангельский и Холмогорский (1893–1896), Смоленский и Дорогобужский (1896–1899), Орловский и Севский (1899–1902), Екатеринбургский и Ирбитский (1902), Гродненский и Брестский (1903–1905), архиепископ Варшавский и Привисленский (1905–1908), архиепископ Казанский и Свяяжский (1908–1910). Покровитель церковно-исторического и археологического направления в богословской науке и церковно-общественной деятельности. Основатель церковно-археологических комитетов в Смоленске и Гродно и церковно-исторических музеев в Орле и Варшаве.

38. Митрополит Томский Иаков (в миру Иван Алексеевич Пятницкий; 1844–1922) — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1870), архимандрит, ректор Вифанской духовной семинарии (1886–1891), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1891–1892), епископ Уманский, викарий Киевской епархии (1892), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1893–1898), епископ Кишиневский и Хотинский (1898–1904), архиепископ Ярославский и Ростовский (1904–1907), Симбирский и Сызранский (1907–1910), архиепископ (с 1917 года — митрополит) Казанский и Свяяжский (1910–1920), митрополит Томский (1920–1921). В 1922 году в Томске скончался вскоре после перенесенной тяжелой операции.

39. Богословский Михаил Иванович (1844–1915) — доктор богословия, профессор Казанской духовной академии. Выпускник Казанской духовной академии (1870), доцент (1871), экстраординарный (1886) и ординарный (1895) профессор по кафедре Священного

Писания Нового Завета, доктор богословия (1895), преподаватель немецкого языка (1884–1896). Под руководством П. А. Юнгера принимал активное участие в переводе Ветхого Завета на русский язык с LXX. Следуя традиции православной новозаветной исагогики и экзегезы, критиковал рационалистические воззрения на евангельскую историю, в частности взгляды Л. Н. Толстого и представителя новой (тюбингенской) школы богословия Адольфа Гарнака. Автор многочисленных статей, посвященных в основном хронологически последовательному изучению жизни Иисуса Христа и толкованию сложных мест новозаветных текстов, апостольских посланий, среди них: «Пролог Евангелия св. ап. Иоанна» // Православный собеседник, 1878 Т. 1. С. 400–433; «Пролог св. Евангелиста Луки» // Православный собеседник, 1879. Т. 1. С. 3–34.; «О двух гносеологиях Иисуса Христа» // Православный собеседник, 1880. Т. 1. С. 29–75. и др.

40. Знаменский П. В. Богословская полемика 1860-х гг. об отношении православия к современной жизни // Православный собеседник. 1902. Ч. 1. С. 554–561, 640–654, 780–792; Ч. 2. С. 325–352, 479–499, 639–657.

41. Харлампович Константин Васильевич (1870–1932) — российский и советский историк Церкви, историк просвещения, богослов. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1894), преподаватель латинского языка Казанской духовной семинарии (1895–1914), профессор Казанского университета по кафедре истории Русской Церкви (1909), Лауреат Уваровской премии (1900), член-корреспондент Императорской академии наук (1916), академик Украинской академии наук (1919–1928). Автор многочисленных трудов, среди которых: «История западно-русского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека ее существования». Вильно, 1897; «Острожская православная школа. Историко-критический очерк». Киев, 1897; «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв.» 1898; «О христианском просвещении инородцев». Казань, 1904; «Казанские новокрещенские школы», Казань, 1905.

42. Нечаев Александр Андреевич (1879–1917) — выпускник Казанской духовной академии (1903), преподаватель Пермской (1903) и Тамбовской духовных семинарий (1904–1911), секретарь Совета и Правления Казанской духовной академии (1911–1916). Дядя митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева) (1926–2003), председателя Издательского отдела Московского Патриархата (1963–1994).

43. Лушников Алексей Георгиевич (1886–?) — выпускник Казанской духовной академии (1911), доцент кафедры истории русской литературы.

44. Покровский Иван Михайлович (1865–1941) — доктор церковной истории, ординарный профессор Казанской духовной академии. Выпускник Казанской духовной академии (1895), магистр богословия (1896),

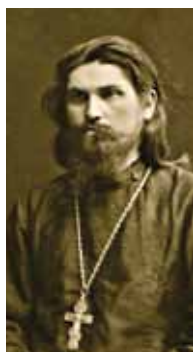
доцент (1896), экстраординарный (1908) и ординарный профессор (1909) кафедры истории Русской Церкви, доктор церковной истории (1907), член Предсоборного Совета и член Поместного собора 1917–1918 гг. от Казанской епархии. Член и председатель комиссии по охране архивных фондов и музейных памятников Казани и Казанской губернии, а также заведующий историко-культурной и бытовой секцией Казанского губернского архива, заведующий объединенной библиотекой Татарского ЦИКа, Совнаркома и Госплана (с 1919). В 1932 году осужден и послан в Казахстан сроком на 3 года. Скончался 19 апреля 1941 года. Посмертно реабилитирован Постановлением Верховного суда ТАССР (1964).

Является автором более 40 научных работ, среди которых: «Русские епархии в XVI–XIX в.в., их открытие, состав и пределы» (в 2 томах): Т. 1. 1897; Т. 2. 1913; «Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 году», 1907; «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года», 1907; «К истории казанских монастырей до 1764 года», 1902; «Историко-статистическое описание церкви и приходов Казанской епархии» 1904, вып. II; 1916, вып. III.

45. Протоиерей Константин Михайлович Соловьев (1877–1953) — выпускник Казанской духовной академии (1917), клирик Свято-Троицкого кафедрального собора Саратова (1917–1935), в 1935 году арестован, находился в ссылке до 1953 года. С 1953 года — духовник Саратовской духовной семинарии. Скончался 17 апреля 1953 года. Похоронен на Воскресенском кладбище Саратова.

46. Архиепископ Суздальский Гурий, викарий Владимирской епархии (в миру Алексей Иванович Степанов; 1880–1937). Духовный писатель, лингвист-монголовед. Выпускник Казанской духовной академии (1906), инспектор Казанской духовной академии (1912–1919), доктор церковной истории (1916), участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, епископ Алатырский, викарий Симбирской епархии (1920–1924), архиепископ Иркутский (1924), Костромской (назначения не принял), Суздальский (1930), расстрелян в Горьком (1937). Архиерейским Собором РПЦЗ канонизирован как священномученик и включен в Собор новомучеников и исповедников Российских (1981).

47. Снегирев Вениамин Алексеевич (1841–1889) — философ, логик и психолог, профессор Казанской духовной академии. Выпускник Казанской духовной академии (1868), экстраординарный профессор Казанской академии (с 1872). Преподавал логику и психологию в Казанской академии и Казанском университете (1877–1886). Автор многочисленных трудов, среди которых: «Спиритизм как философско-религиозная доктрина». Казань, 1871; «Вера в сны и сновидения». Казань, 1874; «Психология и логика как философские науки» // Православный собеседник. 1876. II;

**СТУДЕНТ КАЗДА
 СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН
 СОЛОВЬЕВ, ДУХОВНИК
 П. В. ЗНАМЕНСКОГО**

**АРХИЕПИСКОП
 КАЗАНСКИЙ И СВЯЯЖСКИЙ
 ИАКОВ (ПЯТНИЦКИЙ)**

«Науки о человеке» // Православный собеседник. 1876. III; «Метафизика и философия» // Вера и разум. 1890. Т. 2. Ч. 1; 1892. Т. 2. Ч. 1; «Логика. Систематический курс чтения по логике». Харьков, 1901 и др.

48. Волков Андрей Кононович (1844–1902) — профессор Казанской духовной академии по кафедре философских наук. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1867), преподаватель по кафедре истории философии Казанской духовной академии (1867). С 1893 года — профессор. Главные труды: «Очерк современной пессимистической философии» // Православный собеседник, 1876, III; «Философия Ренана» // Православный собеседник, 1877, I; «Три опыта о религии Милля» // Православный собеседник, 1879, I, II и III; «Сочинения против пессимизма» // Православный собеседник, 1880, III.

49. Смирнов Аполлон Иванович (1838–1902) — профессор Казанского университета, философ. Выпускник Казанского университета (1870), доцент (1873) и профессор (1881) кафедры философии Казанского университета, декан историко-филологического факультета (1897).

50. Протоиерей Николай Васильевич Петров (1874–1956) — профессор Казанской духовной академии. Выпускник Казанской духовной академии (1898), доцент (1900), профессор по кафедрам истории философии и Священного Писания Нового Завета, настоятель храма мученицы царицы Александры при Родионовском институте благородных девиц (1908), Крестовоздвиженской церкви при Казанском Императорском университете (1912), храма великомученицы Варвары на Арском поле (1918–1930), профессор богословия Казанского университета (до 1919), профессор истории религий в Казанском педагогическом институте (до 1920).

В 1930 году арестован по обвинению в членстве в «контрреволюционной организации филиала «Истинно-Православной Церкви» в г. Казани» и приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. С 1943 года служил в Благовещенском соборе Муроме. Скончался 11 мая 1956 года в Муроме, став последним по времени кончины профессором дореволюционной Казанской духовной академии.

51. Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Борис (в миру Владимир Павлович Шипулин, 1876–1938) — выпускник Московской духовной академии (1900), инспектор Курской и Псковской духовных семинарий (1902–1905), настоятель церкви Двенадцати Апостолов в Московском Кремле (1905), настоятель Новоспасского монастыря (1906), ректор Московской духовной семинарии (1909), епископ Винницкий, второй викарий Подольской епархии (1912), епископ Балтский (1914), епископ Чебоксарский, второй викарий Казанской епархии (1915–1918), участник Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, епископ Киренский, викарий Иркутской епархии (1918), епископ Уфимский (1921–1922), архиепископ Тульский (1927–1934), архиепископ Тобольский (1934),

архиепископ Томский (1935), архиепископ Олонецкий (1936), архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский (1936). Арестован и расстрелян в 1938 году в Ташкенте.

52. Протоиерей Евфимий Александрович Малов (1835–1918) — тюрколог-миссионер, писатель, заслуженный профессор Казанской духовной академии. Выпускник Казанской духовной академии (1862), профессор по кафедре противомусульманских миссионерских предметов (с 1868), заведующий кафедрой древнееврейского языка и библейской археологии (1870–1884), профессор на противомусульманском отделении по кафедре татарского языка, этнографии тюркских народов и распространения христианства в Азии, где преподавал татарский язык, этнографию тюркских и финно-угорских народов (1884–1912), священник Богоявленской церкви Казани с сохранением должности профессора, с 1880 года — протоиерей, с 1886 года — настоятель кафедрального Благовещенского собора, редактор журнала «Известия по Казанской епархии» (1883–1895). Умер 25 февраля 1918 года в Казани, похоронен на Арском кладбище.

53. Протоиерей Николай Петрович Виноградов (1852–1928) — профессор Казанской духовной академии. Воспитанник Казанской духовной академии (1880), инспектор Казанской духовной академии (1894), заслуженный профессор по кафедре латинского языка и словесности (1908), настоятель церкви Казанско-Богородицкого девичьего монастыря (с 1915), состоял в числе преподавателей учрежденного в ноябре 1921 года богословского института в Казани, просуществовавшего до 1923 года. Его сочинение «Догматическое учение св. Григория Богослова» представляет собой наиболее полное и обстоятельное изложение богословия святителя Григория в русской церковной науке.

54. Сретенский Геннадий Флегонтович (1892–?) — выпускник Казанской духовной семинарии (1913) и Казанской духовной академии (1917).

55. Имеется в виду церковь Киприана и Иустины, построенная в 1595 году. Разрушена в 1932 году.

56. Священномученик Иоасаф (Удалов), епископ Чистопольский. Окончил Уфимскую духовную семинарию (1906), Казанскую духовную академию (1910). Преподаватель Житомирского духовного училища (1910), помощник инспектора Казанской духовной академии (1911). С 1912 года — настоятель Спасо-Преображенского монастыря, архимандрит (1915), епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии (1920), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (1922). Был ближайшим помощником священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) в управлении Казанской епархией и активным противником обновленческого движения. С 1923 по 1936 год неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В ноябре 1937 года арестован по обвинению в орга-

низации контрреволюционного церковного подполья. Расстрелян 2 декабря 1937 года. В 1981 году канонизирован Архиерейским синодом РПЦЗ. В 2008 году Священным Синодом Русской Православной Церкви включен в Собор новомучеников и Исповедников Российских XX века.

57. Барсов Тимофей Васильевич (1836–1904) — профессор канонического права. Выпускник Смоленской духовной семинарии (1859) и Санкт-Петербургской духовной академии (1863), профессор кафедры церковного законовещения Санкт-Петербургской духовной академии (1889).

58. Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — профессор, доктор богословия, библист, патолог, историк Церкви. Выпускник Московской духовной академии (1889), профессор кафедры Священного Писания Нового Завета Санкт-Петербургской духовной академии (1894), редактор и цензор «Православной богословской энциклопедии» (1904–1911), член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности (1909), постоянный член Училищного Совета при Святейшем Синоде (1911), читал курс богословия в Белградском университете (1922–1923), член-корреспондент Болгарской академии наук, почетный член Библейского общества в Лондоне. Главным предметом его изучения была жизнь и деятельность апостола Павла.

59. Протоиерей Василий Иванович Жмакин (1853–1907) — писатель, историк, богослов. Член Учебного комитета при Святейшем Синоде. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1879), священник церкви Николаевского кадетского корпуса (1884), редактор Синодального журнала «Церковные ведомости» (1906).

60. Титлинов Борис Васильевич (1879–1944) — церковный историк, деятель обновленческого движения, член Императорского Православного Палестинского Общества. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1903), доцент по кафедре истории Русской церкви Санкт-Петербургской духовной академии (1908–1912), доктор церковной истории (1916), главный редактор «Всероссийского церковно-общественного вестника» (1917), профессор (1924), проректор и ректор (1926–1929) обновленческого Высшего богословского института в Ленинграде.

61. Котович Алексей Никанорович (1879–?) историк Церкви. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1904). За основанный на архивном материале труд «Духовная цензура в России 1799–1855 гг.» (СПб., 1909) Санкт-Петербургская духовная академия удостоила его степени магистра богословия, но Святейший Синод, ввиду отзыва епископа Феофана, что сочинение Котовича по своим основным взглядам на духовную цензуру и опубликованным в нем фактам не соответствует иерархическим интересам, отменил постановление академии.

**СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА КазДА
А. А. НЕЧАЕВ**

**ПРОФЕССОР КазДА
ПРОТОИЕРЕЙ
НИКОЛАЙ ПЕТРОВ**

**СТУДЕНТ КазДА
Г. Ф. СРЕТЕНСКИЙ**

Загадка СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

*Corpus Areopagiticum как богословская система,
с точки зрения А. Ф. Лосева*

Священник Сергей Шкуро,
заведующий кафедрой богословия и философии КазПДС

Одним из самых известных и значимых по силе своего воздействия, но при этом и самых загадочных образцов православного святоотеческого наследия с уверенностью можно признать так называемый *Ареопагитский корпус* (*Corpus Areopagiticum*, *Ареопагитики*), долгое время считавшийся творением ученика ап. Павла свт. Дионисия Ареопагита. Еще в конце XIX века ученые выяснили, что, вопреки Преданию и свидетельству жития, этот корпус текстов был создан вовсе не в апостольские времена, а лишь на рубеже V–VI веков по Р. Х., и по этой причине его анонимного создателя принято именовать *Псевдо-Дионисием Ареопагитом* (хотя сохраняется с долей условности и традиционное бесприставочное именование).

Как бы то ни было, Ареопагитики оказали колоссальное влия-

ние на всю последующую христианскую мысль, и их широкая популярность в христианском мире — как на Западе, так и на Востоке — объясняется отнюдь не только мнимым апо-

стольским авторитетом автора, но в гораздо большей степени непреходящей важностью, глубиной и упорядоченностью изложенного в них учения. Формально Ареопагитский корпус — это собрание из 14 посланий разного объема, но, в отличие от многих раннепатристических текстов, разъясняющих лишь отдельные богословские аспекты, *Corpus Areopagiticum* представляет в этих посланиях довольно цельную *систему воззрений*, которая имела в свое время исключительное значение для развития всего христианского богословия и религиозной философии. Именно эта логическая стройность, упорядоченность идей вкуче с широтой охвата затронутых в Корпусе проблем дала возможность исследователям ввести термин *ареопагитизм*, под которым понимается целостное философско-богословское учение, основанное на Ареопагитиках.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ
ЛОСЕВ

В течение столетий *Corpus Aegoragiticum* привлекал внимание виднейших богословов и философов — Максима Исповедника, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Григория Паламы, Майстера Экхарта, Николая Кузанского и многих других. Уже в XX веке одним из самых вдумчивых читателей и переводчиков Корпуса стал Алексей Федорович Лосев — выдающийся русский религиозный мыслитель, блестящий знаток классической филологии и философии, истинный ученый-энциклопедист с широчайшим кругозором.

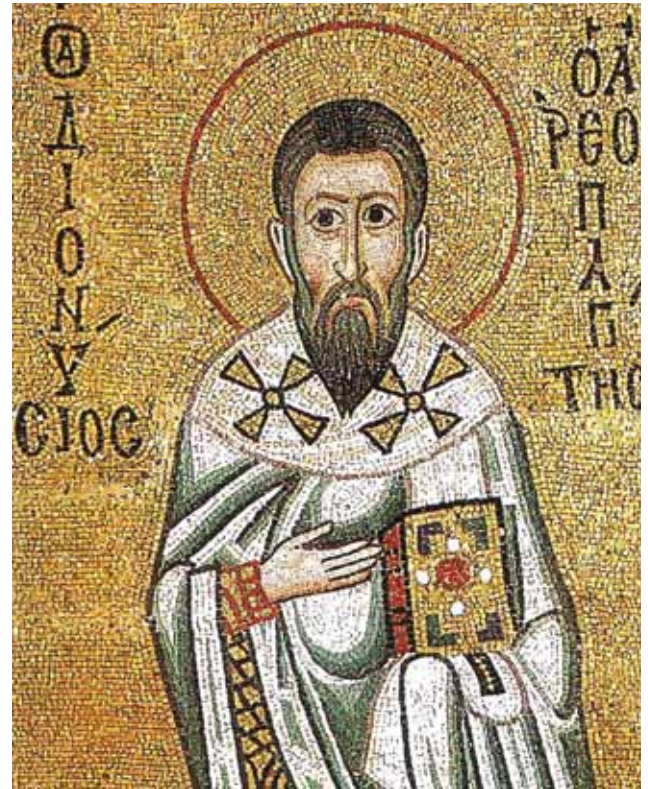
Алексей Федорович, отлично владевший древними классическими языками, постоянно стремился приблизить доступное ему великое наследие ушедших эпох к современному читателю, вписать свои собственные научные поиски в единый поток мировой религиозно-философской мысли, наиболее живительной струей в котором он всегда считал греческий платонизм. Лосевская философия многогранна, она выросла из сложных теоретических и духовных поисков раннего Лосева и размышлений его современников — А. Бергсона, Э. Кассирера, В. С. Соловьева, священника П. А. Флоренского и др. Однако действительно цельной и значительной философия Лосева стала, впитав в себя древние восточно-христианские интуиции.

Наследие Дионисия Ареопагита постоянно находилось в центре внимания великого русского философа, потому что оно было созвучно его собственным исканиям. Важнейшей целью научной деятельности Лосева следует считать построение имяславской философской системы — так называемой *абсолютной мифологии*, которая дала ему возможность воссоздать в терминах философии четкую христианскую картину мира, вписав в нее Откровение и богословские догматы. Именно это, как нам представ-

ляется, можно сказать и об авторе Ареопагитик, ведь, помимо серьезных богословских рассуждений, Корпус содержит единую стройную философскую систему. На заре христианского богословия это слияние религиозных представлений и системы философских категорий было чрезвычайно передовым шагом, сохраняющим свою значимость и по сей день. Да и само по себе применение диалектического метода философствования роднит лосевскую концепцию с учением Дионисия Ареопагита, ведь, по мнению Лосева, «диалектическая система... положена в основу мистической философии Ареопагитик» [1, с. 121]. При помощи диалектики Лосев вписывает чины «небесной иерархии», видимый природный мир и человечество в стройные триады абсолютной мифологии, следуя в этом за неоплатонической логикой Ареопагитик.

Итак, философская система Ареопагитик создавалась не на пустом месте, а на прочном фундаменте *античного платонизма и неоплатонизма*, занимавшего центральные позиции во всех научных изысканиях и самого Лосева (еще Зеньковский в своей «Истории русской философии» отмечал: «Диалектический метод Лосева более сближает его с Платоном, чем с Гегелем, — с тем, однако, своеобразным отличием, что платонизм Лосева осложнен всей той проблематикой, которая выросла из христианской рецепции платонизма» [2, с. 142]). Будучи носителем христианской разновидности высокоразвитого неоплатонизма, Ареопагитский корпус имел надежный позднеантичный философский каркас, заполненный обновленным религиозным содержанием, что вкупе не могло не вызвать самого одобрительного отношения к этому греко-византийскому памятнику со стороны Лосева.

Лосев характеризует Ареопагитики как произведение «хри-

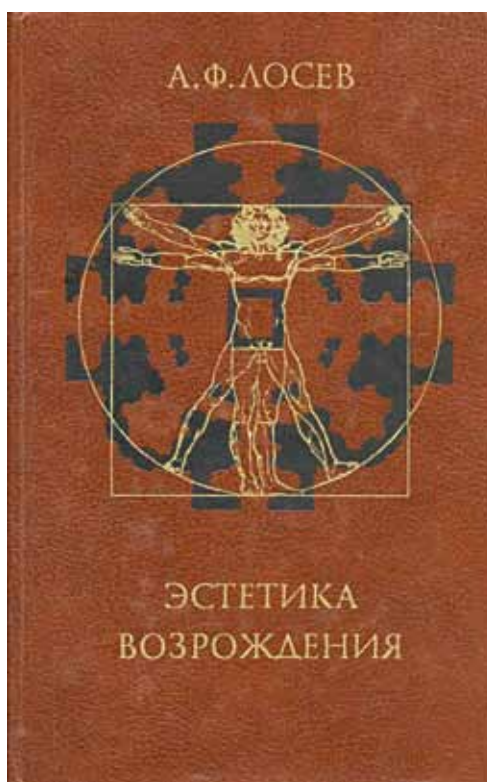
стианского строго ортодоксального неоплатонизма, в его наиболее нетронутой и чистейшей... византийской форме» [1, с. 121] и подчеркивает, что в основе мистической философии Дионисия Ареопагита положена *диалектически продуманная система*, выгодно отличающаяся от морализма ранней патристики (связанной со стоицизмом) и логически нечетких натуралистических учений о Боже-стве (приводивших к ереси арианства). Именно христианский неоплатонизм Ареопагитик, по мнению Лосева, является образцом строго диалектических рассуждений (с применением антиномий и синтезов), наполненных богословской мистикой и позволяющих развить платоновское учение об идеях в символическое «учение о самосознующем мировом Уме», о Первоедином (и, таким образом, вписать платонизм в монотеистическую картину мира).

СВ. ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ.
 МОЗАИКА МОНАСТЫРЯ
 СВ. ЛУКИ (ГРЕЦИЯ)

Следовательно, главными характеристиками ареопагитизма как системы нужно признать *мистическое богословие* в качестве смыслового компонента и *неоплатоническую диалектику* в качестве философской основы, формы представления богословского содержания. Иначе говоря, отличительные черты Ареопагитик, по Лосеву, совпадают с базовыми характеристиками имяславской доктрины: это «строжайше выводимая система категорий», соединенная «с непосредственной мистикой молитвы» [3, с. 16]. Не случайно в программной статье «Имяславие» Лосев пишет, что это догматическое учение «в некотором отношении следует *имяславию* Дионисия Ареопагита и учению об *умопостигаемом свете* у Дионисия Ареопагита [здесь и далее выделено нами. — С. Ш.], Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и исихастов XIV в.» [3, с. 15]. Характерно, что ареопагитизм назван здесь *имяславием*, хотя он возник задолго до зарождения собственно имяславского движения (конец XIX — начало XX века). Это свидетельствует о четко осознаваемой Лосевым преемственности между учением Ареопагита и *ономатодоксией* (греческое название имяславия).

Какие же фундаментальные принципы характеризуют, с точки зрения А. Ф. Лосева, ареопагитизм как философско-богословскую систему? В статье «Историческое значение Ареопагитик» ученый выделяет три главные особенности этих богословских сочинений: *апофатизм*, *катафатизм* и *символизм*. Они представляются нам ключевыми для адекватного понимания места, которое занимает Corpus Ареопагитicum в философской системе и самого Лосева. В Ареопагитиках сосуществуют отрицательное (*апофатизм*) и положительное (*катафатизм*) уче-

ния о Богопознании. Это можно назвать основополагающей антиномией диалектики христианского неоплатонизма, в котором, с одной стороны, утверждает-ся принципиальная непознаваемость, непостижимость Божественной Сущности, а с другой — допускается некая возможность приблизиться к пониманию этой Первосущности. При этом кажущееся противоречие разрешается

мистико-символически: именно толкование символов и приобщение к передаваемой через них энергии Сущности позволяет человеку хотя бы отдаленно, в общих чертах осмыслить непознаваемую суть Божественной природы. Исходя из этого, Лосев пишет об онтологической необходимости символизма, имеющей непосредственное отношение и к обоснованию принципов имяславия.

С философско-богословской точки зрения «имяславие» Ареопагита базируется на важнейшей идее — *различении Сущности и энергии*. Именно поэтому

Лосев, отыскивая истоки имяславия в паламизме и понятии Фаворского Света, столь неутомимо обращается и к раннепатристическому источнику — Ареопагитскому корпусу. В неизданной работе 1925 года «О сущности и энергии (имени)» Лосев цитирует целые пассажи из Ареопагитик, иллюстрируя Дионисиево понимание сущности Бога: это «сверх-сущая сущность, та бездна света, которая уже мрак... это радикальнейшее отрицание всех свойств, включая и бытие, *абсолютный апофатизм*» [4, с. 85]. У Дионисия же он находит и второй элемент антиномии — понятие энергии, которую сам Лосев вслед за Ареопагитом толкует как «лучи мрака», «свет существа Божия», открывающийся лишь тому, кто способен освободиться, отрешиться от всего видимого и постижимого и тем самым стать причастным высшему «просветленному мраку». Этот свет как *пресветлый мрак* — прямая цитата из «Мистического богословия», квинтэссенция и образное выражение апофатизма.

В Ареопагитиках Лосев-имяславец находит начала оно-матодоксии, которая понимается им как «абсолютный символизм, то есть учение, согласно которому сама по себе непостижимая Божественная сущность является и открывается в определенных ликах» [3, с. 14, 15]. Дионисий Ареопагит, опираясь на указанные принципы апофатизма, катафатизма и символизма, воссоздает в своих творениях «картину бытия» (термин А. Ф. Лосева), или, иначе говоря, развивает «имяславскую» *онтологию* — учение о бытийственных основах мироздания, об истоках бытия («неведомая, несообщимая бездна Божественного Света») и о появлении инобытия (тварного мира) путем истечения (эманации) энергий перво-Света. Следовательно, в применении к этой системе можно говорить

«ЭСТЕТИКА ВОЗРОЖДЕНИЯ». КНИГА А. Ф. ЛОСЕВА, ВЫШЕДШАЯ В 1978 ГОДУ В МОСКОВСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МЫСЛЬ»

также о принципе *энергетизма* (или *ономатизма*), который объединяет в себе понятия *Божественной энергии* и *Имени Божия*.

Ономатический акцент в философии самого Лосева особенно ярок, имя у него тождественно энергии Сущности. Абсолютно в духе богословского символизма, идеи которого очерчены в трактатах Дионисия, Лосев понимает и саму категорию имени, утверждая, что «имя есть символ... синтезис непознаваемости как тезиса и познаваемости как антитезиса» [5, с. 400]. В этом определении диалектически объединены гносеологические концепции двух важнейших сочинений Дионисия: апофатизм трактата «О мистическом богословии» и развернутый в именах символический богословский катафатизм трактата «О божественных именах».

У Дионисия тоже встречаются неясные представления о силе и действенности Божиих имен, но напрямую он не отождествляет имя и энергию, зато рассуждения об истечении Божественных энергий как принципе творения составляют самую суть его учения. Сущность Божия непостижима и недостижима (трансцендентна), но именно благодаря энергетическому мостику между Богом и миром возможно общение между Творцом и творением, благодатное энергетическое приобщение к Богу — обожение. Иерархическая модель мироздания, воплощенная в Ареопагитиках, есть не что иное, как разработка данного онтологического принципа, переданная через символику света. Лосев формулирует это следующим образом: «*Все бытие есть разная степень света, начиная с абсолютной полноты в центре и кончая темной материей, уводящей на периферии в бездну небытия и мрака*» [1, с. 132]. Именно поэтому он дает учению Ареопагита такие характеристики, как «абсолютный онтологизм и транс-

цендентизм», «напряженнейший символический опыт».

Любопытно отметить, что, говоря о трансцендентности абсолюта в диалектике Дионисия, Лосев четко противопоставляет учения Ареопагита и Прокла. При этом он имеет в виду не только формальный критерий — *принадлежность к язычеству/христианству*, но и (что важнее) внутреннюю, сущностную особенность этих философских систем: учение язычника-неоплатоника Прокла математически абстрактно, *безлично*, в то время как учение христианина-неоплатоника Дионисия *насквозь персоналистично, лично*. В своих характеристиках Лосев категоричен: «Как бы ни был близок Ареопагит к Проклу, но Прокл — это старая, престарелая философская мысль, а Ареопагит — это очень молодая, сильная и смелая мысль, которая еще не знает искушения абстрактных методов и которая как бы играет своими юными интуициями и сама забывает себя в музыке неожиданных откровений» [6, с. 487]. То же противопоставление в несколько расширенном виде находим и в лосевской «Истории эстетических учений», где на разных полюсах оказываются «холодное электричество прокло-гегелевских диалектических утончений» и «страстные видения ареопагито-шеллинговской мифологии» [7, с. 332].

В работе «Эстетика Возрождения» (вышла в 1978 году) Лосев касается важнейших для эпохи Возрождения вопросов религиозной *антропологии* и пытается «одним словом характеризовать подлинный философско-эстетический смысл Ареопагитик, учитывая как их учение о высотах мистического восхождения, так и их учение о широте общежизненного подхода человека к своей основной проблеме» [8, с. 30]. Лосев находит у Дионисия обычное не замечаемое исследовате-

лями антропологическое начало — «человеческую активность», «человеческое переживание», «жгучее внимание к психологии человеческого субъекта, экзистенциально и в то же время максимально духовно восходящего к Единому» [8, с. 30].

Такой антропологический акцент тоже напрямую связан с имяславской проблематикой, точнее, с исихастской практикой молитвенного делания, творения Иисусовой молитвы, с сотериологическим представлением об обожении — благодатном приобщении человека к Божеству. Не случайно Лосев замечает, что Ареопагитики — это «зрелая и продуманная до конца неоплатоническая концепция, открывающая разные пути спасения» [8, с. 32]. Исихастский путь описан Лосевым в ареопагитических терминах: «Желавшие погрузиться в этот *сверхумный экстаз* божественного «океа-

ЛОСЕВ-ГИМНАЗИСТ

А. Ф. ЛОСЕВ
В КАБИНЕТЕ

на» света могли вполне уходить от мирской жизни, становиться отшельниками и предаваться *безмолвному восхождению ума к изначальному свету*» [8, с. 31].

В этой работе Алексей Федорович снова выделяет те черты ареопагитизма, которые считает наиболее значимыми: «учение об уме как о свете», диалектическое сосуществование апофатизма (в трактате «Мистическое богословие») и катафатизма (в трактате «О божественных именах»), софиологическое учение о Мировой Душе, об «одушевленности Вселенной... одухотворении всякого малейшего проявления космической жизни» [8, с. 31]. Таким образом, и в поздней своей рабо-

те «Эстетика Возрождения» Лосев сохраняет определенно имяславское восприятие Ареопагитик без упоминания самого имяславия.

Не вызывает сомнения, что А. Ф. Лосев видит в ареопагитическом учении серьезную философско-богословскую систему, близкую по духу и основным идеям к имяславской позиции самого Лосева. Русский мыслитель отмечает фундаментальные черты данной системы: это *неоплатоническая диалектика*, наполненная христианской мистикой. При этом мистическое богословие Ареопагитского корпуса базируется на таких принципах, как *апофатизм* и *катафатизм*

(антиномия непознаваемости Божественной Сущности и возможности приближения к Ней), *энергетизм* и *символизм* (различение Сущности и Ее энергий, представление об энергетической наполненности богословского символа, о воздействии энергий через символ (=имя)), которые имеют *антропологическую* направленность (раскрытие понятия обожения, сопряженного с сотериологической проблематикой).

Ареопагитики воспринимаются Лосевым как один из важнейших источников *имяславия*, и это позволяет объяснить, почему Лосев неутомимо обращался и к переводу, и к цитированию текстов Ареопагитского корпу-

са, и к развитию идей Дионисия в конструкциях *абсолютной мифологии*. Это свидетельствует об имяславской ориентации лосевских научно-богословских поисков. «Хотя афонское движение было осуждено и разгромлено, интерес к проблематике, обсуждавшейся в ходе имяславских споров, не угасал в среде русских философов и богословов на протяжении всего XX столетия» [9, с. 10]. В наши дни эта проблема еще требует досконального изучения и глубокого богословского осмысления, учитывая спорность лосевской позиции в целом и его имяславской оценки ареопагитизма в частности. ✦

Литература

1. Лосев А. Ф. Историческое значение Ареопагитин / А. Ф. Лосев // *Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита*. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга — СПб, 2009. С. 120–141.
2. Зеньковский В. В. *История русской философии*. Л.: ЭГО, 1991. Т. 2, ч. 2. 271 с.
3. Лосев А. Ф. *Имяславию* / А. Ф. Лосев // *Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита*. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга — СПб, 2009. С. 5–18.
4. Лосев А. Ф. *О сущности и энергии (имени)* / А. Ф. Лосев // *Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита*. С приложением перевода трактата «О Божественных именах». СПб.: Изд-во Олега

Абышко; Университетская книга — СПб, 2009. С. 84–90.

5. Лосев А. Ф. *Античный космос и современная наука* / А. Ф. Лосев // *Бытие. Имя. Космос*. М.: Мысль; Российский открытый университет, 1993. С. 61–612.
6. Лосев А. Ф. *Самое само* / А. Ф. Лосев // *Миф — Число — Сущность*. М.: Мысль, 1994. С. 299–526.
7. Лосев А. Ф. *История эстетических учений* / А. Ф. Лосев // *Форма — Стиль — Выражение*. М.: Мысль, 1995. С. 321–404.
8. Лосев А. Ф. *Эстетика Возрождения* / А. Ф. Лосев // *Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения*. М.: Мысль, 1998. С. 7–735.
9. Иларион (Алфеев), еп. Венский и Австрийский. *Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров / епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев)*. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 912 с.

А. Ф. ЛОСЕВ
 В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ

Казанская духовная семинария и ее преподаватели

Из семинарских воспоминаний

Протоиерей Порфирий Руфимский

Статья была опубликована в «Известиях по Казанской епархии» 1911 года, с. 25–33, 254–258, 316–321, 1129–1133.

Публикация Н. А. Ерундова

(Продолжение. Начало см. «Православный собеседник», № 1 (04), 2017.)

Гражданской истории мы в семинарии не успели еще, как говорится, и «понюхать», но уже знали, что эту историю будет преподавать нам «Пипин короткий»¹. Когда и кто окрестил так преподавателя Ивана Тимофеевича Горизонтова², умершего в отставке в сане протоиерея отца Иоанна, сказать не умею и не могу. Но свидетельствую, что прозвание это было постоянным спутником нашего историка. Конечно, не в личных отношениях, а заочно. Не знаю и того, почему, именно, прозвали И. Т. Горизонтова «Пипином коротким». Разве только потому, что историк наш был низок ростом, как короток был и Пипин. Но зато в других отношениях не могло быть никакого сравнения между

ПРОТОИЕРЕИ ПОРФИРИЙ РУФИМСКИЙ.
ФОТО ИЗ ФОНДА
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

«французским» Пипином и «русским» Иваном. Этот последний был настоящим русаком, добродушным, прямым, открытым и даже простоватым в своем обращении с учениками. В то время как многие из преподавателей семинарии обращались со своими учениками «на вы», И. Т. Горизонтов всегда и неизменно называл каждого «ты». И это прямое, открытое «тыканье» не могло шокировать даже самого горделивого семинариста, так как оно куда как было приятнее и роднее непривычного для нас «выканья», сказанного иногда с язвительностью и тонкой иронией. «А ну-ка, скажи-ка мне про основание Рима...», «Рассказывай-ка про первую Пуническую войну...», «Да что ты городишь это...», «Подумай, какую несешь чепуху...». Таковы обычные формулы, в которые укладывались обращения И. Т. Горизонтова со своими учениками. Но в эти формулы, кажущиеся с первого взгляда строгими, суровыми, вкладывалось так много простоты и сердечности, что приходится искренно удивляться тому, как это И. Т. Горизонтов умел соединить в себе и преподавательскую строгость, и человеческое, чисто рус-

ское незлобие. Свойством его характера, воспитавшегося на чисто русской почве, во многом можно объяснить и самый метод преподавания нам истории. Русский человек не любит точности и пунктуальности. Ему как-то не свойственна какая-либо определенная программность. Он живет и действует с чисто русским размахом. И. Т. Горизонтов в своем преподавании истории никак не мог уложиться в узкие рамки той программы, которая была дана ему как педагогу. Эта программа как бы стесняла его своей узостью, давила его самостоятельность. И наш историк по временам витал в такой области исторических сведений, которые вовсе не были предусмотрены семинарской программой. Мне живо припоминаются те уроки, на которых Иван Тимофеевич только говорил и говорил. Вместо Иловайского³, обязательного сколь для учеников, столь и для самого учителя, на этих уроках слышались уже

¹ Пипин Короткий (714/715–768), франкский король в 751–768 гг., первый из династии Каролингов.

² Горизонтов Иван Тимофеевич, протоиерей, — выпускник Казанской духовной академии (1876), преподаватель психологии, истории философии и педагогики в Олонецкой духовной семинарии (1876), всеобщей и русской гражданской истории в Казанской духовной семинарии (1878), библиотекарь, клирик Петропавловского собора г. Казани (с 1896 г.). Скончался в 1908 году.

³ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк. Автор широко распространенных учебников по всеобщей и русской истории для средних учебных заведений дореволюционной России.

имена Шлоссера⁴, Вебера⁵ и др. Семинарская программа, данная для выполнения, развертывалась пред учениками до таких исторических перспектив, которые едва ли могли усвоить своим детским умом. Но историк с чисто русским размахом все продолжал и продолжал свою бесконеч-

⁴ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861) — немецкий историк, автор «Всемирной истории» в 18 томах (СПБ, 1861–1863) и «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» в 8 томах (СПБ, 1858–1860).

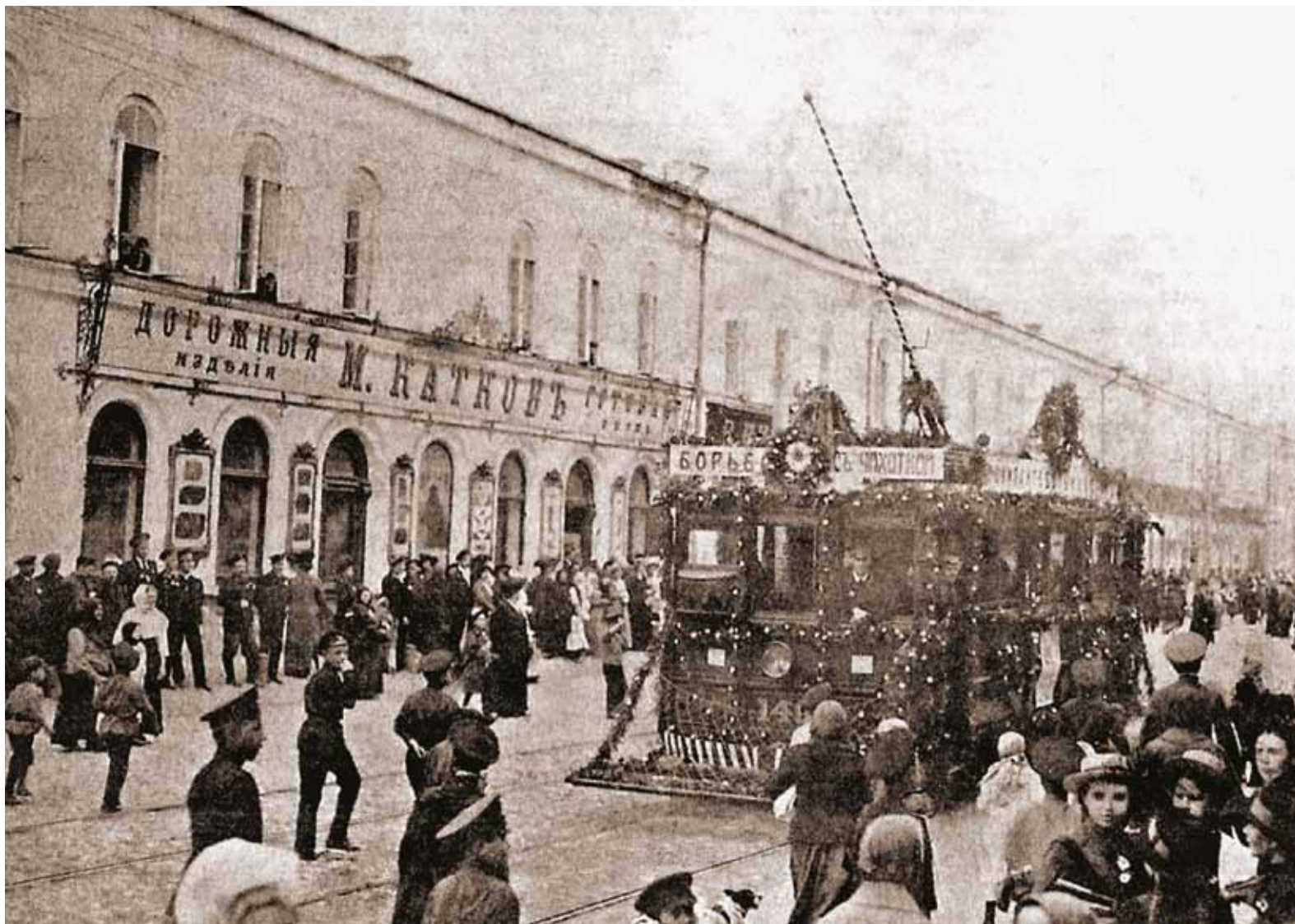
⁵ Вебер Георг (1808–1888) — немецкий историк и филолог, автор «Всеобщей истории для образованных классов» (1857–80), в пятнадцать томах (в русском переводе — просто «Всеобщая история»).

ную историю об истории. И только лишь пробитый звонок отрезвлял нашего историка: нужно было пунктуально указать ученикам — «от сих до сих».

Само собой понятно, что при такой системе преподавания самые добрые намерения нашего историка не всегда совпадали с результатами преподавания, какие обнаруживали его слушатели. Многие из последних, выслушивая Шлоссера и Вебера, не имели твердости воли не только для того, чтобы запомнить что-то из этих творений, но ничего не знали и из обязательного Иловайского. Конец учебной четверти был уже «на носу». От преподавате-

ля требуются отметки для всех учеников. Начинается повальное спрашивание. И тут оказывается, что слушатели И. Т. Горизонтова в значительной своей части все «прослушали». Не знают ни исторических фактов, ни хронологических дат, ни примитивных данных по географии. Историк смущался, но не возмущался. В следующую четверть он начал чаще спрашивать по Иловайскому и меньше говорить из всех этих Веберов и Шлоссеров. Настойчиво спрашивал хронологию и обличал в полном незнании географии. Ученики подтягивались. Начали зубрить всюю. Многие из отсталых успевали заpastись программной

АЛЬБОМ ВЫПУСКНИКОВ.
1912 г.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
АКЦИЯ «БЕЛЫЙ ЦВЕТOK»
В КАЗАНИ.** УЛ. БОЛЬШАЯ
ПРОЛОМНАЯ (НА ЗАДНЕМ
ПЛАНЕ ЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ).
1910 г.

историей. А более трудолюбивые обнаруживали свои познания не только в Иловайском, но и в том, что умели выслушать от своего историка. А историк, между тем, начинал уже снова увлекаться. Целыми уроками говорил и говорил. И не находил времени, чтобы спрашивать по заведенному порядку.

Вспоминая систему преподавания И. Т. Горизонтова, я вообще не хочу тем самым высказать свое суждение об этой системе. Нет. Я хочу только указать на то, что русская натура И. Т. Горизонтова как нельзя яс-

нее сказывалась в этой системе. Мне лично дело представляется так: по складу своего темперамента, по своему характеру наш историк мог без удержу говорить и говорить целыми часами. И также, иногда без удержу, спрашивать. Чисто по-русски: «во всю». Без разных там программ, без объяснительных записок и указаний...

Нельзя не помянуть И. Т. Горизонтова не только как историка, но и как библиотекаря фундаментальной, семинарской библиотеки. И здесь, в этом книгохранилище, как и в области истории,

И. Т. Горизонтов оставался сам собой. По русскому обычаю у него и в библиотеке было так мало порядка, что в отделе учебников, особенно в начале учебного года, мог свободно спрятаться сам донской казак, даже со своей пикой. В этом отделе свободно хозяйничали сами ученики, брали, что хотели и сколько хотели. Библиотекарь только напоминал: «Смотри, запиши в книгу, не унеси так». И справедливость требует сказать, что доверием библиотекаря ученики не злоупотребляли: записывали все взятое в книгу не за страх, а за совесть.

С другими отделами библиотеки дело обстояло несколько иначе. Из этих отделов ученикам можно было выдавать только то, что значилось в особом списке для каждого класса и в личных разрешениях каждого преподавателя. Особые списки были скудны, а личные разрешения не так часты. Приходилось выискивать иные пути, чтобы взять из библиотеки лишнюю книгу. И путь этот был такой: приносишь И. Т. Горизонтову записку от преподавателя и просишь выдать дозволенную книгу. Библиотекарь говорит: «Ступай, ищи в шкафу». Найдешь искомую книгу, заинтересуешься ее соседками по полке и по шкафу, заберешь малую толику и их. Записываешь все взятое в книгу, а библиотекарь так добродушно заметит: «Да ты что больно много набрал?! Смотри, прочитай все с толком». Бывали иногда и такие исключения: принесет ученик записку от преподавателя, вручит ее библиотекарю, а последний, посмотрев в записку, спокойно так урезонит ученика: «Ну, брат, не обманешь, записка-то поддельная; проваливай, пока не попался»...

Я мог бы и еще поделиться своими воспоминаниями о И. Т. Горизонтове. Но опасаясь того, как бы мои воспоминания не вышли из пределов «семинарских» воспоминаний. И сам я лично, да и многие из учеников нашего историка узнали его и вне семинарского общения. И это знание еще раз закрепило наше ученическое убеждение в том, что И. Т. Горизонтов был «человек-душа». В старших классах семинарии, когда от гражданской истории мы перешли к изучению церковной истории, этот «человек-душа» не раз вспоминался нами. Вот бы кому, говорили мы между собой, преподавать нам церковную историю. Многие он сообщил бы нам....

И. Т. Горизонтов, как я уже писал, скончался в сане протоиерея. Ученики и почитатели покойно-

го с любовью проводили прах его к месту вечного упокоения на Арское кладбище. Но дух «Пипина короткого» живет в его учениках. И долго еще будет жить...

IV

«Харон» идет! «Харон» идет! — это были слова пароля, говорившего о приближении к классу преподавателя латинского языка Василия Андреевича Миртова⁶. И тем страннее были эти слова для тех, которые еще не успели забыть предшествующего преподавателя — «Патера Самуила» — иеромонаха Самуила⁷, добродушного человека, совсем неизвестно какого монаха, но снисходительно-слабого преподавателя латыни, семинаристы так и звали: «Патер Самуил». Но вот «патера» по каким-то причинам из семинарии убрали, а на его место прислали нового, которого чуть не с первых же дней и окрестили именем «Харона», известного классического перевозчика «на тот свет». Внешняя фигура В. А. Миртова, такого маленького, бритого, с солдатскими усами, с всклокоченными на голове волосами, может быть, и не во многом напоминала классического Харона. Но, видимо, нашему класснику было усвоено классическое имя по совокупности его внешних черт и внутренних настроений и особенностей. Добавив к указанным выше чертам внешности В. А. Миртова еще некоторый специфически его принадлежности: заметную корявость его физиономии, громкое сопение носом, постоянную

«жвачку» и приложив сюда проявления его характера, о чем речь будет ниже, семинаристы, может быть, и не без достаточных оснований сочетали в одном лице двух «классиков» — одного мифического, а другого семинарского.

В своей системе преподавания наш «Харон» был настолько своеобразен, насколько исключительно было ремесло Харона классического. От последнего никто уже не мог отвертеться. Он всякого вез на своей лодочке «туда»... Старания направить свой путь «не туда» были напрасны. И В. А. Миртов, как казалось нам, его ученикам, неподражимо вторил этому мифическому Харону. Как начнет спрашивать какого-нибудь ученика, так непременно «доспрашивает» его до такого именно пункта, которого он не знает. «Ну, вот и не знаете», — торжествуя так заявит преподаватель ученику, хотя бы ученик пред этим отвечал на десять, двадцать, тридцать вопросов своего учителя. Камень преткновения для ученика ставился во главу угла его ответа, а все ранее отвеченное «вменялось, яко же не бывшее». Учитель торжествовал, а ученик думал одну свою думу: и как это отвертеться от неотступного «Харона»...

Во всяком преподавателе семинаристы видели, конечно, не только толкователя семинарской мудрости, но и «спрашивателя». И это спрашивание никого не удивляло и не поражало. Но В. А. Миртов в своем спрашивании был совсем не то, что другие. Эти последние спрашивали для того, чтобы узнать, что именно знает ученик. И как бы сорадовались всякому знанию ученика, скорбели вместе с ним его незнанию. А В. А. Миртов поступал наоборот: он спрашивал для того, чтобы узнать, чего ученик не знает, что составляет его слабую сторону. И радовался не тогда, когда ученик обнаруживал свои незнания, а когда заминался в своем ответе. Сносный или порядоч-

⁶ Миртов Василий Андреевич, священник, — выпускник Казанской духовной академии (1876). С 1880 по 1885 год преподаватель латинского языка в Казанской духовной семинарии, смотритель Чистопольского духовного училища (1885–1901), настоятель Богоявленского храма г. Казани (с 1901 г.). Скончался в 1903 году.

⁷ Самуил (Зубаревский), архимандрит, — с 1873 по 1879 год преподаватель латинского языка в Казанской духовной семинарии.

ный ответ ученика только навел скорбь на учителя. А ошибки в ответе ученика веселили сердце преподавателя. И окончательная «стойка» ученика, когда он был приперт, как говорится, к стенке, доставляло истинное удовольствие нашему преподавателю. Наш «Харон» в это время торжествовал...

Подобного рода «выспрашивание» учеников многих из нас приводило в настоящее бешенство. И бешенство это усиливалось еще более от того, что В. А. Миртов своеобразную свою практику применял, так сказать, на двух фронтах. Он преподавал кроме латыни, еще и немецкий язык. «Допичуживал» нас по двум предметам. И если не успевал, к примеру, «прижать к стенке» какого-нибудь ученика на уроке латинского языка, то непременно «торжествовал» уже на уроке немецкого языка. А всего чаще его «торжество» проявлялось на том и другом уроках одновременно. К каким результатам приводило это «торжество», судить можно по следующему факту. Ученик А. В., живой еще свидетель былого, кое-что кумекал и в немецком, и в латыни. У другого преподавателя он, пожалуй, не получал бы менее четверки. Но у В. А. Миртова он не выходил из переэкзаменовок. Как он ни старается подготовиться к уроку, но «Харон» непременно на него «напрет». Ученик выучит все вновь, повторит и старое, сам чувствует под собой почву, но учитель докажет ему, что он ничего не знает. И торжествуя так «влепит» «два» или «кол». Однажды А. Б. торжественно объявляет всему классу: «Ну, попробую еще раз сразиться с «Хароном». Несколько дней готовился к уроку латинского языка, изучил во всех доступных и нужных ему подробностях этот урок. Совсем забыл на это время о существовании прочих наук семинарского курса. Весь класс напряженно ожидал исхода бу-

дущего «сражения». И однокашники «борца» только и говорили: «Что-то будет. Кто кого уложит». Настал ожидаемый урок. «Харон» явился и вызвал А. Б. Он в течение целого урока отбивался от нападений «Харона», но за несколько минут до звонка на чем-то проштрафился. «Харон» ликовал, а ученик безмолствовал. Даже обычный «кол» не в состоянии был вывести побежденного ученика из какого-то странного оцепенения. После урока, когда «Харон» уже поплыл далее, ученик Б. привел к окончательному знаменателю свою последнюю попытку сразиться с «Хароном»: чтобы не касаться книги латинского языка голыми руками, взял эту книгу двумя учебниками других предметов и сбросил ее с ученической парты на пол, в самый угол, за парту. И торжественно так заявил: «Будь что будет, а более не прикоснусь к латинской премудрости!»

Что же вышло? А вышло вот что: ученик Б. закончил семинарский курс и священствует теперь в одном инородческом приходе среди чуваш. По-чувашски, как говорится, собаку съел, а о латыни вспоминает только во сне...

Но каким же образом при системе В. А. Миртова могли закончить семинарский курс и А. Б., и многие другие из его однокашников? Ответом на этот вопрос может служить моя личная история. Когда я кончал курс в семинарии, то латинский язык уже преподавал нам доселе здравствующей Василий Поликарпович Яблоков⁸. На выпускном экзамене я отвечал как-то слабова-то. После экзамена учитель, обеспокоенный плодами системы своего предшественника, спросил меня: а как же я буду сдавать эк-

⁸ Яблоков Василий Поликарпович — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1883), преподаватель греческого языка в Чебоксарском духовном училище (1883), преподаватель латинского языка в Казанской духовной семинарии (1885).

замен в Академии? Я без запинки ответил: буду держать по греческому языку. И слово свое сдержал. Латиниста, только что поступившего в семинарию не подвел под академический выговор, хотя подобный выговор, в существе своем, относился бы не к В. П. Яблокову, а к «уплывшему» от нас «Харону». Всего менее можно было ожидать различных осложнений от тех семинаристов, латинские познания которых должны были применяться среди чуваш, черемис, татар, мордвы и прочих «языков», населяющих Казанскую епархию. И эти семинаристы, вместе с А. Б., преспокойно закончили семинарский курс. Пользуясь милосердием В. Н. Яблокова, они и «хароновское» незнание превратили в знание.

«Харон», как я сказал уже, «уплыл» от нас. Он перешел от нас в Чистопольское духовное училище на должность смотрителя. Но этот переход состоялся уже в самом конце нашего семинарского обучения. Весь почти семинарский курс мы все же вынуждены были следовать за «курсом» пловца «Харона». А потому воспоминания мои опять плывут вместе с «Хароном». Вот, я представляю его в роли искателя Академической кафедры в то время, когда он «допиливал» нас, семинаристов. В Казанской академии освободилась кафедра латинского языка, и В. А. Миртов выставил свою кандидатуру на профессора латинского языка и его словесности. Приготовил пробную речь (pro venia legendi) на тему о какой-то древнейшей частице «nos» и стал публично защищать свою правомочность на звание профессора в актовом зале Духовной академии. Нас, семинаристов, это публичное выступление нашего «Харона» заинтересовало настолько, что мы с нетерпением ожидали назначенного дня и определенного часа. Мы заранее смаковали всю ту кар-

тину, как будут «допичуживать» уже самого «Харона», а не он нас. И в своих ожиданиях не ошиблись. Привалили в Академию целой толпой и с любопытством посматривали на В. А. Миртова в тот момент, когда его окончательно «добил» выступавший оппонент. Последний громко заявил свое мнение в следующих словах: «Ваше «nos» сильно бьет в нос». При этом он демонстрировал старую латинскую книжицу из университетской библиотеки, буквальный перевод которой и был пробной речью нашего латиниста. Провал «Харона» был

полный, а радость семинаристов безгранична. Семинаристы в своем злорадстве забыли и о том, что «Харон» опять возвращается к ним. Они только наслаждались настоящим, но совсем не думали о будущем...

Но «Харон» опять в семинарии. И снова раздаются крики: «Харон» идет! «Харон» идет!» Встречали «Харона» на этот раз, с некоторыми особенностями: на классной доске нарисовали громадный нос и сделали соответствующее написание. В. А. Миртов, без сомнения, понял значение классной панорамы. Как-то сморщил-

ся в лице своем при виде носа и снова принялся за «пиление» своих учеников. Характер нашего латиниста после тщетного искания профессуры все сильнее и сильнее проявлял свои специфические особенности. А семинаристы продолжали травить своего преподавателя самыми разнообразными выступлениями. Я помню, например, такой случай. В. А. Миртов усвоил себе странную привычку выгонять из класса того ученика, который запоздал на одну, две минуты после прихода в класс своего учителя. Ученик задержался

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗДАНИЕ
 КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
 СЕМИНАРИИ НА УЛИЦЕ
 КРЕМЛЕВСКОЙ.
 НЫНЕ ЗДАНИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО
 ФАКУЛЬТЕТА КАЗАНСКОГО
 УНИВЕРСИТЕТА. 2017 г.**

где-нибудь в курилке, «кандидатствую» около замусленного уже окурка, или же опоздал «по нужде», дожидаясь своей очереди, и шел в класс по следам своего учителя. Но учитель безапелляционно так вещал: «Убирайтесь из класса!» Это изгнание надоело, наконец, многим, и мы выкинули такую штуку: согласились нарочно опоздать чуть не целым классом, а после прихода латиниста стали входить в класс гуськом, с расстановкой в пять минут. В. А. Миртов выдержал и тут свою систему. Повыгнал из класса всех опоздавших и остался в компании с очень и очень немногими...

Но эта «выгонка» была уже последней: на урок пришел отец ректор и заметил отсутствие многих учеников. Последствиями визита отца ректора было то, что все отсутствовавшие были оставлены без обеда, а В. А. Миртов перестал выгонять опоздавших.

Заканчивая свои воспоминания о В. А. Миртове, я должен откровенно сознаться в том, что семинаристы все же не питали какой-либо ненависти к своему латинисту. Да и сам латинист не сохранял у себя на душе всех тех историй, какие он переживал с учениками. Впоследствии когда В. А. Миртов был уже священником, многие из учеников его встретились с ним на жизненном пути. И здесь не один раз вспомняли все прошлое. Но без всякого чувства злопамятства и негодования. А только как былое, прошлое...

Ученикам же пришлось проводить своего учителя и к месту вечного упокоения в г. Чистополе, на городском кладбище. А пишущий эти строки от лица учеников сказал даже ему последнее прости и прощай...

V

Философию купно с психологией преподавал нам Василий

Иванович Голубинский⁹. Этого преподавателя мы так и звали «философией». Но звали так не потому, что он преподавал именно философию, а совершенно по другим основаниям. В. И. Голубинский был женат на некоей Е. Н., которую всякий семинарист знал столько же, сколько и ее супруга. Особа эта, по наблюдению семинаристов, была неразлучна со своим супругом: провожала его в класс, встречала с уроков, ходила с ним в церковь; и вообще, попадалась семинаристам почти столь же часто, как часто встречался и В. И. Эту-то вот неразлучную спутницу своего супруга семинаристы и прозвали почему-то «психологией». А потом уже и спутника ее наименовали «философией». Итак, преподаватель наш был «философией», а жена его «психологией». Но в преподавании семинарских предметов мы знали, конечно, одну только «философию». И насколько, по уверению семинаристов, была строптива в своей жизни «психология», настолько же была тиха, скромна наша «философия». Привычки его были такие: приходит в класс и садится неизменно за кафедру. Вызывает одного из учеников и начинает спрашивать урок. Ученик не успеет еще раскрыть и рта своего, а учитель с кафедры уже говорит: «Хорёшо, хорёшо». И чем успешнее ученик «удит» из книги, подставленной ему соседом, тем чаще раздаётся это «хорёшо, хорёшо». Иногда учитель и заметит непринужденное «ужение» ученика из книги, но постарается сам отвернуться в сторону, чтобы не дать оснований к тому предположению, что он видит...

⁹ Голубинский Василий Иванович — воспитанник Симбирской семинарии (1854–1860), выпускник Казанской духовной академии (1864), магистр богословия, преподаватель философии (с 1864 г.), дидактики (с 1886 г.) и французского языка в Казанской духовной семинарии. Скончался в 1901 году.

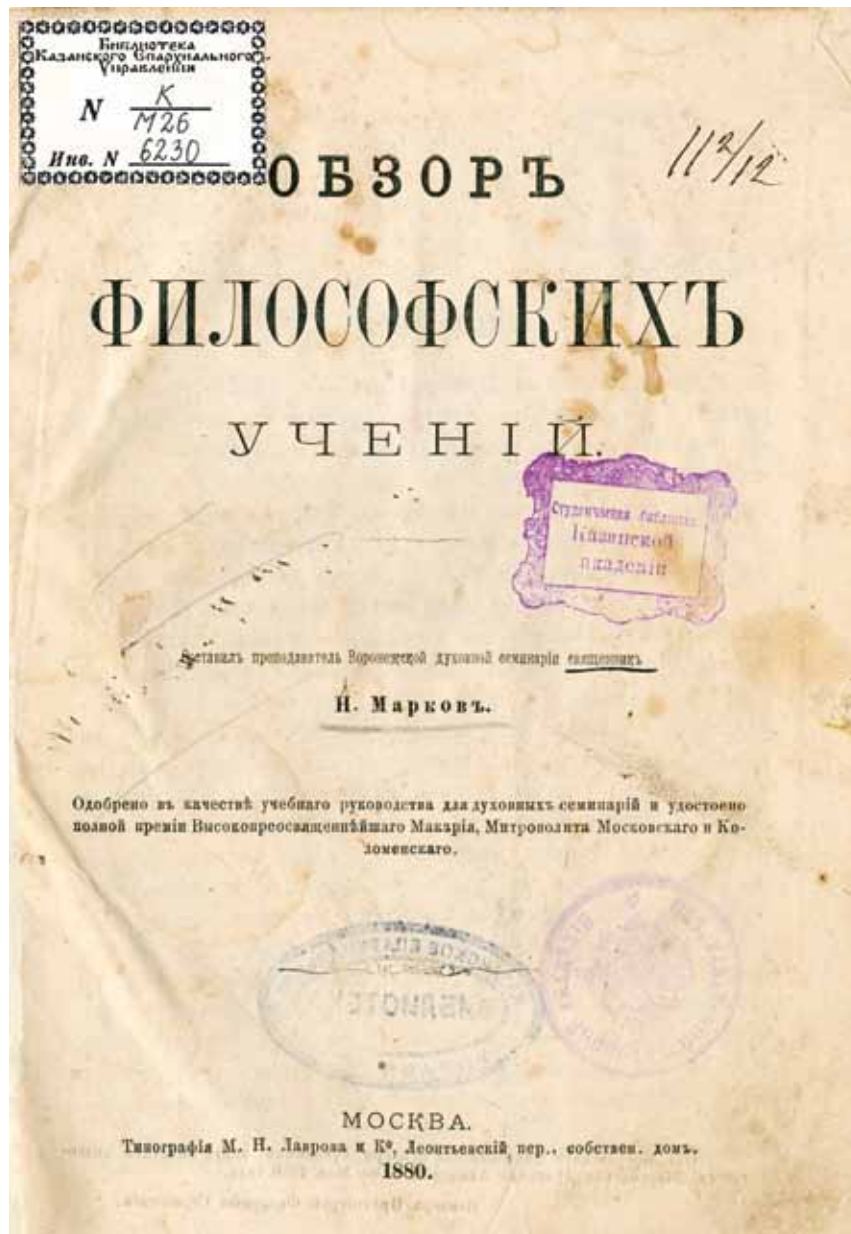
И в своих объяснениях В. И. Голубинский придерживался той же системы, какая практиковалась его учениками при ответах. Раскроем на кафедре учебник «Обзор философских учений» Маркова и спокойно так «удит» из него о каком-нибудь Юме или Декарте. А ученики не менее спокойно посматривают на это «ужение» и готовятся еще раз повторить его при своих ответах...

К своеобразной системе преподавания В. И. Голубинского нужно отнести и его своеобразную манеру оценки устных и письменных ответов его учеников. Второразрядник, а тем более какой-нибудь двоечник не могли уже рассчитывать на полный балл «5» и даже «4». Оценка ответов по философии и психологии всецело зависела от того разрядного места, какое занимал ученик в переводном списке. И на этой почве случались иногда такие курьезы, которые сами собой встают в памяти. В. И. Голубинский имел неизменный обычай повторяться в темах для сочинений через несколько лет. Ученики, понятно, строго следили за этим обычаем и утилизировали его в свою пользу. И вот какой-нибудь двоечник заручится творением своего предшественника, оцененным по философии или психологии баллом «5» или «4»; заручится и перебелит его спокойно с полной надеждой на высшую оценку «своего» сочинения. Но место, занимаемое подобным литератором в списке, с каким-то удивительным фатализмом превращало «5» или «4» в «3+» и «3». И подобные литераторы уже не искали от творений своих предшественников «весьма удовлетворительных» отметок, ограничивались просто «удовлетворительными».

В своем преподавании философии и психологии В. И. Голубинский неизменно придерживался учебников. По философии не было лишнего слова, кроме «Маркова», а «Чистович» по пси-

хологии во многих параграфах был далее с пропусками. Все, что могло бы быть сверх этого, — все это, по нашим наблюдениям, было для Василия Ивановича «от лукавого». По этим же наблюдениям, мы были уверены, что Василий Иванович не особенно сильно себя чувствовал и в самых учебниках. По крайней мере на годичных экзаменах, когда показывался годовой товар лицом, Василий Иванович частенько заглядывал и к Маркову, и к Чистовичу, дабы увериться: правду говорит семинарист или отчаянно врет, выдавая отсебятину за слова учебников.

Кроме философских предметов, В. И. Голубинский преподавал нам и дидактику. И здесь система преподавания была у него все та же. Он «удил» через очки, а мы без очков. И он был спокоен, и мы благодумствовали. Как преподаватель дидактики Василий Иванович руководил и нашими «примерными» уроками в Образцовой школе при семинарии. Эта школа народилась при нас, ранее ее не было. Понятно поэтому, что и Василий Иванович, как преподаватель, и мы, как ученики, были первыми пионерами в деле «примерного» преподавания в школе. Какова была эта «примерность», можно судить по следующему примеру: мне лично пришлось давать примерный урок в образцовой школе 27 сентября. Под влиянием ли того обстоятельства, что я накануне был взволнован от получения такой «награды», или же от того, что был поздравлен с этой «наградой», но факт тот, что на уроке я показывал ученикам буквы вверх ногами. Ученики недоумевали, товарищи мои хохотали, а руководитель уроков так и остался в блаженном неведении: «Откуда все сие». И только лишь на следующий день, когда на классе дидактики была заслушана злостная рецензия на мой урок, написанная очевидным рецензентом, то В. И. Го-

УЧЕБНИК ФИЛОСОФИИ
Н. МАРКОВА

лубинский, видимо, догадался о причинах недоумения и смеха. Но при этом нужно заметить то, что дальнейшее рецензирование «примерных» уроков уже было прекращено. Наш дидактик заявил: рецензии только раздражают юных педагогов....

В. И. Голубинский преподавал еще французский язык. Учебник Игнатовича памятен мне и доселе. И не потому он особенно памятен мне, чтобы я изучал его

от корки до корки, а единственно потому, что я изучал его только один. Все товарищи мои были «немцы», а я единственный «француз». А раз весь французский язык в нашем классе держался только на мне, то и положение было исключительное. Придет мне охота «французить», я «французжу», не придет — извините. Явится на урок французского языка В. И. Голубинский, а я ему заявляю: у ме-

**ЧИСТОПОЛЬ,
НИКОЛЬСКИЙ СОБОР.**
НАЧАЛО XX ВЕКА

ня сегодня голова болит. И урок насмарку. Но за то, в свою очередь, бывали частенько и такие случаи: придешь на урок «французить», а Василий Иванович так жалостливо говорит, как бы извиняется: «У меня что-то сегодня зубы болят». И опять урока нет. Так-то вот мы вдвоем и «французили!» Да и где «французили»? В каком помещении-то? В так называемом семинарском «карцере», в маленькой комнатке, с маленьким, кругленьким окошечком в двери. Комнатка эта весьма редко отапливалась: стужа в ней была смертная. А потому два «француза» всегда и неиз-

менно принуждены были «французить» в теплых пальто и таких же галошах. Понятно и то, что при таких условиях нам весьма удавался и французский прононс: в нос мы говорили оба отлично, как истые французы, хотя я и родился где-то среди чуваш....

Следует вспомнить про В.И. Голубинского и как про старосту семинарского храма. Он был первым ктиторм новостроенной Иоанно-Богословской церкви. Его трудами и стараниями, его тщанием, может быть, и иждивением многое приобреталось для новой

церкви. Но если в своем преподавании учебных предметов Василий Иванович был хозяином своего дела, то в ктиторстве он многое уступал своей супруге. Последняя узурпировала права своего мужа и была настоящей, заправской «старостихой» семинарского храма. «Психология» являлась в семинарский храм до звона, делала распоряжения, командовала всем и всеми, а «философия» только безмолвно санкционировала деяния «психологии». И семинаристы, и посторонние богомольцы знали, что распоряжения «психологии» обязательны для всех

к самому точному исполнению... А всякое нарушение этих распоряжений грозило всевозможными напастями, не исключая и вывода из храма... От «психологии» зависело и командование некоторым инвентарем семинарского храма: по ее указанию давались богомольцам коврики, стулья. По ее же рекомендации некоторые молящиеся наделялись священными хлебцами и просфорами....

Как фактическая «старостиха» семинарского храма «психология» предъявляла некоторые требования и к церковному хору семинаристов. В Рождество

Христово и в Пасху этот хор обязательно должен был явиться с концертом к Е. Н. Голубинской. При этом явиться тотчас же после концерта у отца — ректора семинарии. В противном случае выговор хору и лишение его концертной mzды. Но зато точность хора во времени «концертирования» у «психологии» давала возможность некоторым обращаться к «философии» с денежными займами...

Заканчивая свои воспоминания о преподавателе В.И. Голубинском, я извиняюсь перед читателями в том, что эту личность так тесно связал с его супругой.

Но что поделаешь тут! В моих воспоминаниях, да и в моих ли только? Преподаватель Василий Иванович является неотделимым от своей спутницы жизни Е. Н. И одного Василия Ивановича, без Е. Н., я представить никак не могу....

Для меня и прежде, когда я был семинаристом, «философия» была купнородной с «психологией». Да и теперь, когда мне приходится бывать на Арском Казанском кладбище, я неизменно представляю эту парочку, мирно покоящуюся рядом под мраморными памятниками. Мир праху их! Покой душам их! ☩

ХРАМ ЯРОСЛАВСКИХ
ЧУДОТВОРЦЕВ НА АРСКОМ
КЛАДБИЩЕ

Время собирать камни...

В рамках лектория 25 ноября в стенах КазПДС состоялись лекции опытного архитектора А. С. Тутунова о реставрации памятников церковного зодчества. Публикуем продолжение материалов, легших в основу лекций.

А. С. Тутунов, архитектор-реставратор

К сожалению, до сих пор часто приходится наблюдать случаи в гражданском строительстве, когда некто, прочитав две-три популярныя книжки типа «Как самому построить дом» или «Коттедж без проблем», начинает руководить постройкой собственного дома, а потом с удивлением обнаруживает, что в подвале «почему-то сыро и дует», а «когда открываешь воду на кухне, то в доме гаснет свет». Все-таки если вы хотите получить хороший результат, то каждый должен делать свою работу, а не любую и кое-как. Мой хороший знакомый, крупный архитектор-реставратор, проработавший в реставрации более 45 лет, каждый раз, когда слышит от бабюшки, что, мол, с «Божьей помощью и хорошим прорабом» он и сам отреставрирует храм, всегда спрашивает: «А скажите, если у Вашей жены приключится аппендицит, то Вы возьмете справочник по хирургии и дома, на обеденном столе, заглядывая

в этот самый справочник, проведете операцию?» Вопрос, разумеется, выглядит как насмешка, так как операция — это и знания, и ответственность за жизнь человека. А при восстановлении храма, оказывается, ни знания, ни ответственность за жизнь храма не требуются...

К чести нашего духовенства могу сказать, что самодеятельности в последние годы значительно поубавилось и советский стереотип, что платить нужно только за работу руками, а работа головой ничего не стоит и не нужна, постепенно исчезает.

Как правильно выбрать реставрационную организацию

Как и в предыдущей публикации (см. № 1 (4), 2017), я обращаю внимание только на те вопросы, которые чаще всего возникают у прихода. Если заключается договор с реставрационной организацией, то последняя должна предоставить всю документацию в соответствии с действующими нормативами, а также обеспечить архитектурный и, возмож-

но, инженерный надзор во время проведения работ.

При выборе проектной организации перед настоятелем возникает множество проблем, порожденных нашим смутным временем. После перестройки, в последующие 90-е годы XX века, практически полностью развалились государственные реставрационные организации. Образовалось множество «ООО» и частных архитектурных мастерских, уровень профессионализма которых был весьма различен. Часть архитекторов-реставраторов из-за отсутствия достаточного финансирования реставрации ушла в современное проектирование. В результате общий уровень подготовки архитекторов-реставраторов, а также качество проектов, часто оставляют желать лучшего.

Не последнюю роль здесь играет коррупция. Многие настоятели знают, как в администрациях городов и сел им зачастую практически в приказном порядке рекомендуют обратиться к какому-то конкретному архитектору.

ру или организации. И, к сожалению, далеко не всегда такая рекомендация основана на высоком профессионализме рекомендованных.

Если вам порекомендовали какую-либо организацию, не торопитесь заключать договор. Проверьте ее с административно-правовой стороны, обязательно побывайте в отреставрированных ею храмах, выясните, сколько времени существует эта организация. Нередко проектные организации предлагают услуги по подбору смежных проектных организаций — например, инженерно-строительных фирм или разного рода специалистов. Не торопитесь соглашаться в надежде на то, что с вас снимается часть забот, так как, скорее всего, за те же проекты по сантехнике или электрике вы будете вынуждены заплатить в 2–3 раза больше.

Как минимум дважды за последнее время мне встречались просто анекдотические ситуации. На одном из приходов мне представили барышню лет тридцати, которую отрекомендовали как архитектора. После того как она ушла, я получил дополнительные пояснения: «Она у нас за архитектора, но и вроде как монашка, поэтому много ездит по монастырям и на стройке часто отсутствует». Результатом проектной и строительной деятельности этой дамы была приходская школа с окнами в виде бойниц, треснувшая пополам через несколько месяцев после возведения.

В другом случае я проверял проект нового храма, выполненного приходским архитектором. При рассмотрении проекта сразу стало очевидно, что своды над трапезной должны были бы рухнуть, если не в процессе строительства, то уж в течение ближайших двух-трех лет. Когда я спросил, как он себе представляет систему работы сводов, горе-архитектор погрузился в глубокое молчание.

Когда же в том и другом случае я пытался выяснить, как можно поручать проект дилетантам, я получал один и тот же ответ: «Он (она) один из самых старых прихожан нашего храма, и мы не хотим его (ее) обидеть». Кроме того, проект почти бесплатный — это хоть и не было сказано, но со всей очевидностью подразумевалось. При этом, как правило, никто не задумывается о том, что безграмотность архитектора может повлечь за собой дополнительные расходы в миллионы рублей, не говоря уже об угрозе жизни людей. В одной архитектурной фирме мне представили проект реставрации храма и иконостаса. Так вот в иконостасе были только царские врата!

Не стоит также доверять работу представителям пусть и близких к архитектуре, но совершенно других профессий. В моей практике было два случая, когда на одном из храмов должность ведущего архитектора занимал искусствовед, а в другом — художник. Таким образом, вывод напрашивается сам собой: членство в приходе и, может быть, даже диплом об окончании художественного училища или факультета искусствоведения никак не является основанием для проектирования и ведения строительства.

«Всякий памятник есть документ своей эпохи. Неправильное лечение этого документа, неправильные задачи, которые ставит перед собой реставратор, или его попытки к „сотворчеству“ приводят к тому, что документ частично или полностью заменяется макетом...» Академик Д. С. Лихачев

Разговор с архитектором и со строителем начинать нужно с того, что попросить их показать соответствующие дипломы о специальном образовании. За послед-

ние годы мне встречались архитекторы и строители с образованием врача-психиатра, врача-педиатра, инженера авиационной техники, геодезиста, искусствоведа, бывшего офицера-связиста и т.д.

Архивные изыскания

Одновременно с обмерами необходимо произвести архивные изыскания, чтобы иметь максимум архивных — как письменных, так и изобразительных — материалов для под-

готовки проекта реставрации. К сожалению, часто этой стороне реставрационных работ не уделяется серьезного внимания.

**АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
ТУТУНОВ НА ОБМЕРАХ**

Основных причин две:

- у прихода нет средств, чтобы нанять архивиста;
- необъяснимо легкомысленное отношение к этому этапу работ, связанное с низким уровнем общего образования лиц, принимающих решения. Регулярно приходится слышать: «Мы запросили информацию в архиве, и нам сказали, что ничего нет», причем совершенно очевидно, что серьезные архивные изыскания не проводились, а были выполнены только для проформы, чтобы в случае необходимости отчитаться перед священноначалием. Тем не менее архивные изыс-

кания абсолютно необходимы для проведения грамотной реставрации храма.

Обмерные чертежи

Обмеры и обмерные чертежи являются обязательными и регламентированы законодательством. На этом этапе работы разногласий практически никогда не возникает. Единственная проблема, с которой довольно часто приходится сталкиваться, — это невозможность произвести полноценные обмеры из-за отсутствия возможности подняться на крышу храма, колокольню и пр. Это затруднение возникает, если на храме нет лесов, а дли-

на лестниц не позволяет подняться к обмеряемой части здания. Недостаток размеров, полученных путем измерений, приходится компенсировать работой с фотографиями, подсчетом рядов кирпича и прочими вспомогательными способами. Современные технические средства, а также компьютерные программы, позволяют произвести очень точные обмеры и без установки лесов.

К сожалению, этот способ на сегодняшний день имеет два больших недостатка: во-первых, такие обмеры стоят очень дорого, во-вторых, часто инженеры, выполняющие работу, имеют

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В ЦЕРКВИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕСТНЫХ ДРЕВ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. КУЛАЕВО (СПАСКОЕ). ТРЕХПРЕСТОЛНЫЙ КАМЕННЫЙ ХРАМ С ШАТРОВОЙ КОЛОКОЛЬНЕЙ. СТИЛЬ — РУССКОЕ БАРОККО. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА. ФОТО А. В. ЧЕРЕНКОВА. 2013 г.

ет все формы креста, а не только восьмиконечный. Тем не менее постоянно приходится напрягать все силы, чтобы убедить священника в том, что необходимо устанавливать крест той формы, которая соответствует архитектурному стилю храма. Поскольку древних памятников у нас сохранилось мало и в основном восстанавливаются храмы XVIII — начала XX века, то достаточно часто встает вопрос об установке четырехконечного креста, иногда с полумесяцем в основании. Конфликты на этой почве стали уже общим местом в противостоянии архитектора и прихода.

Приведу несколько типичных примеров разногласий между архитекторами и представителями Церкви. Одна из старейших и опытнейших реставраторов России, проработавшая в реставрации более полувека, восстанавливала храм в Подмоскowie.

ЦЕРКОВЬ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕСТНЫХ ДРЕВ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. КУЛАЕВО (СПАСКОЕ). ХРАМ ДЕЙСТВУЕТ. ВЕДУТСЯ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ. СЛУЖБЫ ПРОХОДЯТ В ПРИДЕЛЕ ВО ИМЯ СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. ФОТО А. П. ДАНИЛОВА. 2015 г.

достаточно поверхностные знания в области архитектуры. В результате многие детали вычерчены или в общих чертах, или совершенно неверно. Для выпуска эскизного проекта реставрации, представляемого в государственные разрешительные органы, такой точности бывает достаточно, но для обмеров деталей, а также для выпуска рабочих чертежей архитектору необходим доступ к каждому участку как фасадов, так и интерьеров. Если есть возможность, желательно установить на обмеряемой части храма хотя бы небольшой фрагмент лесов или систему лестниц.

Практически всегда для выпуска эскизного проекта необходимо произвести обмеры скрытых архитектурных элементов: цоколя, засыпанного землей, остатков наличников, скрытых поздней штукатуркой и пр. Для этого приход должен заранее выделить нескольких рабочих, которые по указанию архитектора выполняют необходимые работы по рытью шурфов или удалению фрагментов штукатурки. Желательно этот вопрос решить заранее, а не в последнюю минуту, что неизбежно влечет за собой потерю времени.

Обмерные чертежи необходимы в основном архитектору, но настоятель всегда может попросить себе несколько копий. В любом случае обмерные чертежи, историческая справка и прочая документация должны быть представлены архитектором в государственные инстанции и заказчику.

Эскизный проект: как не следует подходить к его согласованию

Регламентирован законодательством и эскизный проект реставрации. Именно на этом этапе часто начинаются разногласия между архитектором и приходом (монастырем). Здесь я вынужден начать с констатации малоприятного факта: при общении

со своими коллегами я регулярно слышу одну и ту же фразу: «Со священниками (тем более с игумениями женских монастырей) работать очень трудно — требований и сомнений масса, а платят плохо». К счастью, мнение, что в храме нужно работать исключительно «во славу Божию», сейчас уже встречается все реже. Хочу сразу оговориться, что полностью согласен с тем, что не только архитектор, но и каждый христианин, где бы он ни работал, должен работать во славу Божию, то есть в первую очередь *добросовестно* (*курсив здесь и далее мой.* — А. Т.). Если он при этом желает выполнить свою работу бесплатно — это вопрос его личных возможностей и благочестия.

Наиболее часто встречающиеся разногласия — это разногласия из-за проекта фасадов и интерьеров. Многие храмы, особенно древние, за время своего существования подвергались значительным переделкам — достраивались колокольни, менялись главы, формы кровли и т. п. Существуют различные методы реставрации в зависимости от типа того или иного памятника. Этой теме посвящена обширная литература как у нас, так и за рубежом. Основная проблема, с которой сталкивается архитектор, — это попытка прихода разобрать ту или иную часть храма и заменить ее другой по той причине, что архитектурный стиль постройки или какого-либо элемента не соответствует с точки зрения прихода «истинно православной архитектуре». Напротив, утраченные элементы часто пытаются восстановить в «православных русских формах», как их понимают настоятель и приходской совет. В основном это касается глав, крестов, дверей, штукатурного декора, иконостаса и др.

Любой священник из курса семинарии должен помнить, что *Православная Церковь призна-*

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ (С. ПОЛЯНКА). ТРЕХПРЕСТОЛЬНЫЙ КАМЕННЫЙ ХРАМ В СТИЛЕ РУССКОГО БАРОККО С ЧЕТЫРЕХЪЯРУСНОЙ КОЛОКОЛЬНЕЙ. XVIII—XIX ВЕКА. ВЕДУТСЯ РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ. ФОТО А. В. ЧЕРЕНКОВА. 2013 г.

Юный, энергичный настоятель, только что окончивший семинарию, заявил почтенному реставратору, что предложенный ему крест он устанавливать не даст, так как крест «не православный». Убедить его в обратном стоило большого труда. Правда, в данной ситуации победителем вышел все же архитектор.

Но, к сожалению, далеко не всегда бывает так. Так, в одном из женских монастырей архитектурной комиссии так и не удалось убедить игуменю установить на храм крест и главу, формы которых были документально зафиксированы. Замечательно, что проект в свое время был утвержден святителем Филаретом Московским. Осмелюсь предположить, что художественный вкус игумении и художественный вкус митрополита Филарета Московского, не говоря уже о его богословском образовании, отличаются не в пользу первой.

Еще один безобразный случай произошел в одном из московских женских монастырей. Монахиня, отвечавшая за экономскую службу, велела распилить деревянные аналоги, на проект и изготовление которых ушло несколько месяцев. А рисунок аналогов, между прочим, был когда-то разработан художником Васнецовым! В храме Илии Обыденного в Москве, прихожанином которого я являюсь, была уничтожена дореволюционная красивая ограда солей центрального придела и заменена чем-то современным весьма сомнительного художественного уровня. К сожалению, примеры можно приводить до бесконечности...

Все это самодурство и, по сути дела, беззаконие прикрывается мнимым радением о чистоте Православия. Довольно часто делаемые заявления, что храм — это прежде всего храм, а все остальное неважно, также свидетельствует о невысокой культуре говорящего. Правильнее было бы сказать, что храм — это прежде всего храм, но это и памятник русской церковной архитектуры. К сожалению, крайне низкий уровень культуры нашего общества, проявляющийся, в частности, в массовом сносе исторических центров городов, уродованиях и сносе гражданских памятников архитектуры и культуры есть результат разрыва с духовно-исторической и культурной традицией. Только совершенным отсутствием исторической памяти можно объяснить причины вышеуказанной проблемы.

Еще более странным выглядит желание устанавливать купола «православной» формы. Тем не менее с такой проблемой мне тоже приходилось сталкиваться. Требование ставить, например, на ампирный храм, построенный в начале царствования императора Николая I, луковичу в стиле конца XVII века, очевидно, не нуждается в ка-

ких-либо комментариях. Можно лично любить или не любить тот или иной архитектурный стиль, но ни в коем случае нельзя возводить в ранг канона личные симпатии!

Покраска

Часто возникают проблемы с покраской храма. Сначала приведу наглядный пример: В Москве в 70-е годы теперь уже прошлого века был отреставрирован храм эпохи расцвета барокко. Как и многие храмы этой эпохи, он был богато декорирован снаружи — сложные карнизы, лепнина и т. п. В результате исследований было обнаружено, что первоначально стены храма были покрашены в темно-вишневый цвет. Весь декор был белым. После того как храм был передан приходу, его перекрасили полностью — включая зеленую крышу. В итоге храм стал весь белым, из-за чего пропал, стал практически невидим весь декор фасада, а кровля стала нежно-зеленой, «как травка». Купол же, согласно открытой традиции был выкрашен в небесно-голубой цвет, как пресловутые оградки на кладбищах. Получилась стандартная пошлость.

Покраска храма должна соответствовать эпохе строительства. В эпоху барокко были приняты одни цвета, в эпоху ампира — другие. Достаточно обратиться к специальной литературе, чтобы свести к минимуму ошибки. Я специально останавливаюсь на вопросе покраски потому, что ее часто производят без согласования с архитектурным надзором.

Если же вы все-таки решили покрасить храм сами, то попытайтесь сначала найти следы первоначальной покраски. Чаще всего она сохраняется во внутренних углах, куда не попадает дождевая влага: под уличными подоконниками, в углах между стеной алтаря и собственно хра-

ма, стеной трапезной и стеной храма, под карнизами и в других малодоступных местах. Необходимо учитывать, что всегда имеется несколько слоев покраски и необходимо определить каждый цвет. Образцы берутся с разных мест храма.

Проблема намного сложнее, если храм имеет несколько периодов строительства. Предположим, что храм построен в эпоху барокко и основное поле стены было покрашено в глубокий вишнево-красный цвет. В эпоху ампира к храму пристроили трапезную и покрасили весь храм в распространенный в ампире желтый цвет, а в начале XX века к трапезной пристроили кирпичную неоштукатуренную колокольню. В какой цвет красить храм? Ответ в таком случае может дать только специалист.

Напоминаю еще об одной распространенной ошибке. На всех храмах России выступающие части за редким исключением красили в белый цвет. Я встречал храмы, где батюшки красили выступающие части — наличники, колонны, карнизы — в синий или зеленый цвет, а основное поле стены в белый. *Это абсолютно неверно и безграмотно. Выступающие или западающие части должны быть белыми.*

Напоминаю, что жены некоторых благотворителей обожают розовый цвет, я с этим встречался трижды, но думаю, что есть и другие примеры. В этом случае, пожалуйста, уж как-нибудь дипломатично растолкуйте, что цвет фасадов храма и цвет будуара семейного дворца на Рублевском шоссе должны отличаться.

Наилучшей краской для храма сегодня является силикатная краска. К сожалению, она очень дорогая, поэтому рекомендую использовать водорастворимую акриловую краску. Акриловая краска на органических растворителях имеет более мелкие частицы, паропроницаемость ее ниже, чем у краски на воде, поэтому

она менее подходит для покраски храма.

Кровля

Вопросы, связанные с цветом кровли, возникают при использовании металла, окрашенного в заводских условиях. На заводе цвет составляется при помощи колеровочной машины, в него входит много разных пигментов. Чаще всего на рынок попадает металл, окрашенный в «модные» цвета или цвета, характерные для автомобильной промышленности. Например, получить «традиционный» зеленый цвет бывает далеко не просто. Чаще всего он имеет оттенки искусственного синего спектра разной степени интенсивности. Поверхность металла при заводской окраске также выглядит, как автомобильное крыло, правда с годами блеск исчезает и поверхность становится матовой.

При приобретении окрашенного металла желательно найти металл «чистого» цвета — без примесей большого числа других пигментов. Кроме этого, обязательно покупайте металл сразу на всю покрываемую поверхность от одного производителя. Если вы будете приобретать металл небольшими партиями, то наверняка он будет разных оттенков. Это особенно будет бросаться в глаза после того, как металл будет уложен на место. До революции существовали два основных цвета кровель — зеленые и красно-кирпичные. Деревянные кровли со временем приобретали серый цвет. *Синие кровли, которые так любят некоторые современные батюшки, не существовали никогда.* Если вы строите новый храм, можете покрасить, как хотите, но на старом храме, пожалуйста, соблюдайте традиционные цвета. Покраска куполов в голубой цвет — также явление очень позднее: голубые купола получили распространение в советскую эпоху. Чаще всего купол красится в цвет кровли или золотится.

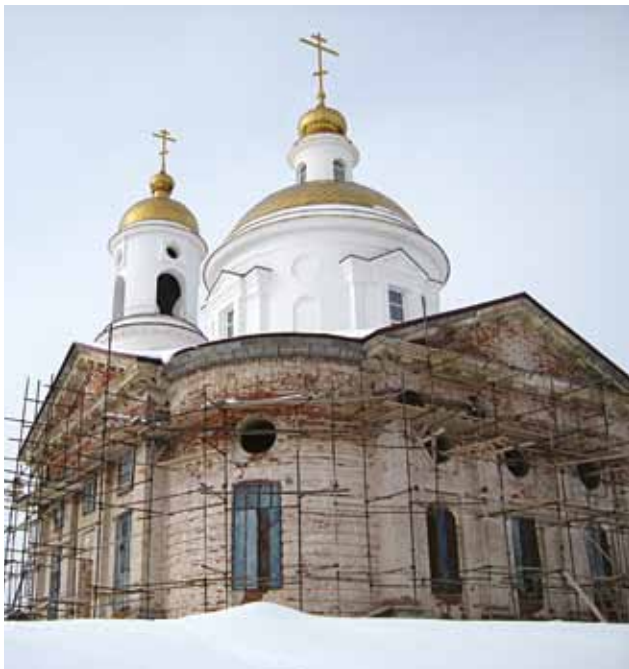

В последнее время получило распространение покрытие медью. Это прекрасный и долговечный кровельный материал, но, к сожалению, очень дорогой, поэтому не все храмы могут себе его позволить. Соответственно, и рабочие-кровельщики должны иметь очень высокую квалификацию. Медь лучше всего не красить, а оставить ее натуральный цвет. Просьба не удивляться такой рекомендации, поскольку на одном из приходо́в я наблюдал попытку покрасить медную кровлю в зеленый цвет.

Элементы и детали

Большой опасности часто подвергаются и штукатурные элементы. Подрядчик, случается, не понимает их значения для облика храма, они кажутся ему не-

КАЗАНСКО-БОГОРОДИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ. ЧЕРЕПИШЕВО (БОГОРОДСКОЕ). КИРПИЧНЫЙ ДВУХПРЕСТОЛЬНЫЙ ХРАМ С ПРИДЕЛОМ ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. СТИЛЬ — БАРОККО. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА. ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. ФОТО А. П. ДАНИЛОВА. 2015 г.

**ЦЕРКОВЬ УСЕКНОВЕНИЯ
ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ
ВО ВРЕМЯ РЕСТАВРАЦИОН-
НЫХ РАБОТ. КЛЮЧИЩИ.
ТРЕХПРЕСТОЛЬНЫЙ ХРАМ
С ЧЕТЫРЕХЪЯРУСНОЙ КО-
ЛОКОЛЬНЕЙ, ВЫСТРОЕННЫЙ
В СТИЛЕ КЛАССИЦИЗМА.
КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО
XIX ВЕКА.
ФОТО А. В. ЧЕРЕНКОВА. 2010 г.**

нужными, излишними. Поэтому предпринимаются попытки как можно быстрее сбить сохранившиеся остатки и все «ровненько» заштукатурить, а при обсуждении эскизного проекта этот вопрос подрядчик старается не поднимать.

Вопрос разборки поздних элементов или пристройки не нов. В довоенные годы и вплоть до начала 70-х годов прошлого века среди некоторых реставраторов существовало мнение, что необходимо разбирать и уничтожать большую часть позднейших наслоений.

В ряде случаев это было, безусловно, оправданно, что хорошо видно на примере Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, собора Спасо-Андроньевского монастыря в Москве и т. д. Но в других случаях уничтожались трапезные и колокольни, пристроенные к древнему храму в эпоху ампира и позже. После такого тотального уничтожения, которому подверглось наше архитектурное наследие, сегодня мало у кого из трезвомыслящих реставраторов поднимется ру-

ка снести, скажем, крыльцо конца XIX века, пристроенное к храму XVII века. Но теперь, увы, болезнью сноса поздних пристроек «заболели» приходские батюшки.

Отцы, прошу вас, не повторяйте наших ошибок! К сожалению, из-за распространения коррупции среди чиновников бывают случаи, когда приходы в обход епархиального начальства получают разрешение на сооружение притворов, колоколен и других строений. Тут уж все остается на совести настоятеля и прихода. Хочу напомнить, что такие разрешения выдаются за определенную «благодарность», которой соответствует вполне определенная статья УК РФ (глава 30, ст. 291).

Помните также и о том, что любые попытки пристроить к храму, являющемуся памятником архитектуры, современные пристройки, меняющие исторически сложившийся вид храма, совершенно недопустимы и являются преступлением перед культурой и историей нашего Отечества! Вокруг каждого храма существует так называемая охранная зона, строить в которой можно только после получения разрешения. К сожалению, этот закон регулярно нарушается. Иногда необдуманные перестройки могут вызвать не только нарушение исторического вида храма, но в долгосрочной перспективе и привести к конструктивным нарушениям. На колокольне одного из храмов были надстроены никогда не существовавшие дополнительные ярусы звона. Насколько грамотно были проведены исследования несущей способности фундаментов, неизвестно. Нет никакой гарантии, что через 10–20 лет не появятся просадки фундамента и колокольня потребует дорогостоящих инженерных работ. Кроме того, храм потерял свой первоначальный облик. *Последнее обстоятельство, к сожалению, мало кого беспокоит.*

Почему я настаиваю на деталях: вы скажете, что, кроме специалиста, никто не заметит таких ошибок. Такой подход неверен, по крайней мере по трем причинам:

- во-первых, никто не будет спорить, что любое дело надо делать добросовестно;
- во-вторых, если рядовой прихожанин, а тем более «захожанин», который путает антиминс с антифоном, никогда не заметит, что вы во время службы что-то выпустили, но вы-то это знаете, как знаете и то, что сделано это по человеческой слабости;
- в-третьих, для старой русской архитектуры характерно большое количество тонко проработанных деталей. Архитектурные детали подчеркивают масштаб здания и придают ему неповторимую красоту, даже если вы рассматриваете храм с близкого расстояния. В этом одно из отличий старой архитектуры от современной.

Храм-колокольня

Мне хотелось бы остановиться на случае, когда от храма осталась только колокольня. Это нередкое явление — при сносе храма колокольню иногда оставляли, чтобы использовать ее как водокачку или пожарную вышку. Чаще всего такие колокольни встречаются в селах или бывших усадьбах.

При отсутствии средств на строительство храма можно превратить колокольню или в часовню, или в маленький храм, но такой проект — во избежание ошибок — *следует поручить архитектору и получить необходимые согласования.*

Общая схема достаточно проста: устанавливаются столярные заполнения в северном и южном пролетах первого яруса (если они есть), с западной стороны устраивается деревянная дверь, с восточной стороны, если предвидена небольшая церковь, по проекту возводится апсида в стиле колокольни с минимальной

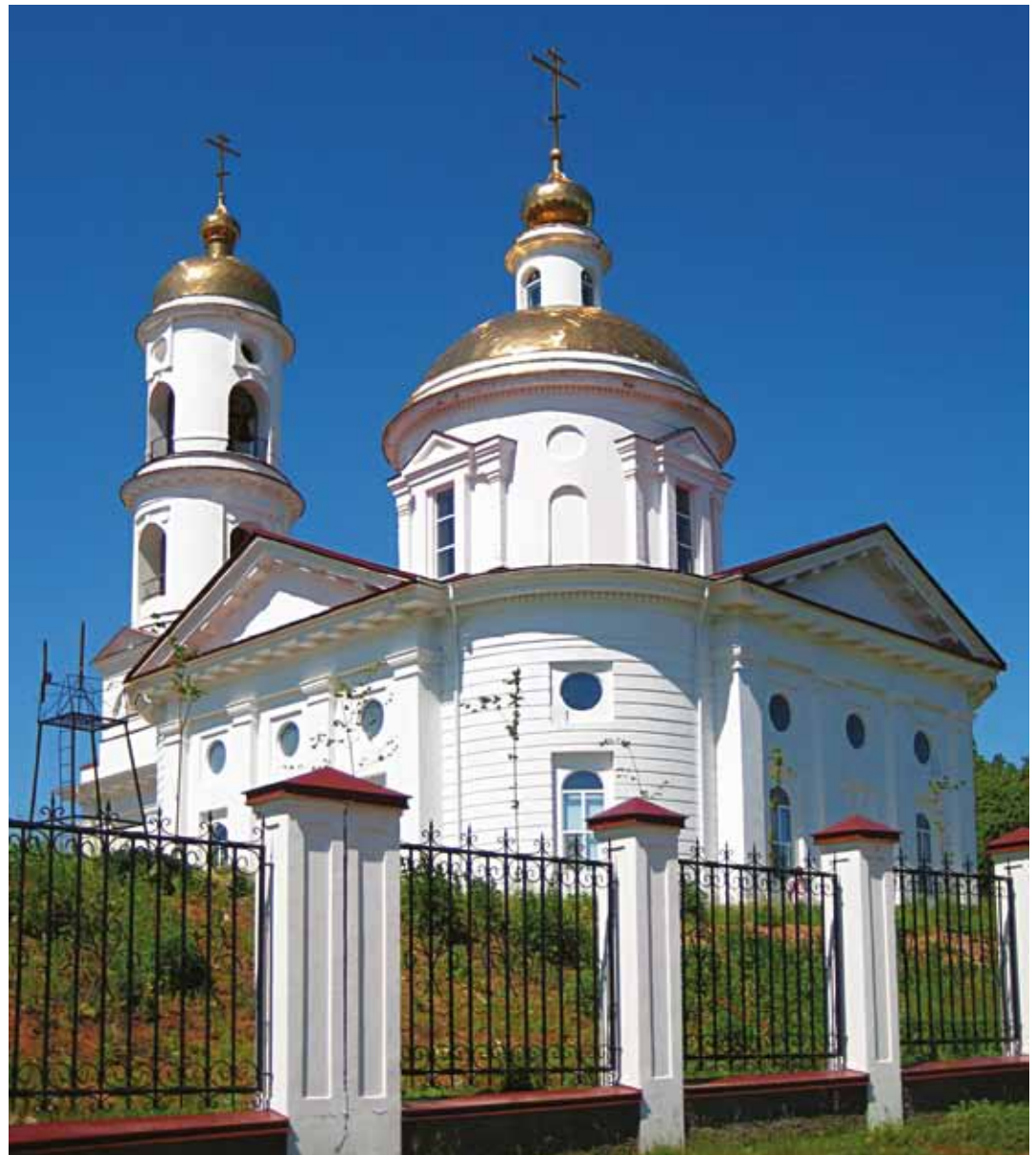
нагрузкой на грунт. Само здание колокольни реставрируется. Работа эта достаточно сложна, так как требуется не повредить при возможных закладках сохранившиеся проемы. Безусловно, это определенный компромисс, и допустим он только в крайнем случае. Территория снесенного храма расчищается, фиксируются и консервируются остатки стен и фундаментов. Во время разборки территории храма все находящиеся фрагменты бережно сохраняются, как было сказано выше. Они могут понадобиться при реконструкции храма, если у прихода появится такая возможность.

Одно- и двухпридельные храмы

В небольших городах и селах часто встречаются храмы с двумя или одним приделом, рассчитанные на село или небольшой городок. Сейчас они заполнены не более чем на треть, а чаще на одну десятую. Рекомендую установить в арке, отделяющей центральный придел, двери с двойным остеклением. Таким образом, на зимний период можно изолировать более низкую часть храма и совершать службы в приделах. После весеннего выравнивания наружной и внутренней температуры в главном приделе остекленные двери открываются, и храм переводится в летний режим.

В зимнее время даже единичные богослужения — например в престольный праздник — в летних храмах категорически запрещены. Временный резкий перепад температурно-влажностного режима пагубно сказывается как на самой постройке, так и на иконописи. Кроме того, выпадение конденсата может вызвать короткое замыкание, появление окислов и ржавчины на металлических предметах и т. д.

Приведу очень верные слова из статьи, написанной академиком Д. С. Лихачевым: «*Всякий памятник есть документ своей эпохи. Неправильное лечение это-*

го документа, неправильные задачи, которые ставит перед собой реставратор, или его попытки к «сотворчеству» приводят к тому, что документ частично или полностью заменяется макетом... Памятник не просто должен быть вылечен сам по себе, но он должен найти свое место в той материальной и социальной среде, которая его окружает. Если эта среда недостаточно интеллектуальна и не способна понять ценность памятника, не обладает достаточными знаниями по истории и истории культуры, не осознает своей двойной ответственности перед

прошлым и будущим, то реставратор обязан «вылечить» памятник в такой мере, чтобы, не теряя своей документальности, памятник смог стать в достаточной мере «авторитетным» и не подвергнуться риску быть снесенным, причисленным к памятникам «второстепенного» значения, смещенным с места, замененным макетом (реконструкцией)»¹. ☩

Продолжение следует.

¹ Восстановление памятников культуры (Проблемы реставрации) // Сборник статей / под ред. Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 10.

**ЦЕРКОВЬ УСКЕВНЕНИЯ
ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДЕЧИ.**
КЛЮЧИЦЫ. ХРАМ
ДЕЙСТВУЕТ. ОСВЯЩЕН ПОСЛЕ
РЕСТАВРАЦИОННЫХ РАБОТ
В 2011 ГОДУ.
ФОТО А. В. ЧЕРЕНКОВА. 2013 г.

«Не ломайте, она еще пригодится»

6 февраля 2017 года Министерство земельных и имущественных отношений Республики Татарстан передало в собственность Казанской епархии здание Николо-Гостинодворской церкви. Ранее в здании храма размещался Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу. Гостинодворская церковь упоминается в письменных источниках уже с XVI века. Исторически храм входит в комплекс зданий Гостиного Двора (1800–1815 гг.), несмотря на то, что он на три века старше последнего.

Никита Кузнецов, студент магистратуры Московской духовной академии

«Не ломайте, она еще пригодится»¹, — произнес Никифор Осипович Чижов (1779–1841), казанский купец, городской голова в 1830–1832 годах², когда во второй половине XIX века начали разбирать алтарную часть и колокольню Ни-

коло-Гостинодворской церкви. К этому времени храм, создание которого датируется еще второй половиной XVI века, сильно обветшал и нужно было срочно что-то предпринимать. Сегодня, глядя на то, что осталось от храма, в котором начинал свое служение будущий священномученик Ермоген, слова казанского градоначальника снова приобретают актуальность.

Об истории этого храма в свете его возвращения Казанской епархии писалось уже немало, поэтому приведем здесь только самые основные вехи его истории. Согласно «Справочной книге для Казанской епархии» «Николо-Гостинодворская церковь построена неизвестно когда»³. Точ-

ной даты постройки нет и сегодня, но Писцовые книги Казани за 1566–1568 годы доносят до нас сведения о церкви, которая была при Гостином дворе (гостями на Руси звали купцов): «Церковь Никола Чудотворец Гостин ружная (т. е. существующая за счет руги, особого налога), позади рыбного ряду; поставление и все церковное строение попа Григория да мирское»⁴.

Святитель Николай издавна почитается людьми, которые занимаются торговлей, соответственно, наличие церкви в его честь при Гостином дворе вполне логично. История Гостиного двора под Кремлем также уходит глубоко в древность. Уже к концу XVI века на этой территории

Редакция журнала благодарит генерального директора Национального музея Республики Татарстан Гульчачак Рахимзяновну Назипову и заведующую отделом изобразительных и документальных источников Наталью Владимировну Фомину за предоставленные материалы и изображения.

насчитывалось более 600 торговых лавок, а каменное строительство началось в конце XVII века⁵. Поэтому мы можем говорить о многовековой истории этой церкви.

В 1634 году рядом с теплым Никольским храмом был построен холодный храм Преображения Господня⁶. Из-за ветхости он был снесен в 1790 году⁷. Немного забегая вперед, скажем, что после реконструкции в нем появился придел в честь Преображения Господня — скорее всего, в память именно об этой церкви.

В истории храма было две беды — пожары и постоянная нехватка средств к существованию. Обе беды постоянно его постигали. Церковь горела почти во все крупные казанские пожары: в 1742, 1774 и 1815 годы. Вероятно, пострадала она и во время сильного пожара в 1842 году⁸. Вторая беда сперва стала причиной ее приписки к Петропавловскому собору в 1793 году, затем ее неоднократно пытались разобрать и упразднить. Дело в том, что Николо-Гостинодворская церковь не имела своего прихода и была приписана к Го-

стиному двору⁹. Не помогало ей и то, что в ее собственности издавна имелись лавки, сдаваемые внаем. Поэтому всякий раз купцы Гостиного двора и казанское общество отстаивало свою жемчужину¹⁰.

В силу этих обстоятельств мы не можем достоверно судить о ее внешнем облике в XVI–XVIII века. Сохранилось несколько изображений Николо-Гостинодворской церкви до ее перестройки, среди которых изображение Эдварда Турнерелли (1813–1896) — английского писателя, художника и путешественника. Так она

**ЦЕРКОВЬ СВТ. НИКОЛАЯ
В ГОСТИНОМ ДВОРЕ.**
ЛИТОГРАФИЯ Э. ТУРНЕРЕЛЛИ.
1839–1840 гг.

НИКОЛЬСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР. КАЗАНЬ.
ФОТОРЕПРОДУКЦИЯ
С ГРАВЮРЫ

выглядела в 1839 году. Известно, что в 1824 году были разобраны паперть и крыльцо, которые грозили обрушением. Но судя по его литографии, основной архитектурный облик церкви все-таки сохранился. Церковь имела квадратную форму с огромным шатром, который стоял на восьмерике. Увенчана она была небольшой чешуйчатой главкой. На крыше четверика в свободных наугольных пространствах располагались четыре небольшие главки. Петр Максимилианович Дульский (1879–1956), казанский

искусствовед и историк архитектуры, сравнивает Николо-Гостинодворский храм до перестройки с церковью Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове¹¹. По его мнению, схожесть их архитектурных форм позволяет отнести строительство казанской Гостинодворской церкви к концу XVI века¹².

К середине XIX века церковь сильно обветшала (особенно это иллюстрирует литография А. Дюрана, сделанная в то же время, что и Э. Турнерелли, но с внутренней стороны Гостиного дво-

ра), службы в ней проводились лишь дважды в год. В 1825 году Городская дума уведомила Казанскую духовную консисторию, что восстановить Николо-Гостинодворскую церковь она не может. Власти предложили разобрать храм, а полученный от него строительный материал продать им¹³. Гостинодворский храм предлагалось восстановить уже в качестве домово́й церкви внутри комплекса зданий Гостиного Двора, всю имеющуюся утварь и святыни передать кафедральному собору. Духовные

власти уже дали согласие на это, но городское общество не захотело отдавать храм, в особенности особо почитаемые образы Спасителя и Николая Тульского. Купцы и городское общество обязались восстановить храм.

В 1854 году императором Николаем I был высочайше утвержден проект восстановления храма, но за его реализацию взялись лишь в 1861 году¹⁴. Купцы Федор Егорович Постников (1806–1881) и Евдоким Савватеевич Савватеев (ум. 1886) взялись за реставрацию храма в честь небесного покровителя их дела. В результате перестроек к увеличенной боковые приделы, а ниже по рельефу к фасаду воздвигнута шатровая колокольня с октогоном яруса звона на высоком четверике. Храм стал трехпрестольным: главный престол — во имя святителя Николая Чудотворца, правый придел — в честь Преображения Господня, левый — в честь Казанской иконы Божией Матери¹⁵. К 1870 году храм был восстановлен и освящен¹⁶. В периодике того времени это событие отмечали особенно, называли восстановленный храм «древнейшей церковью города»¹⁷. Позднее напротив западного фасада была выстроена часовня¹⁸.

Не минуло храм и пожарище революции 1917 года. Но похоже, что и в годы лихолетья нашелся кто-то, кто посчитал, что она может пригодиться. Церковь не была разрушена полностью, были разобраны оба шатра и часть внешнего декора. В 1924 году храм перешел в ведение областной комиссии Госфондов Наркомвнутдела ТССР, его имущество описано¹⁹. 1 августа 1925 года был подписан акт передачи ключей и имущества Николо-Гостинодворской церкви Центральному музею ТССР.

Текст акта гласит: «Я, агент областной Комиссии Госфондов Т.Р. Каспарьян А.А., сего числа произвел сдачу имуще-

ства и ключей Гостинодворской Церкви, согласно отношения Областной Комиссии Госфондов от 28.7.1925 за № 2035 представителю отдела Охраны Памятников Искусства, Старины и Природы при Акадцентре Татаркомпроса тов. Геркен В.Г., а я, Геркен В.Г., произвел приемку имущества и ключей Гостинодворской церкви, согласно отношения Отдела Охраны от 31.7.1925 за № 209 и произвел сдачу того же имущества и ключей Гостинодворской церкви согласно отношения Отдела Охраны от 31.7.1925 за № 210 — представителю Центрального Музея ТССР. Королев Н.П. произвел прием имущества и ключей Гостинодворской церкви»²⁰. Из имущества по данному акту числится 171 икона разных размеров, резной позолоченный иконостас, три иконы в серебряном киоте, бронзовые хоругви, запрестольные образы и другая утварь²¹. Нет никакого упоминания о богослужебной утвари, облачениях и пр. Возможно, к этому времени храм уже длительное время не действовал, наиболее драгоценные сосуды и облачения уже были изъяты. На сегодняшний день можно говорить о том, что храм был закрыт не позже середины 1924 года, а не в 1929 году, как указывалось в некоторых источниках²².

Как использовался храм до Великой Отечественной войны пока узнать не удалось. В годы вой-

В Николо-Гостинодворской церкви служил священник Ермолай — будущий патриарх Ермоген. Имя его вписано в историю России золотыми буквами. Именно благодаря его бесстрашным деяниям, его бескомпромиссности Россия была спасена от Смуты.

ны и после нее комплекс зданий гостиного двора, включая церковь свт. Николая Гостинодворского, был использован для расселения эвакуированных.

Известно, что и после войны в здании храма проживали жильцы вплоть до середины 80-х годов прошлого века.

После расселения жильцов здание использовалось разными архивными учреждениями.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ ЕРМОГЕН. РИСУНОК НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА. ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**ГОСТИНОВОРСКАЯ
ЦЕРКОВЬ. СОВРЕМЕННЫЙ
ВИД**

представили проект реконструкции исторической части города, в которую была также включена Николо-Гостинодворская церковь. В проект было заложено восстановление исторического облика зданий. В Гостинодворской церкви планировалось ор-

церкви располагался Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу. Вскоре после вступления на Казанскую кафедру митрополит Казанский и Татарстанский Феофан поставил вопрос о возвращении церкви верующим.

та. Как и полтора века назад находят люди, которые готовы взяться за дело восстановления храма.

Владыка Феофан сразу заявил, что видит этот храм всенародным. Действительно, сегодня он нам жизненно необходим. Переступая порог Успенского собора Московского Кремля, где покоятся мощи священномученика Ермогена, понимаешь, что небольшой храм в Казани, где некогда служил и духовно укреплялся будущий святитель, сыграл не меньшую роль в жизни нашего Отечества, чем этот величественный собор, а значит, его восстановление должно стать значимым событием для всей страны. ✝

6 февраля 2017 года Министерство земельных и имущественных отношений Республики Татарстан передало в собственность Казанской епархии здание Николо-Гостинодворской церкви.

ганизовать музей городского быта²⁵. Но этим планам не суждено было сбыться.

До начала 2017 года в здании Николо-Гостинодворской

14 февраля 2017 года в этом деле была наконец-то поставлена точка — церковь вернули епархии. Сегодня идет работа по созданию попечительского сове-

¹ Протоиерей Евфимий Малов Историческое описание церквей г. Казани. Казань, 1884. С. 43.

² «Достойны памяти потомков» (Городские головы Казани 1767–1917 гг.) // Сборник документов и материалов под ред. Л. В. Гороховой и Д. Р. Шарафудинова. Казань, 2002. С. 92.

³ Богословский Г. К. Справочная книга для Казанской епархии. Казань, 1900. С. 498.

⁴ Церковь Гостинодворская // Известия по Казанской епархии на 1875 г. Казань, 1875. С. 328.

⁵ Климова Л. Гостиный двор: история длиной в четыре века [Электронный ресурс] // Официальный сайт культурно-просветительской газеты «Казанские истории». — Режим доступа: <http://history-kazan.ru/kazanvchera-segodnya-zavtra/peshkomv-istoriyu/ekskursionnyim-marshrutami/4074-662>. — Дата обращения — 11.04.2017.

⁶ Фролов Г. В. Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. Казань, 2005. С. 58.

⁷ Николо-Гостинодворская церковь Казани [Электронный ресурс] //

Официальный сайт Татарстанской митрополии «Православие в Татарстане». — Режим доступа: http://www.tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/publication/?id=59043. — Дата обращения — 11.04.2017.

⁸ Бирин М. История Казани насчитывает 12 крупнейших пожаров [Электронный ресурс] // Электронная газета «Бизнес Онлайн». — Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/297698>. — Дата обращения — 11.04.2017.

⁹ Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1904. С. 22.

¹⁰ Николо-Гостинодворская церковь Казани [Электронный ресурс] // Официальный сайт Татарстанской митрополии «Православие в Татарстане». — Режим доступа: http://www.tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/publication/?id=59043. — Дата обращения — 11.04.2017.

¹¹ Медведково — ныне район в границах Северо-восточного административного округа Москвы.

¹² Дульский П. М. Памятники казанской старины и другие очерки об архитектуре Казани. 1914–1927. Казань, 2013. С. 56–57.

¹³ Церковь Гостинодворская // Известия по Казанской епархии на 1875 г. Казань, 1875. С. 331.

¹⁴ Алексеев И. Е. Николо-Гостинодворская церковь (Казань) [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Николо-Гостинодворская_церковь_\(Казань\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Николо-Гостинодворская_церковь_(Казань)). — Дата обращения — 11.04.2017.

¹⁵ Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 667.

¹⁶ Архиепископ Никанор (Каменский). Казанский сборник статей. Казань, 1909. С. 455.

¹⁷ Церковь Гостинодворская // Известия по Казанской епархии на 1871 г. Казань, 1871. С. 398.

¹⁸ Николо-Гостинодворская церковь Казани [Электронный ресурс] // Официальный сайт Татарстанской митрополии «Православие в Татарстане». — Режим доступа: http://www.tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/publication/?id=59043. — Дата обращения — 11.04.2017.

¹⁹ Акт был составлен 07.08.1924. Текст оригинала на данный момент не найден, но он упоминается в акте

передачи от 01.08.1925. Акт передачи Николо-Гостинодворского храма Центральному музею ТССР // НА РТ. Ф. Р-2021 (Центральный музей ТАССР). Оп. 1. Д. 79

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Алексеев И. Е. Николо-Гостинодворская церковь (Казань) [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Николо-Гостинодворская_церковь_\(Казань\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Николо-Гостинодворская_церковь_(Казань)). — Дата обращения — 11.04.2017.

Бокарев А. Церковь Николая Чудотворца Гостинодворского [Электронный ресурс] // Храмы России. — Режим доступа: <http://temples.ru/card.php?ID=3476>. — Дата обращения — 11.04.2017.

²³ Климова Л. Гостиный двор: история длиной в четыре века [Электронный ресурс] // Официальный сайт культурно-просветительской газеты «Казанские истории». — Режим доступа: <http://history-kazan.ru/kazanvchera-segodnya-zavtra/peshkomv-istoriyu/ekskursionnyim-marshrutami/4074-662>. — Дата обращения — 11.04.2017.

Последнее свидание

К 160-летию со дня кончины протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857) и 165-летию со дня кончины Н. В. Гоголя (1809–1852).

Владимир Воропаев, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Последняя встреча Гоголя с отцом Матфеем состоялась в конце января — начале февраля 1852 года в доме графа Александра Петровича Толстого на Никитском бульваре. Дату приезда священника в Москву помогают установить воспоминания Тертия Ивановича Филиппова, который пишет, что познакомился с графом в 1852 году, «в первых числах того самого февраля, в 21-й день которого скончался живший в его доме Гоголь. В это время гостил у него приезжий из г. Ржева (Тверской губернии) протоиерей Матвей, который имел весьма важное значение как в его, так и в моей собственной жизни, и которого на тот раз я пришел навестить...» [1].

Беседы со священником произвели большое впечатление на Гоголя. Подробности этих разговоров нам неизвестны, но их содержание отчасти передано доктором Алексеем Терентьевичем Тарасенковым и протоиереем Феодором Образцовым. Отец Матфей напомнил Гоголю о греховности человека, об ответственности людей за свои действия и слова перед

Богом, о необходимости соблюдения поста. Вот как рассказывает об этом доктор Тарасенков в своих записках о последних днях жизни Гоголя: «К этому времени (26 января 1852 года — кончине Екатерины Михайловны Хомяковой. — В. В.) приехал из Ржева Тверской губернии <отец> Матфей Александрович,

священник, известный образцом строгой христианско-православной жизни, которого он (Гоголь. — В. В.) уважал и с которым так любил беседовать. С особенною охотой он разговаривал с ним теперь, когда размышления религиозные были ему так по сердцу. М<атфей> А<лександрович> прямо и резко, не взвешивая личности и положения поучаемого, с беспощадною строгостью и резкостью проповедовал истины Евангельские и суровые наставления Церкви. Он объяснял, что если мы охотно делаем все для любимого лица, то чем мы должны дорожить для Иисуса Христа, Сына Божия, умершего за нас. Устав церковный написан для всех; все обязаны беспрекословно следовать ему; неужели мы будем равняться только со всеми и не захотим исполнить ничего более? Ослабление тела не может нас удерживать от пощения; какая у нас работа? Для чего нам нужны силы?.. Много званных, но мало избранных... За всякое слово праздное мы отдадим отчет... и проч.» [2].

«Такие и подобные речи, — продолжает далее Тарасенков, —

соединенные с обличением в неправильной жизни, не могли не действовать на Гоголя, вполне преданного религии, восприимчивого, впечатлительного и настроенного уже на мысль о смерти, о вечности, о греховности. Притом Гоголь видел, как М<атфей> А<лександрович>, преданный святым помыслам, на деле исполняет самые строгие пустынно-монашеские установления Церкви; напр<имер>, много и долго молился за обедом (? — В. В.), почти не ел (? — В. В.), не хотел благословлять стола в среду, прежде нежели удостоверится, что нет ничего скоромного и т. д. Разговоры этого духовного лица, о котором он имел самые высокие понятия, так сильно потрясали его, что он, надеясь собою, однажды прервал речь, сказав ему: «довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно» [3].

Заметим, что доктор Тарасенков не был участником разговоров отца Матфея с Гоголем и писал главным образом со слов графа Толстого. Следует, однако, иметь в виду, что многие его суждения, в особенности касающиеся вопросов духовной жизни, не заслуживают доверия [4]. Можно догадываться, что речь, помимо прочего, касалась и темы Страшного суда (по всей вероятности, беседа, о которой говорит Тарасенков, состоялась в воскресенье, 3 февраля: была Неделя мясопустная, о Страшном суде, которая и могла послужить поводом для проповеди отца Матфея). Но у Тарасенкова не сказано, что священник предъявлял Гоголю чрезмерные требования. Да этого и быть не могло. Будучи опытным пастырем, отец Матфей прекрасно понимал, что человек в духовной жизни поднимается как бы по ступеням лестницы. В своем последнем письме к Гоголю (единственном дошедшем до нас) он говорит: «Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно» [5].

Широкую известность получило свидетельство протоиерея Феодора Образцова, что во время последней встречи отца Матфея с Гоголем разговор шел о литературе, в частности — о Пушкине¹. «О. Матфей как духовный отец Гоголя, — пишет он, — взявший на себя обязанность по мере воспринятой на себя благодати очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской непостыдной кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. «Отрекись от Пушкина, — потребовал о. Матфей, — он был грешник и язычник» [6].

Позволим себе высказать сомнение, что как духовное лицо, как православный священник отец Матфей мог назвать язычником православного человека, хотя бы и грешного, а тем более потребовать «отречения» от него, если он не еретик. Скорее всего, Пушкин в этом разговоре олицетворял в какой-то степени нехристианскую сторону литературы. По всей видимости, отец Матфей требовал отказа не от того Пушкина, которого Гоголь знал утвердившимся в церковной жизни христианином, поэтом неумиряющих красот русской души, а того, кто некогда увлеченно воспевал страсти — идолов, которых стыдился в позднейшие годы. Такой Пушкин был образцом для подражания у многочисленных литераторов и дал, по своей гениальности, целое направление в русской поэзии.

¹ Т. И. Филиппов утверждал, что будто бы он имел «полное основание полагать, что из сочинений Гоголя о. Матвей ничего не читал, кроме «Переписки», присланной ему самим автором, а с произведениями Пушкина и вообще знаком не был» (Цит. по Щеглов И. Л. К характеристике о. Матвея Константиновского // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 897). Едва ли это так. Елизавета Николаевна Бастамова, духовная дочь отца Матфея, пишет, например, в своих воспоминаниях, что тот посылал к ней «за сочинениями Гоголя, чтобы ознакомиться с ними» (Бастамова (рожденная Алмазова) Е. Н. Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 718).

Н. В. ГОГОЛЬ.
 ХУДОЖНИК ФИЛИПП
 МОСКВИТИН. 2007 г.

Кажется, так склонен был понимать дело и протоиерей Феодор Образцов. «Известно, что Гоголь до благоговения почитал Пушкина, — пишет он, — считая его каким-то божеством для себя, которое вдохновляло его в творчестве. Потому отречение от Пушкина для Гоголя было крайним актом самоотвержения. <...> Как смотрел о. Матфей на Пушкина? О. Матфей, сам поэтическая натура, мог ли не понимать красоты Пушкинской поэзии? Он отчетливо понимал, но только советовал, особенно молодым людям, осторожно читать Пушкина, говоря, что много у него хорошего, но много и греховного. <...> В суждении о Пушкине обыкновенно эта сторона — злоупотребление дарованиями — замалчивается, а между тем это злоупотребление, не допущенное в печати, сильно было распространено в рукописях среди молодежи, когда печатные стихотворения его были очень редки» [7].

Напомним, что эти слова сказаны человеком, который много лет знал отца Матфея и которому в 1855 или 1856 году довелось присутствовать при разговоре Т. И. Филиппова с отцом Матфеем о Гоголе. Заметим, однако, что Пушкин вовсе не был для Гоголя неким божеством, как полагал протоиерей Феодор Образцов. Гоголь видел в Пушкине прежде всего национального гения. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, — писал он в статье «Несколько слов о Пушкине» (1835), — это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [8].

Однако это вовсе не значит, что Гоголь воспринимал Пушкина как идеал, что нередко утверждается. Идеал у Гоголя, как и у всех христиан, был один — Господь Иисус Христос. Искусство для Гоголя — отблеск небесной красоты². «Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, — говорит он во второй редакции повести «Портрет» (1842), — и по тому одному оно уже выше всего» [9].

Все прекрасное в этом мире понимается Гоголем как отражение небесной гармонии. В «Размышлениях о Божественной Литургии» (первоначальной редакции) он пишет: «Припомни только и собери в памяти своей все прекраснейшее, что ни ви-

дал ты на земли и чем восхищался, и представь себе только то, что потому было оно прекраснейшее, что было бледное отражение великой небесной Красоты, мелькнувший край одной только ризы Божией — и вознесется душа твоя сама собой к источнику

ГРАФ АЛЕКСАНДР
ПЕТРОВИЧ ТОЛСТОЙ

и лону Красоты и воспоеет победную песню, облетая вместе с серафимами вечный престол Всевышнего» [10].

По мере приобретения духовного опыта менялось и отношение Гоголя к искусству, к Пушкину в частности. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) он писал: «Нельзя уже теперь заговорить о тех путях, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина» [11].

3 марта 1851 года Екатерина Александровна Хитрово записала в своем одесском дневнике: «Княгиня (Варвара Алексеевна Репнина-Волконская. — В. В.) бы-

ло предложила читать Пушкина, но он (Гоголь. — В. В.) не согласился и ради Великого поста стал читать <митрополита> Филарета, «как все искали прикоснуться ко Христу»³, что и нам возможно через Причастие» [12]. Тем самым Гоголь подчеркнул разницу между светским чтением и духовным.

«Что заставило о. Матфея потребовать такого отречения? — вопрошает протоиерей Феодор Образцов, завершая свои воспоминания. — Он говорил, что «я считал необходимым это сделать». Предсмертная агония Гоголя продолжалась очень долго, а такое требование было на одном из последних свиданий между ними. Гоголю представлялось прошлое и страшило будущее. Только чистое сердце может зреть Бога⁴, потому должно быть устранено все, что заслоняло Бога от верующего сердца. «Но было и еще...» — прибавил о. Матфей. Но что же еще?.. Это осталось тайной между духовным отцом и духовным сыном. «Врача не обвиняют, когда он по серьезности болезни предписывает больному сильные лекарства». Такими словами закончил о. Матфей разговор о Гоголе» [13].

Искусство, литература всегда имели для Гоголя первостепенное значение. «Не мое дело решить, в какой степени я поэт, — писал он В. А. Жуковскому 10 января (н. ст.) 1848 года из Неаполя, — знаю только то, что прежде чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени <...> первого свидания нашего оно уже стало главным и первым в моей жизни, а все прочее вторым. Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами

² П. А. Матвеев передает слышанные им от И. Ф. Золотарева и других лиц слова Гоголя, сказанные в беседе с русскими художниками в Риме: «Чистая, истинная красота — хвала Богу на земле» (Матвеев П. А. Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 122).

³ Имеется в виду «Беседа о прикосновении веры ко Христу» (1825).

⁴ Ср.: Мф. 5, 8.

на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба» [14].

Известно, однако, что участь человека зависит от его устремлений в этой жизни. «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 34). В этом смысле искусство (если говорить о нем как имеющем чисто земные цели), всецело обладающее душой человека, становится препятствием к достижению Царства Небесного. В свете Евангельской истины и следует, видимо, понимать требование отца Матфея об «отречении от Пушкина», то есть от такого искусства.

Во время своей последней встречи с Гоголем отец Матфей исполнял свои священнические обязанности. При этом, будучи, по свидетельству многих, прозорливцем, он, по всей видимости, предвидел смерть Гоголя и стремился пригготовить его к христианской кончине. Напомним, что именно после отъезда отца Матфея Гоголь начинает говорить, то есть готовится к принятию Святых Христовых Таин.

Один из случаев прозорливости отца Матфея приводится в его жизнеописании. В 1854 году, находясь в Петербурге, он духом провидел смерть своей жены: заблаговременно подготовил бумаги для отъезда и, не получая никаких известий из дома, отслужил панихиду по новопреставленной рабе Божией Марии, а на следующий день отправился в Ржев. Посланный оттуда нарочный с сообщением о кончине жены в столице его не застал [15].

Проводив священника 5 февраля, Гоголь на следующий день послал ему покаянное письмо — последнее в своей жизни, — из которого видно, что беседы их проходили, по-видимому, не гладко: «Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извиненья в том, что оскорбил вас. Но вдруг милость Божия чьими-то мо-

Г. РЖЕВ.
 ВИД ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДИ.
 ФОТО НАЧАЛА XX в.

литвами посетила и меня, жестокосердого, и сердцу моему захотелось вас благодарить крепко, так крепко, но об этом что говорить? Мне стало только жаль, что я не поменялся с вами шубой. Ваша лучше бы меня грела». И подписался: «Обязанный вам вечною благодарностью и здесь, и за гробом весь ваш Николай» [16].

Обратим внимание на подпись — не «Гоголь», но просто «Николай» — то есть раб Божий (для Бога существенно только имя человека).

Некоторые исследователи высказывали мнение, что слова Гоголя об обмене шубами носят символический характер, — речь шла, как они думали, о желанном, но невозможном обмене мировоззрением. Однако, по словам того же протоиерея Феодора Образцова, отец Матфей однажды был у Гоголя в Москве и действительно предлагал ему свою шубу, которую тот, несмотря на уговоры, не взял [17].

Письмо Гоголя к отцу Матфею от 6 февраля 1852 года сохра-

нилось для потомства благодаря Третью Филиппову. В первой половине июня того же года он извещал Михаила Петровича Погодина из Ржева, что был у отца Матфея и получил от него около пятнадцати писем Гоголя, которые немедленно списал. «Одно из них, вероятно, последнее из писем Гоголя, надеюсь выпросить в ваш музей: оно писано 6 февраля» [18]. Вскоре после этого Филиппов сообщал Погодину: «В прошлом письме я говорил вам о списанных мною письмах Гоголя к отцу Матвею; третьего дня я выпросил у него одно из них в оригинале для вашего собрания. При выборе я руководствовался не занимательностью содержания, а другими соображениями. Оно, как вы увидите, по числу, последнее из его писем к о. Матвею, а может быть, и вообще из всех его писем. И вообще, писал ли что-нибудь Гоголь после этих строк?..» (письмо от 19 июня 1852 года) [19]. Архив отца Матфея сгорел во время пожара в его доме в 1856 году.

Незадолго до смерти, в конце первой недели Великого поста, Гоголь получил ответ от отца Матфея. Письмо это было найдено в комнате, где умер Гоголь и которая была отведена под квартиру управляющего графа Толстого. Оно датировано 12 февраля 1852 года и переслано Гоголю не по почте, а с оказией.

«Христианская ваша ко мне откровенность и благодушие, — писал отец Матфей, — не ошибусь, скажу — сроднили вас со мною. И потому ваши скука и душевные смущения суть вместе и мои. И потому прошу вас, не унывайте — не отчаивайтесь, во всем благодушествуйте. Как можно, если не сердце, то, по крайней мере, ум ваш держите поближе к Иисусу Христу. Имя Его чаще имейте в устах: оно и далее с Ним познакомить может⁵ — естественно, с условием уклоняться от мира и всего яже в нем⁶. <...> Благодарю вас за мену шубами. Будет лето, и не нужна будет ни моя вам, ни мне ваша⁷. Господь видел ваше усердие ко мне, и оно уже принято. Простите, возлюбленный о Господе! Боюсь что-то я за вас — не сборол бы вас общий враг наш. Но и чувствую вместе с тем какую-то надежду, и вы не посрамились пред Господом в день явления славы Его. <...> Желаю вам в Святой Евхаристии ощутительно вкусить и познать, сколь благ Господь наш. Прощайте и спасайтесь от рода строптивного сего. Благодать Божия да будет с вами везде и всегда — молящийся о сем, вас о Христе любящий протоиерей Матфей Александров⁸» [20].

⁵ Здесь отец Матфей приглашает Гоголя к постоянному богомыслию и Иисусовой молитве.

⁶ Ср.: 1 Ин. 2, 15.

⁷ В этих словах, помимо прямого смысла, есть иносказательный. Здесь, как можно думать, подразумевается Лето Господне (Лк. 4, 18), то есть жизнь будущего века, Второе пришествие Христово. Ср. также: Мф. 24, 32–33.

⁸ В переписке и документах отец Матфей именуется (да и сам иногда так пишет) то Константиновский, то Александров (по имени отца).

По предположению литературоведа Сергея Николаевича Дурылина, впервые опубликованного это письмо, состояние мучительного внутреннего беспокойства, которое испытывал Гоголь в предсмертные дни, объяснялось тем, что он ждал ответа от отца Матфея, прощения за нанесенное ему «оскорбление». После получения письма настроение Гоголя резко меняется: он прощен [21]. Предположение исследователя не лишено основания: Гоголь не раз говорил о том «отрадно-успокоительном» действии, которое имели на него письма ржевского священника. Эти письма он всегда носил при себе.

Отца Матфея упрекали в непонимании Гоголя как писателя. Говорили, что он запрещал ему писать светские произведения. Отец Матфей отвечал на это: «Не правда. Художественный талант есть дар Божий. Запрещения на дар Божий положить нельзя; несмотря на все запрещения, он проявится...» [22]. Отец Матфей был последним, кто ознакомился с главами второго тома «Мертвых душ». Вероятно, это произошло во время его последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. Отец Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег второй том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить.

— «Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том Мертвых душ? — Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: Глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых бы-

ло надписано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал. <...> Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями» (воспроизведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т. И. Филипповым и отцом Матфеем) [23].

Свидетельство отца Матфея крайне важно для нас потому, что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более — судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

В словах отца Матфея, что в несохранившихся черновых главах 2-го тома был изображен священник, прообразом которого послужил он сам, можно видеть еще одно подтверждение тому, что в конце февраля — начале марта 1849 года Гоголь посетил своего духовного отца во Ржеве. «Очевидно, — пишет современный исследователь, — что для Гоголя, взявшегося изоб-

ДОМ ГРАФА А. П. ТОЛСТОГО
НА НИКИТСКОМ БУЛЬВАРЕ
В МОСКВЕ

разить во втором томе «Мертвых душ» почитаемого православного пастыря (прототипом которого, по свидетельству самого отца Матфея, стал именно он), поездка к отцу Матфею в Ржев была просто необходима. Для создания полноценного художественного образа — «живого человека», в котором «всякий» узнал бы известного в то время в России ржевского священника, одного лишь личного общения с ним в Москве, в частной обстановке дома Толстого, Гоголю было явно недостаточно. Думается, для воспроизведения в одной или даже в «двух тетрадах» второго тома поэмы примечательных черт быта и деятельности выдающегося церковного проповедника

Гоголю важно было увидеть прототип своего героя в его привычном окружении, на общественном поприще, в ежедневном пастырском служении (в том числе при совершении Литургии, в общении с прихожанами и домочадцами, при строительстве собора, в обращении старообрядцев и пр.» [24].

Не подлежит сомнению, что ставший своего рода хрестоматийным образ отца Матфея как мрачного фанатика, едва ли не сгубившего Гоголя, крайне далек от истины. Как духовный отец писателя он не поучал его в том, что и как писать, но заботился о спасении души своего духовного чада. Невозможно отрицать его влияния на Гоголя перед

кончиной в феврале 1852 года⁹. Но столь же несомненно, что этот священник, достигший высокой степени духовной жизни, как никто другой понимал его душевное устройство. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, — говорил он. — Наша русская жизнь немало имеет примеров того,

⁹ По этому поводу Т. И. Филиппов в примечаниях к своим воспоминаниям заметил: «Имело ли последнее свидание Гоголя с о. Матвеем влияние на его предсмертное настроение — сказать наверное не могу; но считаю его весьма вероятным, сопоставляя роковой случай с другими ему подобными и мне известными, в которых влияние о. Матвея не подлежит сомнению» (Филиппов Т. И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом. С. 890).

МОГИЛА Н. В. ГОГОЛЯ
НА КЛАДБИЩЕ СВЯТО-
ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ
В МОСКВЕ. 1902 г.

что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения <...> Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему «нужен душевный монастырь», а пред смертью он еще сильнее пожелал его» [25].

Известно, что умер Гоголь в состоянии духовного просветления.

Перед кончиной он дважды общался Святых Таин и соборовался. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» [26]

Широко распространено убеждение, что причины предсмертной трагедии Гоголя следует искать в деяниях лиц, окружавших его в последние годы жизни. Уже в наше время было высказано мнение, что «будь на месте отца Матфея, например, Оптинский

старец Макарий, второй том получил бы одобрение и благословение на выход в свет» [27].

Подобное противопоставление отца Матфея и Оптинского старцев не ново. Вот что говорил, например, в 1902 году профессор А. И. Смирнов в речи по случаю пятидесятилетия со дня смерти Гоголя: «Очень возможно, что не будь в последние годы духовным наставником и руководителем Гоголя о. Матвей Константиновский, суровый и строгий обличитель, этот аскет Феррапонт Достоевского в «Братьях Карамазовых», а будь при нем Оптинский о. Амвросий, почитатель Пушкина, этот смиренный старец Зосима Достоевского, снисходительный к людским слабостям и с большим благоволением к людям и чистым мирским, житейским радостям, — второй том «Мертвых душ» не погиб бы» [28].

Заметим, что преподобный Амвросий Оптинский не был почитателем Пушкина, а держал на своем столике только книгу басен Крылова, ежедневно прочитывая по две-три басни. Если же сравнить эти две великие личности — Оптинского старца и Ржевского протоиерея, то увидим в них глубокое духовное родство. В Оптиной Пустыни хорошо знали отца Матфея. Тот же старец Амвросий отзывался о нем как о человеке, «в жизни своей отличавшемся особенным благочестием» [29].

Другой критик, П. А. Матвеев, автор книги о «Выбранных местах из переписки с друзьями», заметил в 1903 году, что в Оптиной Пустыни Гоголь «встретил мудрых иноков, благодушных и согретых истинно христианской любовью и глубоким смирением души. Они не пугали впечатлительного художника потрясающими картинами вечных мук за его авторскую деятельность, они не считали служение искусству тяжким грехом, как ржевский священник о. Матвей Константиновский, которо-

го надо признать едва ли не одним из главных виновников сожжения второго тома «Мертвых Душ» [30].

Примечательно, что Константин Леонтьев, духовный сын преподобного Амвросия Оптинского, говорил, что тот «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем писанию» [31]. Прозорливый и святой старец в точности понял духовный смысл происшедшего — Гоголь следовал твердо воле Божией и сделал свой выбор сознательно.

Можно было бы привести много несправедливых отзывов об отце Матфее, которые, как правило, высказывали писавшие о Гоголе. Например, профессор протопресвитер Василий Зеньковский утверждал, что отец Матфей «не подходил для духовного руководства таким человеком, каким был Гоголь». Ему казалось, что в те годы «были священники с широким пониманием вопроса об отношении Церкви и культуры» [32]. В качестве примера он приводит архимандрита Феодора (Бухарева). Но последний, как известно, не годился в духовные наставники уже потому, что оставил священный сан и вышел из монашества в мир. В то же время от отца Феодора можно было услышать в открытых беседах «самые почтительные, почти благоговейные отзывы об о. Матфее» (как вспоминал Н. И. Субботин, профессор Московской Духовной академии, специалист по истории русского раскола) [33].

Протоиерей Матфей Константиновский, как бы предвидя будущее непонимание в отношении себя, говорил незадолго до кончины: «Будут бранить меня, ох, сильно будут бранить. — За что же? Ваша жизнь такая безупречная! — Будут бранить, будут. — Не за Гоголя ли? — Да, и за Гоголя, и за всю жизнь мою. Но я не раскаиваюсь в жизни своей, не раскаиваюсь и за отноше-

ния мои к Николаю Васильевичу» [34].

По поводу приведенного разговора автор воспоминаний, протоиерей Феодор Образцов, заметил следующее: «Свидетельствую совестию, что это точные слова о. Матфея, сказанные им за три месяца до своей смерти и лично мною слышанные». ❀

Литература

1. Филиппов Т. И. Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И. А. Виноградов. Т. 3. М., 2013. С. 886.
2. Тарасенков А. Т. Н. В. Гоголь в последнее время жизни. <Черновой автограф> // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 910.
3. Там же.
4. См.: Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М., 2014 (глава «Последние дни»).
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Т. 15. М.; Киев, 2009. С. 470.
6. Образцов Феодор, протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (†14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 903.
7. Там же. С. 903–904.
8. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 7. С. 274.
9. Там же. Т. 4. С. 114.
10. Там же. Т. 6. С. 398.
11. Там же. Т. 6. С. 194.
12. Гоголь в Одессе. 1850–1851. <Дневник Е. А. Хитрово> // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 749.
13. Образцов Феодор, протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (†14 апреля 1857 г.). С. 904.
14. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15. С. 10.
15. См.: Грешищев Н. Очерк жизни в Бозе почившего ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского // Странник. 1860. № 12. С. 279.
16. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15. С. 468.
17. См.: Щеглов И. Л. Из записной книжки. Беседа с современником о. Матвея Константиновского <протоиереем Ф. И. Образцовым> //

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 906.

18. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 12. СПб., 1898. С. 226.

19. Там же.

20. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15. С. 470.

21. См.: Дурылин С. Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 67.

22. Образцов Феодор, протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 903.

23. Там же.

24. Виноградов И. А. Гоголь в Ржеве в 1849 году: о неизвестной поездке писателя // Вестник славянских культур. М., 2015. № 4 (38). С. 103–104.

25. Образцов Феодор, протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 903.

26. Письмо С. П. Шевырева к М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. М., 2012. С. 110.

27. <Антонов М.> Федоров М. Гоголь и Оптина Пустынь // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 71; см. также Антонов М. Гоголь и Оптина Пустынь. К истории второго тома «Мертвых душ» // Учительская газета. 1990. Май. № 22.

28. Смирнов А. И. Из последних лет жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя // Русский Филологический Вестник. Варшава. 1902. № 3–4. С. 460–461.

29. Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. 2-е изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с дополнениями. Сергиев Посад, 1908. Репринтное издание: Кемерово, <1991>. С. 14.

30. Матвеев П. А. Гоголь в Оптиной Пустыни // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 728.

31. Аггеев К., священник. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. С. 101.

32. Зеньковский В. В., проф., протопресвитер. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>, С. 253–254.

33. Субботин Н. И. Из истории раскола в первые годы царствования Императора Александра II // Душеполезное Чтение. 1900. Ч. 1. С. 596.

34. Образцов Феодор, протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. С. 901.

Писатель и священник: исключение или правило?

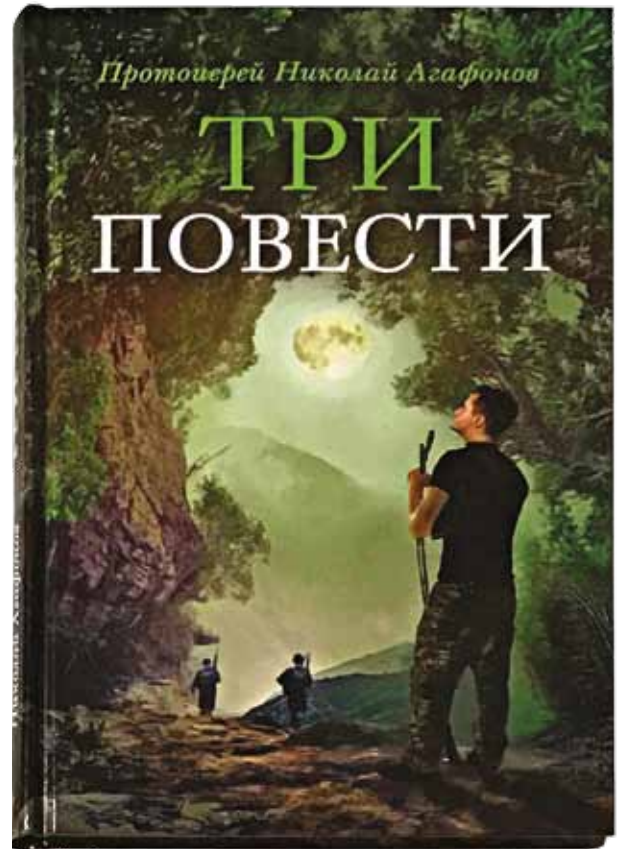
В марте в Казанской епархии прошли мероприятия, посвященные Дню православной книги. Одним из центральных событий этого праздника стали встречи прихожан казанских храмов и учащихся Казанской православной духовной семинарии с известным писателем, лауреатом Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, членом Союза писателей России, лауреатом литературных премий имени святого благоверного князя Александра Невского и драматурга Виктора Розова протоиереем Николаем Агафоновым.

Интервью Людмилы Державиной

Отец Николай, в одном из интервью Вы говорили о том, что писателем стали только к сорока годам. Расскажите, пожалуйста, каким был Ваш путь к литературному творчеству?

Путь к писательству лежит через любовь к книге. Прочитайте биографию любого писателя, и Вы увидите, что его детство и юность проходили под знаком этой любви. С самого раннего возраста моим любимым времяпрепровождением было чтение книг. Книга меня сопровождала везде и всегда. Недавно пересматривал свой армейский альбом и заметил, что на многих фотографиях я запечатлен с книгой в руках.

**СБОРНИК «ТРИ ПОВЕСТИ»
ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ
АГАФОНОВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ,
2016 Г.**

кто любит читать мои книги, поэтому мои встречи с читателями — среди которых немало студентов семинарии — проходили в очень теплой атмосфере. Я рассказывал о значении литературы в воспитании подрастающего поколения, о своем творчестве и планах, а также отвечал на вопросы.

Представил свою новую повесть «Стояние» о девушке Зое, танцевавшей с иконой святого Николая Угодника и в наказание за это кощунство застывшей на несколько дней. Это чудо произошло в 1956 году в Куйбышеве (ныне Самара).

В конце встречи подписывал свои книги всем желающим.

Во второй день своего визита Вы посетили Казанскую духовную семинарию, где прочитали лекции на темы: «Христианская антрополо-

Что для Вас значит быть священником-писателем?

Ничего не может быть выше священнического служения. Но священник может быть еще и врачом, пример святителя Луки (Войно-Ясенецкого) — тому подтверждение. Это просто еще одна грань служения Богу. Лечение людей и писательство вполне гармонично могут уживаться со служением у Престола Божия. Вполне хорошее сочетание также — священник-педагог. А вот, например, священник-политик, священник-бармен, священник-артист — для нас понятия малосовместимые. Антон Павлович Чехов, к примеру, был врачом. Но весь мир его знает, прежде всего, как писателя. Так что для меня оба призвания живут в гармонии между собой в иерархическом порядке — в первую очередь я священник, но ничто мне не мешает реализовать себя еще и как писателя.

Помогает ли Вам опыт пастырского служения в писательстве?

В писательстве помогает любой опыт. Я бы не смог написать хорошего романа о шахтерах, так как ни разу в жизни не бывал в забое, но вот писать о жизни людей церковных мне вполне под силу, и здесь, конечно, мой опыт общения с такими людьми, да и свои личные впечатления помогают.

В связи с празднованием Дня православной книги Вы посещаете различные епархии Русской Православной Церкви. В этом году Вы встретились со своими читателями в Казани. Расскажите, пожалуйста, о впечатлениях от общения с казанской аудиторией.

Первое, что меня порадовало в Казани, — так это неподдельный интерес горожан к современной православной литературе. Не скрою, было приятно узнать, что здесь немало и тех,

Чтобы стать писателем, недостаточно одного желания. Даже любовь к чтению не сделает человека писателем. Не поможет этому и специальное образование — допустим, факультет журналистики, филфак или даже Литературный институт. Стать писателем может только тот, кто наделен даром сочинительства. Недаром раньше писателей называли сочинителями. Если человек способен выдумывать и мечтать, создавать в своем воображении целые миры, то он может стать писателем. Вот таким выдумщиком и мечтателем я ощущал себя с самого раннего детства. В шесть лет, когда я сочинил свои первые стишки, то заявил родителям, что когда вырасту, то обязательно буду писать книги.

В школьные годы придумывал сценарии сказок и ставил их вместе со своими друзьями в импровизированном уличном театре. Пробовал писать сказки и рассказы. Так что сочинителем, то есть писателем, я был всегда. А реализовать свой полученный от Бога дар смог только в сорокалетнем возрасте. Одно дело — мечтать и сочинять, а другое — сесть и все это изложить на бумаге. Тут уже нужны труд и усидчивость. А, как известно, творческие люди в большинстве своем несобранны и ленивы. Правда, есть и много трудолюбивых от литературы — тому порукой их многотомные сочинения, но это не про меня. Из-за своей природной лени начало работы я откладывал с весны на осень, с одного года на другой. В начале девяностых сумел разродиться двумя рассказами «Погиб при исполнении» и «Выбор невесты», а потом снова отложил писательство в дальний ящик. Слава Богу, в 2000 году я все же начал исполнять мечту своего детства, и уже в 2002 году вышли из печати первые сборники моих рассказов.

гия. Происхождение и предназначение человека по книге Бытия» и «Святители земли Казанской — Гурий, Герман и Варсонофий».

Говоря о впечатлениях от встречи с Вами, студенты отмечали, что сложная тема библейской антропологии была чрезвычайно глубоко раскрыта Вами. Почему для общения с учащимися духовной семинарии Вы выбрали именно эту тему?

Эта тема в моем понимании самая важная и значимая. Ведь человека интересует не столько окружающий его мир, сколько его собственное место в этом мире, его предназначение, смысл его жизни. К тому же именно здесь,

в Казани, был создан один из самых глубоких трудов по христианской антропологии — «Наука о человеке». Автор этого блестящего исследования — профессор Казанской духовной академии Виктор Иванович Несмелов.

Именно о нем великий русский философ Николай Бердяев писал: «Несмелов очень дерзновенный, глубокий и оригинальный мыслитель. Он продолжает по-новому дело восточного (мистического) богословия, с которым его соединяет чуждая западному богословию вера в божественность человеческой природы».

Во второй лекции для воспитанников духовной семинарии Вы подчеркнули, что для будущих пастырей важно знать историю Казанского края и тех, кто стоял у истоков его просвещения, ибо многие значимые события для России происходили именно здесь.

В истории Русской Церкви и нашего государства Казанская земля действительно имеет особое значение. В 1555 году была основана Казанская епархия, связанная с именами таких великих подвижников, как святители Гурий, Герман и Варсонофий, которые своими трудами и молитвами заложили основы духовного развития всего Поволжья.

Кстати, по моему твердому убеждению, именно образование Казанской епархии дало мощный импульс к широкому распространению книгопечатания на Руси. Ведь именно присоединение к России Казанского края поставило перед государственными и церковными властями проблему просвещения народов Поволжья: татар, марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и многих других. Необходимы были книги — много книг. Переписчики уже не в силах были справиться с этой задачей, необходимо было срочно ставить печатание книг, что называется, на поток. Не зря многие историки

не без основания считают, что после Москвы важным центром книгопечатания был Свияжск. Кроме того, именно Казань дала нашему Отечеству великого патриота земли Русской — священномученика патриарха Ермогена.

В 2012 году вышла в свет Ваша книга о патриархе Ермогене «Адамант земли Русской». Что вдохновило Вас на написание этого исторического очерка и почему Вы выбрали именно святителя Ермогена?

Обратиться к этой теме меня побудило приближавшееся тогда 400-летие со дня мученической кончины святителя Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, которое отмечалось в 2012 году. Я обратил внимание на то, что подвиг гражданина Минина и князя Пожарского увековечен в народной памяти — каждый посещающий Красную площадь в Москве видит установленный им памятник. Их имена на слуху у всех — от школьников до пенсионеров, а вот истинного вдохновителя национально-освободительного движения России патриарха Ермогена вспоминают реже, а многие не знают и вовсе. Вот я и решил описать жизненный путь великого патриота земли Русской.

Считается, что исторические произведения более сложны в написании, так как нужно быть знатоком эпохи, в которой происходят события. Как Вы готовитесь к написанию таких произведений?

Тут Вы совершенно правы. Чтобы писать историческую беллетристику, необходимо хорошо изучить ту эпоху, в которой действуют герои твоего произведения. Например, перед написанием исторического романа «Иоанн Дамаскин» я два года изучал все, что касается эпохи иконоборческой ереси VIII века. Читал труды церковных и светских историков, жития святых, изучал византий-

ПРОТОИЕРЕЙ
НИКОЛАЙ АГАФОНОВ
С ИКОНОЙ СЩМЧ. ЕРМОГЕНА

ские хроники, историю Дамасского халифата и т. д. То же самое с другими моими романами и повестями на исторические темы.

Жизненный путь патриарха Ермогена описан многими историками, насколько Ваша книга отличается от написанных ранее?

Действительно, о патриархе Ермогене написано немало исторических трудов, но не все будут читать серьезные научно-исторические исследования. Моей задачей была популяризация этой темы, привлечение к ней внимания широких масс читателей. Необходима была книга, написанная просто и доходчиво.

Надо отметить и другой аспект: все исторические труды о патриархе Ермогене охватывают либо период Смутного времени, либо его служение митрополитом в Казанской епархии. И это неудивительно, ведь о жизни одного из виднейших деятелей русской истории до его пятидесятилетнего возраста нам почти ничего не известно. Как ни печально, но исследователям приходится довольствоваться одними догадками и предположениями. Лишь в огне страшного пожара 1579 года, когда выгорела почти вся Казань, впервые высветилась для истории личность великого столпа Православия. Тогда приходскому священнику церкви Николы Гостиного Ермолаю — будущему патриарху — Бог судил принять в свои руки обретенный на пепелище чудотворный образ Божией Матери, именуемый с тех пор Казанским.

Служение патриарха Ермогена (тогда еще священника Ермолая) в Николо-Гостинодворской церкви представляет особый интерес в связи с тем, что 14 февраля этого года этот храм был возвращен Казанской епархии. Расскажите, пожалуйста, подробнее о событи-

ях, связывающих явление Казанской иконы Божией Матери, священника Ермолая (патриарха Ермогена) и Николо-Гостинодворскую церковь.

В пору служения святителя Ермогена священником Казань уже являлась крупным культурно-промышленным центром Поволжья, да и всей России в целом. Выгодное положение города при слиянии рек Камы и Волги делало его точкой пересечения многих торговых путей. Товары, которые шли из Персии и Китая через Астрахань в Россию и Европу, а из западных стран в Азию, сосредотачивались на судоходных пристанях и в гостином дворе. Именно здесь и стоял храм, в котором служил будущий патриарх. В Казанском посаде располагалось в то время до шестисот дворов, а на торгу было шестьдесят лавок и еще двести пятьдесят мелких торговых мест.

В Казани было несколько монастырей и десятки приходских храмов, среди которых особо выделялась церковь святителя Николая в гостином дворе, так как находилась она в торговом центре города. Как известно, такие центры всегда были средоточием всей городской жизни, а потому важность храма, стоявшего на этом месте, хорошо понималась государственной властью. Поэтому церковь святителя Николая в гостином дворе была ружная¹ — так назывались храмы, которые получали содержание от казны.

Отсюда напрашивается вывод, что человек, занимавший в этой церкви место священника, должен был обладать такими личными дарованиями, которые выделяли бы его среди казанского духовенства. Это подтверждается уже тем, что именно Ермогена Казанский архиепископ Иеремия благословляет взять от земли явленный чудотворный об-

раз Божией Матери и нести его на руках до храма святителя Николая Тульского и далее — до кафедрального Благовещенского собора. Ему же архиепископ поручает наблюдать за порядком шествия всего торжественного крестного хода по городу.

Скажите, пожалуйста, почему явленный образ Божией Матери принесли именно в церковь святителя Николая Тульского, а не в храм святителя Николая в гостином дворе, который, как Вы убедительно пояснили, являлся наиболее важным местом в посадской слободе Казани?

Позволю себе напомнить события, связанные с обретением чудотворного образа Казанской иконы Божией Матери, подробно описанные самим патриархом Ермогеном. 23 июня (по старому стилю. — Прим. ред.) 1579 года в Казани случился пожар, от которого выгорел почти весь город. Огонь не пощадил в том числе и Спасо-Преображенский монастырь, где были погребены святители Гурий и Варсонофий, несмотря на то, что монастырь находился в Кремле за каменными стенами. Надо полагать, что Гостинодворский храм, который был, скорее всего, деревянным — сгорел в пожаре, ведь его окружали многочисленные купеческие деревянные строения.

Обретение иконы произошло на пятнадцатый день после пожара — 8 (21) июля. Разумеется, полностью сгоревший храм святителя Николая Гостинодворского не успели отстроить за две недели, ведь надо было строить не церковь-однодневку, а большой и красивый храм. Церковь же святителя Николая Тульского, по видимому, не так сильно пострадала, поэтому на момент обретения Казанской иконы Божией Матери была вполне пригодна для совершения службы. К тому же этот храм находился поблизости от ме-

¹ От слова «руга» — денежная выплата духовенству, которая выдавалась из казны или от собственника. — Прим. ред.

ГОСТИНЫЙ ДВОР.
ФОТОГРАФИЯ НАЧАЛА XX в.
ИЗ ФОНДА НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ
ТАТАРСТАН

ста обретения чудотворного образа. У него и остановился крестный ход, направлявшийся в кафедральный Благовещенский собор.

Кстати, Благовещенский собор и архиерейское подворье Кремля от пожара не пострадали. Достоинно внимания и то обстоятельство, что сохранился храм именно святителя Николая Тульского, так как пожар начался со двора Данилы Онучина, а этот двор располагался как раз рядом с храмом. На месте сгоревшего дома Данилы Онучина и была обретена икона. В этой связи у меня только два предположения: или ветер был в сторону от храма и его сумели отстоять от огня, или Сама Царица Небесная сохранила храм, возле которого был обретен Ее чудотворный образ.

«Явила себя Богородичная икона таковым образом. Не показала Владычица Образа Своего ни святителю града, ни начальнику властей, ни вельможе или богатому, ни мудрому старцу. Но открыла Свое сокровище, чудный Свой Образ, источник неисчерпаемый, приходящим с верою, — десятилетней девице именем Матрона, дочери одного человека из простецов, служившего на войне стрельцом», — писал патриарх Ермоген в повести о Казанской иконе Божией Матери. Бытует мнение, что девица Матрона была дочерью стрельца Онучина, так ли это? Что известно о ее жизни?

О жизни Матроны мало что известно, сведения о ней

мы можем почерпнуть только из «Повести о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани», автором которой является сам патриарх Ермоген. Сразу надо оговориться, что других источников об этом событии нет. Действительно, бытует мнение — и оно очень распространено, — что Матрона — дочь того самого Данилы Онучина, со двора которого и начался пожар. Но мнение это ошибочное.

Во-первых, Данила Онучин никакой не стрелец. При внимательном чтении «Повести» видно, что о нем святитель упоминает всего один лишь раз, когда указывает, что пожар начался «близ церкви святителя Николая, нарицаемого «Тульским», во дворе некоего воина цар-

ского Даниила Онучина». Между тем Онучины — это нижегородские дворяне, переселившиеся в Казань в 60-е годы XVI века. Дворяне и дети боярские служили в коннице, которая являлась привилегированным царским войском. Потому Ермоген и называет Онучина «воином царским».

А вот Матрона именуется Ермогеном не иначе как юной дочерью «простого, искусного в военной стрельбе воина». Это означает, что отроковица была дочерью стрельца, притом простого, а не сотника. То, что икона была обретена во дворе Даниила Онучина, не вызывает сомнения, как и то, что Матрона не была его дочерью. О судьбе Матроны нам известно только то, что она стала первой по-

стриженицей монастыря, основанного на месте обретения Казанской иконы Богородицы. Постригли ее с именем Мавра (Марфа), следом за дочерью приняла постриг и ее мать. В будущем Мавра стала игуменьей этого монастыря.

Отец Николай, благодарю Вас за интересную беседу, и в завершение нашего разговора — расскажите, пожалуйста, о своих творческих планах.

Планов у меня громадье громадное — и за десять лет не управиться. Но дай Бог успеть хотя бы то, что уже начато, но оставлено до лучших времен. Дело в том, что я человек увлекающийся: вот начну новый роман или повесть, напишу несколько глав, а тут но-

вая идея. Я откладываю недописанное и берусь за новое. Теперь вот решил все задуманное и уже начатое закончить. Только что закончил небольшую повесть «Утоли моя печали», работаю одновременно над романом «Из страны далече» и повестью «Арианин», а еще начаты исторический роман «Еремей — поповский сын» и повесть «Хроника восхождения на девятый этаж».

В 2015 году в издательстве Сретенского монастыря вышла моя новая повесть для подростков «Детство Сережи», а теперь мои юные читатели требуют от меня продолжения — наверное, надо исполнить их просьбу. Но, да как будет Богу угодно: ведь человек предполагает, а Бог располагает! ✚

«В страстной четверг 1918 г.»

Публикация Н. Г. Комар

Нестор Мемнонович Петровский (1875–1921), профессор славянской филологии, член-корреспондент Императорской академии наук, родился в семье известного профессора-слависта Казанского университета Мемнона Петровича Петровского. Петровский-младший учился сначала во Второй Казанской гимназии (1885–1893), затем на историко-филологическом факультете Казанского университета (1893–1897), по окончании которого с дипломом первой степени был оставлен на два года для приготовления к профессорскому званию. Молодой ученый, как и его отец, был командирован за границу с ученой целью в 1899–1900 годы, итогом поездки стала его магистерская диссертация «О сочинениях Петра Гекторовича», успешно защищенная им в 1902 году в Казанском университете. В 1906 году он защитил докторскую диссертацию «Первые годы деятельности В. Копитара», и уже через два года, в 1908 году, молодой ученый избирается ординарным профессором по кафедре славянской филологии.

Активное участие Н. М. Петровский принимает в общественно-научной жизни Казани: с 1916 года он был председателем Общества любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Казанском университете, в 1917 году его избрали членом-корреспондентом Академии наук, в 1918 году он был инициатором открытия в Казани отделения Института русской литературы (Пушкинского Дома). В статье «Отец и сын Петровские: два поколения Казанской школы славяноведения» авторы (Н. И. Макарова и Г. П. Мягков)

пишут: «Поражает широкий спектр интересов Петровского (Нестора Мемноновича. — Н. К.) — это история, в том числе история Казани, текстология, древние и новые славянские литературы, переводы трудов европейских славяноведов, которые сами являлись «событием» <...>» [3, с. 72].

Важной частью научного наследия ученого являются интереснейшие рецензии, в которых он обращался к русской литературе — как древней, так и современной ему. Кроме того, семья Петровских была и поэтически одарена. Писал стихи и делал поэтические переводы со славянских языков его отец М. П. Петровский, прививший любовь к поэ-

НЕСТОР МЕМНОНОВИЧ
ПЕТРОВСКИЙ

зии и своему сыну: в 1913 году он издал отдельной книгой поэтические переводы отца под названием «Отголоски славянской поэзии».

Среди поэтического творчества Нестора Петровского особое внимание заслуживает стихотворение «В страстной четверг 1918 г.», посвященное революционным событиям, вернее, передающее духовное состояние многих русских людей, живших в эпоху слома традиций и самих основ революционного общества. Стихотворение сохранилось в семейном архиве Порфирьевых в числе других его стихов и переводов, списанных после кончины Н. М. Петровского в 1921 году с разрешения Эммы Генриховны, матери ученого, в виде двух рукописных тетрадей Юлией Михайловной Порфирьевой, женой друга Н. М. Петровского историка С. И. Порфирьева. Данное стихотворение сохранилось и в рукописи «О моих предках. Документированный рассказ» Марины Нестеровны Петровской, дочери Н. М. Петровского. Рукопись хранится в Отделе рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета. Представленное здесь стихотворение переиздавалось и в наше время, в 2010 году, в сборнике «Поэты — воспитанники Казанского университета, XIX — начало XX в.», что свидетельствует об интересе к нему современников.

Произведение написано под впечатлением от богослужений Страстной седмицы (заметим, что Пасха в 1918 году была 5 мая). Оно делится на три части. Первая передает переживания души человека, присутствовавшего на богослужении, посвященном чтению Страстных Евангелий. Однако глубокие переживания евангельских событий — это только предуготовление к важнейшей тайне Воскресения Христова, радость которого передается во второй части. Несмотря на то, что Пасхе посвящен самый короткий эпизод стихотворения, он самый светлый и значимый. В третьей части лирического героя занимают размышления о бедственном положении своей Родины, с которой он, как и многие другие в то время, разделил самые трудные годы. Эта наиболее скорбная и пространная часть, однако, автор не останавливается на ней, а заканчивает строками, в которых слышится и упование на помощь Божию, и надежда на Светлое Воскресение. ✚

В СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ 1918 г.

«Двенадцать Евангелий» в церкви сегодня...
Медлительно колокол звон издает,
И с каждой новой страстью Господней
Ударов его прибавляется счет...
Их звуки несутся, как звон погребальный
Над телом Распятого, в мрачной тиши...
И будят они отголосок печальный
В пещерах больной и усталой души...

Но скоро послышатся новые звуки —
Настанет воскресный, торжественный день,
И будут забыты недавние муки,
И солнце заменит унылую тень,
И вместо щемящего мертвого звона
Раздастся могучий, победный трезвон,
И сердце при звуках привета с амвона
В восторге забьется ему в унисон...

Для родины нашей неделя Страстная
Тянулась томительно несколько лет
И к пятнице пала она, изнывая,
И ей ниоткуда спасения нет.
И книгу страстей мы ее дочитали,
Казалось, до самых последних листов,
А колокол грозный тоски и печали
Все также ударами сыпать готов.

Но где же для родины дни воскресенья?
Где эти горящие ярко огни,
Где это звучащее радостью пенье?
Настанут ли эти священные дни?
В них хочется верить, но сердце тревожа,
Сомнение душу низводит во тьму...
И слышится голос: «Я верую, Боже!
Неверию Ты помоги моему!»

3 мая (20 апреля) 1918 г.

Литература

1. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–2004). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1904. Ч. 1. XIV [2], 552 [1] с.

2. Комар Н. Г. Очерки изучения и преподавания древнерусской литературы в Казани (XIX — начало XX в.) / Н. Г. Комар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. 220 с.

3. Мягков Г. П., Макарова Н. И. Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения / Г. П. Мягков, Н. И. Макарова // Ученые записки Казанского университета. 2006. Т. 148. Кн. 4. С. 65–73.

4. Петровская М. Н. О моих предках. Документальный рассказ [Текст] / М. Н. Петровская // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 10007, 10008, 10009.

5. Поэты — воспитанники Казанского университета, XIX — начало XX в. / сост. В. И. Шишкин, М. М. Сидорова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. 308 с., 6 л. ил.

РАССВЕТ НА ВОЛГЕ

В тихом сумраке рассвета
 Дремлет мощная река;
 Чуть алеют облака;
 Серой дымкой даль одета!
 В безмятежном полусне
 Слышен голос робкой птицы,
 Словно дальний звук цевницы
 Раздается в тишине;
 И дыхание природы,
 Пробудившейся от сна,
 Как волшебница — весна
 В душу льет живые воды;
 И усталая душа,
 Набираясь жизни снова,
 На борьбу опять готова,
 Прежней силою дыша;
 И хотя еще над светом
 Распростерта ночи тень —
 Близкий чувствуется день
 В преходящем мраке этом;
 Скоро яркие лучи
 Брызнут с алого востока
 И зальют волной широкой
 Все, что спало в той ночи...
 И хотя в душе поэта
 Все живет, как встарь, тоска,
 Скорбь его теперь легка
 В тихом сумраке рассвета.

1904 г.

НАШ ЯЗЫК (NASZŃ MOWA)

Близко знакомы звуки мне эти;
 Первыми их я слышал на свете,
 В первых уроках милая мама
 Из родника их мне черпала прямо.
 Как василек средь зреющей нивы,
 Смотрит язык наш юный, красивый;
 Хоть раздается в жалкой он хате,
 Хоть и одет он в бедное платье.
 Звукам тем внимлем (с д) ухом веселым
 Мы по лужайкам, рощам и селам.
 Он засмеется — чувство такое,
 Будто щебечет птичка весною;
 Если заплачет — сердце заноеет,
 Точно в деревьях ветер завоет.
 Вслушался крепко в эти я стоны;
 Чужды мне стали прочие тоны.
 Издали звуки мчатся простором —
 Грезы рисуют умственным взором
 Древний язык наш, праотцев чтимых,
 Вечно живущих в звуках родимых.

Казань, 19(6).01.1920 г.

Перевод стихотворения В. Будзыша
 с кашубского (западнславянского) языка

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ в Казанской православной духовной семинарии 14 мая в 13:00 часов

Казанская православная духовная семинария — высшее духовное учебное заведение Русской Православной Церкви.

Пастырско-богословское отделение готовит кандидатов для принятия священного сана и сотрудников церковных учреждений. На пастырско-богословское отделение принимаются лица мужского пола православного вероисповедания в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие полное среднее или высшее образование.

По результатам вступительных экзаменов абитуриенты зачисляются на подготовительное отделение или на бакалавриат.

В магистратуру принимаются выпускники бакалавриата, предполагающие заниматься научно-богословской и преподавательской деятельностью.

Профили магистратуры:

- Церковная история;
- Православное богословие и религиозная философия.

Срок обучения: подготовительное отделение — 1 год,
бакалавриат — 4 года, магистратура — 2 года.

Отделение заочного обучения дает высшее богословское образование по программам пастырско-богословского отделения. На заочное отделение принимаются клирики, не получившие своевременно богословское образование, и миряне, несущие послушание в структурах епархий, благочиний, приходов и монастырей.

Срок обучения — 5 лет.

Регентско-катехизаторское отделение готовит регентов церковных хоров, певчих, псаломщиков, катехизаторов. На регентско-катехизаторское отделение принимаются лица православного вероисповедания в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие полное среднее или высшее образование.

Срок обучения — 4 года.

Отделение дополнительного образования готовит специалистов в области миссионерской и катехизаторской деятельности.

На отделение дополнительного образования принимаются лица православного вероисповедания, имеющие полное среднее или высшее образование.

Срок обучения — 2 года.

Адрес семинарии: 420036, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Челюскина, 31а,
станция метро «Авиастроительная»
Телефон: 8 (843) 205-60-28 (канцелярия)
www.kazpds.ru

ХРАМ СВТ. НИКОЛАЯ В ГОСТИНОМ ДВОРЕ.
ЛИТОГРАФИЯ. А. ДЮРАН. 1845 г.

А. Дюранъ 1845.